

БЗЗ(З-ЗСПБ)

К22

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК

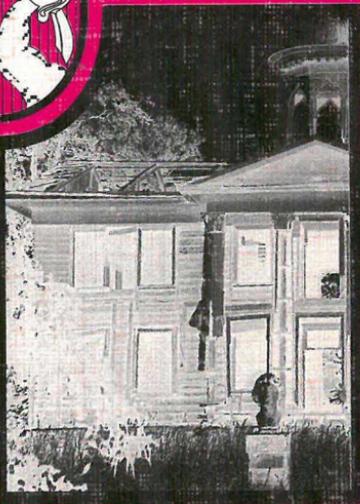
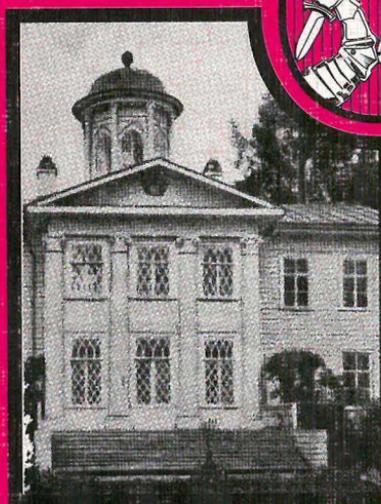
ЗЕМЛЯ НЕИЗВЕДАННАЯ

Часть 7

Центральный сектор

Муоние - Юрьягя

[Красносельское - Барышево]

*Центральная Библиотека им. Зощенко на Шестом
набережье от суда след*

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК *Барнаул*
ЗЕМЛЯ НЕИЗВЕДАННАЯ *17.07.04*

63.3(2-2С15)

Часть 7 *K22*

Центральный сектор:

АБОНЕМЕНТ

Муолаа – Эюряпя
[Красносельское – Барышево]

3

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2004
Ш 658 / 1
ГКУ "ЦБС Курортного района
Санкт-Петербурга

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
ГКУ "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга
197 01, г. Сестрорецк,
ул. Толстого, 7 тел. 434-7157

Серия основана в 1996 г.

Автор-составитель Орехов Д. И.

Сбор и обработка архивных материалов: *Балашов Е.А.*

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК – ЗЕМЛЯ НЕИЗВЕДАННАЯ.
Д.И. Орехов Часть 7. Центральный сектор: Муо-
лаа [Красносельское], Эюряпяя [Барышево]. – СПб.:
ИПК «Нива», 2004 — 236 с., 151 илл.

Историко-краеведческие очерки охватывают центральную часть Выборгского района Ленинградской области – современную Красносельскую волость.

Книга предназначена для широкого круга читателей и краеведов.

Ваши мнения, предложения и замечания по книге рекомендуем направлять по электронной почте e-mail: **balasov@mail.admiral.ru**

В книге использованы фотоматериалы из некоторых финских изданий (см. библиографию), а также из частной коллекции С.В. Ренни.

На первой странице обложки на фоне фото изображен герб финляндской Карелии. Азиатская сабля и европейский меч символизируют Карелию как многовековое поле битвы между Востоком и Западом.

На титульном листе – фрагмент карты Шведо-Финляндии.

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Ни одна часть этой книги, как и все произведение в целом не могут быть воспроизведены фотомеханическим, электронным или любым другим способом без письменного разрешения автора.

ISBN 5-86456-078-2

ИПК «Нива», 2004 г.

ООО «Турусел», 2004 г.

© ИКО «Карелия», 2004 г.

© Орехов Д. И. 2004 г.

© Балашов Е. А. Верстка и оформление, 2004 г.

Оглавление

ОТ АВТОРА.....	5
ИЗ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ.....	8
ПОД ВЛАСТЬЮ РУССКОГО ЦАРЯ.....	25
РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В МУОЛАА.....	46
ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ТЕРРИТОРИИ МУОЛАА.....	55
ОБРАЗОВАНИЕ ВОЛОСТИ И ЦЕРКОВНОГО ПРИХОДА ЭЮРЯПЯ.....	70
<i>Церковь Эюряпя.....</i>	71
ЭТО БЫЛО КОГДА-ТО.....	78
<i>Общественные организации.....</i>	78
<i>Транспортные пути.....</i>	79
<i>Строительство железных дорог.....</i>	84
<i>Водный транспорт.....</i>	88
<i>Почта, телефон, радио.....</i>	90
<i>Годы грозовые.....</i>	95
ЗНАМЕНИТОЕ ОЗЕРО ЯЮРЯПЯНЬЯРВИ	
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ.....	105
МУОЛАА И ЭЮРЯПЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД.....	112
ДЕРЕВНИ ВОЛОСТИ МУОЛАА.....	124
Хотокка Hotokka [<i>Стрельцово</i>].....	124
Муолаанкюля Muolaankylä [<i>Искра</i>].....	128
Кангаспелто Kangaspelto - Новая Деревня [<i>Грибное</i>].....	129
Суденоя Sudenoja - Развоз.....	130
Кююрёля Kuurölä - Красное Село [<i>Красносельское</i>].....	131
Парккила Parkkila - Паркино.....	134
Сойттола Soittola [<i>Подгорье</i>].....	134
Ханттула, Кархула Hanttula, Karhula [<i>Волочаевка</i>].....	135
Илола Ilola [<i>Овсяное</i>].....	137
Перкъярви Perkjärvi [<i>ст. Кирилловское и пос. Кирпичное</i>].....	138
Кескикюля Keskikylä [<i>Староселье</i>].....	145
Таапериemi Таапериemi [<i>Глубокое</i>].....	146
Тервола Tervola	149
Ойнала Oinala.....	150
Вихола Vihola.....	151
Лавола Lavola [<i>Нагорное</i>].....	153
Сормула Sormula [<i>Синицыно</i>].....	154
Харвола Harvola.....	156
Весиккала Vesikkala.....	157
Куркела, Хейккиля, Лейриля Kurkela, Heikkilä, Leirilä [<i>Вишневка</i>].....	158

Пяллиля Pällilä [<i>Вишневка</i>]	159
Кирккоранта Kirkkoranta [<i>Правдино</i>]	160
Турулила Turuliila	162
Койрала Koirala	163
Каннила, Пейкола, Пассила Kannila, Peikkola, Passila	164
Хаттула Hattula	165
Латтула, Ретукюля Lattula, Retukylä	166
Лехтокюля Lehtokylä	167
Яарила Jaarila	168
Каллайнен (Каллайстен) Kallinen (Kallaisten)	168
Хеймала, Селола, Пихкала, Саккалила Heimala, Selola, Pihkala, Sakkalila	169
Тельккяля Telkkälä [<i>Силино</i>]	170
Химала Himala	171
Мюхкюриля, Оравала, Саавола Muhkanilä, Oravala, Saavola [<i>Лебедевка</i>]	172
Пуннус Punnus [<i>Красноозерное</i>]	173
Сокиала Sokiala	175
Куусаа Kuusaa [<i>Климово, Папоротниково, Дубки</i>]	175
Мяяттяля Määttäälä [<i>Гчелино</i>]	179
Пейппола Peippola	179
Паакели Paakeli	180
Лейпясуо Leipäsuo	181
ДЕРЕВНИ ВОЛОСТИ ЭЮРЯПЯ	184
Рахкола Rahkola	184
Каукила Kaukila [<i>Кузьминское</i>]	184
Мялькёля Mäikkölä [<i>Зверев</i>]	187
Пёлляккяля Pölläkkälä [<i>Барышево</i>]	189
Вуосалми Vuosalmi	195
Пааккола Paakkola [<i>Шлюз Гремучий</i>]	198
ДОЛГАЯ ДОРОГА К ДОМУ	201
ЭПИЛОГ	214
ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	219

ОТ АВТОРА

Продолжая серию «Карельский перешеек — земля неизведанная», мы собираемся рассказать в этой книге читателям о районе Карельского перешейка, где расположены, в частности, поселки Красносельское, Климово, Красноозерное, Барышево, часть водной системы Вуокса, озера Правдинское, Красное, Раковое, Глубокое, Нахимовское, железнодорожные станции Кирилловское, Лейпясую. Многие жители Санкт-Петербурга любят посещать эти места, чтобы подышать чистым сосновым воздухом, пройти с рюкзаком по лесам или на байдарке по Вуоксе.

Мне доводилось бывать на Карельском перешейке неоднократно, в том числе и в этих местах, которые полвека назад имели совершенно иные названия, нежели сейчас. В начале 80-х годов, заинтересовавшись тем, что мне довелось там увидеть, я занялся более целенаправленными поисками, стал искать людей, в том числе из ныне проживающих на Карельском перешейке, которые что-либо помнят и знают, собирать литературу, старые фотографии. Знакомство в 1981 году с финскими гражданами, Лайлой и Мартти Ювонен*, которые родились в этих местах, способствовало в дальнейшем появлению возможностей получения интересных печатных материалов, в частности, изданных в Финляндии в 50-х годах и в более поздний период книг по истории районов (общин) Карельского перешейка и Северного Приладожья, отторгнутых сталинским руководством СССР от Финляндии в 1940 году. Благодаря этим людям мне удалось в 1982 году приобрести изданную в 1952 году книгу «Муолаа и Эюряпя» (на финском языке), на материале которой в значительной мере построено содержание данной работы.

Прошло уже несколько десятилетий с тех пор, как Карельский перешеек практически полностью поменял свой облик. В предыдущих книгах данной серии автор большинства их, известный петербургский краевед Евгений Александрович Балашов, убедительно, на основании архивных материалов, показал, как все это было организовано, удачно назвав замену старых названий на новые «топонимической стерилизацией». Пришли новые хозяе-

* *Фамилия изменена (Д.О.)*

ва, привезли новых жителей (многие из которых были доставлены на захваченные земли, так сказать, в добровольно-принудительном порядке, о чем автору довелось слышать от некоторых наших соотечественников), назвали Выборг «старинным русским городом», силой установили новую границу. Все это уже известно. Только подходы к освещению событий бывают разные.

Иногда задают вопрос о позиции автора. Как мне представляется, историк, исследователь, занимающий какую-либо позицию на той или иной стороне — это не историк, а пропагандист, и не более того, в этом случае факты подбираются им в выгодном для него и его заказчиков свете, с замалчиваем неугодных деталей. Я считаю, что с точки зрения объективности и высоконравственности не позиция исследователя должна определять методы подачи и комментирования фактов, а наоборот — вся совокупность фактов должна определять позицию. Возможно, некоторые посчитают такую точку зрения «непатриотичной», но только так, по моему мнению, история будет по-настоящему историей, а не пропагандой. А учитывая то, что к затрагиваемой в данной книге теме на протяжении вот уже многих лет сохраняется устойчивый общественный интерес, очень важно, чтобы во имя возрождения нашей морали и нравственности (в высоком понимании этих слов) информационный вакуум заполнялся материалами, составленными добросовестными и честными исследователями.

...Течет время, одно поколение сменяется другим. И только память остается — в исторических памятниках, книгах, воспоминаниях очевидцев. Все это обязательно должно сохраниться. Ради нашего будущего.

Я выражаю глубокую признательность И.И. Сейдину, В.Ю. Чекунову, В.И. Смирнову и В.Б. Мясоедову, предоставившим дополнительные сведения по отдельным событиям на Карельском перешейке, А.М. Вавиной-Мравинской, Д.И. Шитову и С.В. Рени за предоставление некоторых фотографий из своих личных архивов, Е.А. Балашову, предоставившему адаптированные архивные материалы по послевоенному переименованию населенных пунктов и данные по дореволюционному дачевладению, Е.Э. Репину и Т.А. Репиной за помощь в корректировке текста рукописи, а также некоторым финским гражданам, бывшим жителям волости Эюряпяя, передавшим в распоряжение автора интересные текстовые и иллюстративные материалы.

Зов родного очага

Озерный край среди лесов,
Ты мне, как прежде, мил.
Я видел много дивных снов,
Как там когда-то жил.

Муолаа и Эюряпя,
Как дороги вы мне!
Вас часто вспоминаю я
С тоской наедине.

Вот остров Суурсаари там
Средь озера стоит,
И в небе птиц веселый гам,
И вновь душа болит.

Все изменилось в ту войну,
И все свершилось так,
Когда внезапно на страну
Напал коварный враг.

Давить солдатским сапогом
Соседа он пришел,
И в наш родимый отчий дом
Своих людей привел.

Хозяйство все осталось там,
Покинуть все пришлось.
Ну а назад вернуться нам
Уже не довелось

И вот теперь я снова здесь,
Приехал как турист.
Мир для меня карельский весь,
Как прежде, светел, чист.

Но вижу я: дороги — дрянь,
И жизнь здесь им под стать.
Крутом, везде, куда ни глянь —
Убожества печать.

О, Господи! Зачем судьба
Поставила свой знак,
Зачем нагрянула беда —
Я не пойму никак!

Кукушки плач в лесной глуши
Как только слышу я,
Так сердце рвется от тоски —
Прощай, моя земля!

Д.И. Орехов, июль 2002 г.

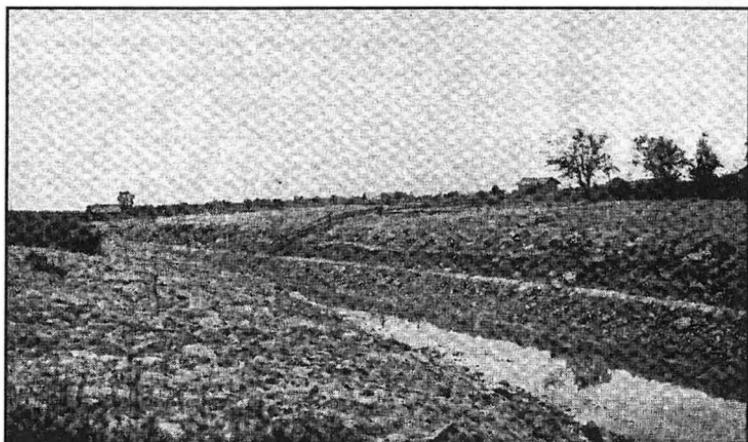
ИЗ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

О возникновении первых поселений людей на Карельском перешейке, появившихся примерно десять тысяч лет тому назад, борьбе Швеции и Великого Новгорода за влияние на этих землях и других этапах истории этих мест довольно обстоятельно рассказано в уже опубликованных трудах советских и российских историков, в частности, И.П. Шаскольского и А.И. Сакса, и повторять уже сказанное нет необходимости, поскольку хозяйственно-политическое развитие на территории от р. Невы до оз. Сайма носило практически одинаковый характер для всех районов Карельского перешейка, в том числе и его центральной части, где до 1939 года находилась самая крупная по площади и населению волость (административный район) Муолаа, а также волость Эюряпяя, выделенная в 1926 году из состава волости Муолаа с преобразованием в самостоятельную административную единицу. В этом районе так же, как и в других местах в Карелии, учеными – как финскими, так впоследствии и российскими – проводились этнографические и диалектологические исследования, велись археологические раскопки на местах древних поселений. Самым значительным открытием археологов, сделанным именно на территории волости Муолаа, было обнаружение следов древнего поселения периода каменного века.

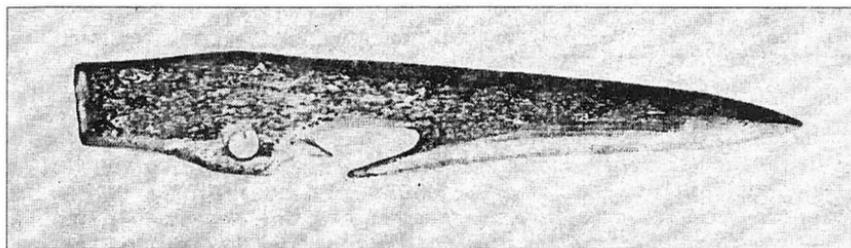
Ранней весной 1931 года в связи с планированием и подготовкой для нужд земледелия искусственного спуска воды в озерах Кирккоярви (ныне оз. Правдинское), Пуннусьярви (ныне оз. Красное) и Вуотьярви (ныне оз. Волочаевское) производились расчистка и углубление русла речки Канниланйоки (другое финское название – Куусаанйоки, ныне р. Пчелинка). Во время работ на русле по обе его стороны, особенно вблизи плотины, было найдено

Илл. 1. Слева — плоское южнокарельское рубило, найденное в речке Канниланйоки, справа — молоток-топор, найденный в районе деревни Харвола (место этой деревни находится примерно в 3—4 км восточнее нынешней деревни Сииниццо, у южного берега оз. Вишневское (финское название — Искьярви)

Илл. 2. Здесь, у берегов реки Каннилан-йоки были обнаружены следы поселения периода каменного века. Фото 1930-х годов.

Илл. 3. Гарпун, найденный в реке Канниланйоки, с одним зубом; у основания — отверстие для крепления лески.

Илл. 4. Рубила, найденные на территории Муолаа и хранящиеся в Национальном музее Финляндии (г. Хельсинки)

большое количество различных предметов — это были рубила, шлифовальные камни, наконечник копья, наконечник стрелы, лыжа, гарпун, топор плавной закругленной формы, кусочки глиняной посуды и пр.

Осенью того же года школьный учитель Самули Лейму отослал в Национальный музей в Хельсинки 48 найденных предметов и дета-

Илл 5. Выдающийся финляндский археолог Юлиус Эдвард Айлио.

лей предметов, а также куски глиняной посуды; часть находок осталась, однако, на руках у местных жителей. Летом следующего, 1932, года на месте, где были обнаружены вышеупомянутые древние предметы, побывал ученый-археолог доктор Юлиус Айлио*. При более тщательном обследовании местности были сделаны еще находки, причем некоторые из предметов были найдены на достаточном большом удалении от моста, как выше, так и ниже по течению реки. Кроме того, на крутом берегу недалеко от здания народной школы был обнаружен целый культурный слой периода каменного века, расположенный на 16–17-ти метровой высоте над уровнем моря, на участке местности, который в более поздний период каменного века подвергся затоплению в связи с повышением уровня воды в Лагожском озере. Впоследствии вода в Лагоге снова опустилась, и геологические условия снова стали прежними. Однако уровень воды в речке остался на несколько более высокой

* **Юлиус Эдвард Айлио (1872–1933)** – известный финляндский ученый-археолог. Родился в местечке Лоппи 19 июля 1872 года в семье школьного учителя. Получил полное среднее школьное образование в г. Хямеенлинна. Затем посвящает себя науке, интересуется вопросами этнографии и геологии, а в дальнейшем занимается в основном археологическими изысканиями, специализируясь главным образом на изучении периода каменного века. В 1909 году получает научную степень доктора (тема диссертации – «Находки на местах поселений периода каменного века в Финляндии») («Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland I–II») и в 1910 г. становится доцентом археологии в Хельсинкском университете. С 1920 года занимает должность директора отдела доисторического периода в Национальном музее. Является основателем Музея области Хяме в Тампере. Избирается первым председателем созданного в 1923 году Союза музеев Финляндии (Suomen museoliitto). В 1923–1924 гг. является председателем Финляндской ассоциации за сохранение памятников древности (Suomen muinaismuistoyhdistys).

Юлиус Айлио получил также известность и как общественный и политический деятель. В 1905–1906 гг. он является членом центрального руководства младофинской партии, затем вступает в социал-демократическую партию, которую представляет в Сенате в качестве помощника начальника гражданской экспедиции, в начале 20-х годов избирается депутатом Сейма. В 1921 и 1922 годах принимает участие в работе Стокгольмской и Венской конференций Международного парламентского союза.

отметке, чем до разлива Лагоги. В связи с подмыванием крутого берега он частично обрушился в речку, и часть предметов, таким образом, оказалась на ее дне. По мнению доктора Айлио, во времена каменного века вдоль берегов речки Канниланйоки располагалось довольно-таки значительное прибрежное поселение. Однако раскопки, продолженные летом 1933 года, все же не подтвердили это предположение. Правда, провести раскопки более обстоятельно тогда не позволили погодные условия: все время шли дожди, из-за которых не была исследована полоса, прилегающая к самой воде, где предыдущим летом были отмечены признаки наличия культурного слоя. В дальнейшем более обстоятельные исследования в этих местах не проводились, так что о масштабах данного поселения пока что нет более-менее определенных сведений. В настоящее время материалы с описанием находок у речки Канниланйоки, составленные исследователями Юлиусом Айлио, Сакари Пялси и Самули Лейму, хранятся в Хельсинки, в топографическом архиве Национального музея в фонде «Муолаа».

Находки периода каменного века в разное время были сделаны и в других частях волости Муолаа; это были отдельные предметы, которые были обнаружены главным образом в районе деревень, расположенных вдоль Вуоксы. Были также и находки, относящиеся к железному веку – например, в районе поселка Пёлмяккяля [ныне Барышево] было найдено лезвие меча, у деревни Пааккола [ныне Шлюз Гремучий] – наконечник копья, на уже упоминавшейся речке Канниланйоки – овальная выпуклая пряжка, в районе деревни Тельккяля [ныне пос. Силино на восточном берегу озера Правдинское] – железный наконечник копья, на озере Эюряпяняярви [ныне Раковое] – копье, в деревне Иля-Куусаа [ныне Пчелино] – топор, а в районе Кююрёля [ныне район вокруг поселка Красносельское] – меч и топор.

Вышеуказанные находки были сделаны главным образом в довоенные годы финскими археологами. В послевоенное время эти изыскания по изучению древней культуры периода каменного и железного веков на Карельском перешейке проводились главным образом специалистами Института археологии АН СССР, переименованного впоследствии и известного в настоящее время как Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Проводя совместно с финскими археологами исследование местности и грунта в районе поселка Тельккяля [пос. Силино], российские ученые (в частности, руководитель отдела истории каменного века Владимир Иванович Тимофеев с группой сотрудников) нашли в грунте в непосредственной близости от берега озера

Илл. 6. Древний каменный топор (размеры – примерно 12 x 6 см), найденный в Силино (Тельккяля) летом 2000 года.

Илл. 7. Члены российско-финской археологической экспедиции на раскопках в Силино (Тельккяля) летом 2000 года. Финский археолог Ханну Такала из Тампере (в центре) держит в руках найденный древний каменный топор. Справа – Владимир Тимофеев.

Кирккоярви [озеро Правдинское] следы стоянок древних людей. Открытие двухметрового шурфа выявило наличие культурного слоя, относящегося к IV–VII тысячелетию до нашей эры, а также еще одного культурного слоя, возраст которого составляет 3000–4000 лет и в котором были обнаружены осколки посуды, представляющие т.н. гребенчатую керамику. Среди находок, сделанных во время этих раскопок, проводившихся летом 2000 года, особый интерес представляет каменный топор, изготовленный древними жителями этих мест примерно 9000 лет назад.

По мнению составителей книги «Муолаа и Эюряпяя», предки тех, кто жил в этих местах до войны 1939–40 гг., пришли сюда на постоянное поселение, по всей видимости, из более древних карельских поселений, расположенных на берегах Ладоги. Прийти они могли, скорее всего, по водному пути, когда нынешний рукав Вуоксы соединялся с выходящим к Финскому заливу более древним рукавом (в устье которого шведским маршалом Торгильсом Кнутссоном в 1293 г. был возведен Выборгский

замок), впоследствии пересохшим. Этим водным путем пользовались в те времена и новгородские, и западноевропейские купцы, поскольку он был более безопасным по сравнению с основной, морской частью пути «из варяг в греки», где нередко были случаи нападения морских пиратов. Удобное местоположение этих расположенных в центре Карельского перешейка земель, благоприятный рельеф местности и вполне пригодные для ведения земледелия почвы, а также обилие лесной дичи в лесах, конечно же, привлекали сюда переселенцев из других мест. Не исключено также и то, что люди приходили сюда и из населенных финскими племенами более южных и восточных районов.

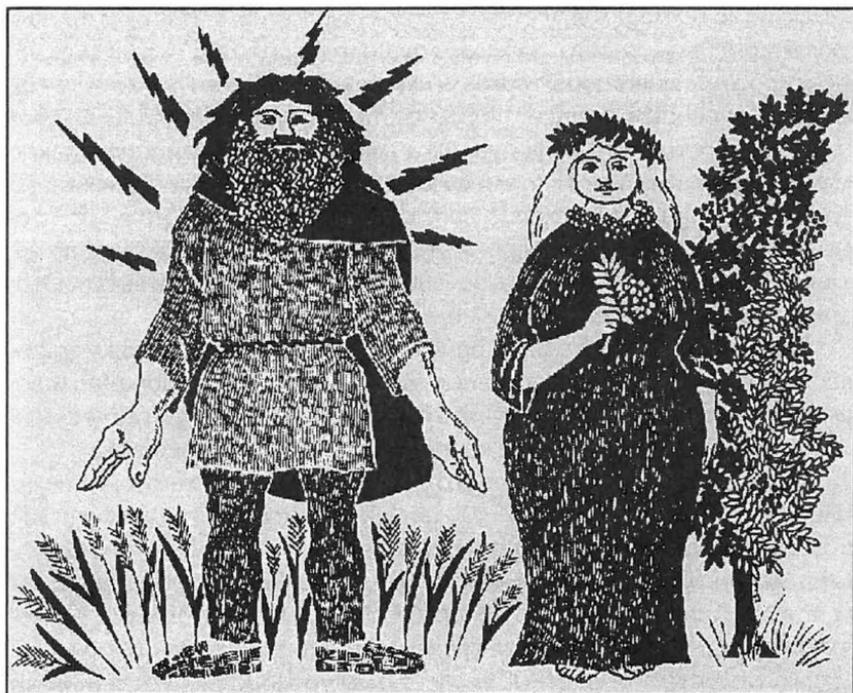
Древние жители Карелии были язычниками, поклонявшимися разным связанным с природой и земледелием божествам. Известный финский теолог и ученый XVI века, создатель финской письменности Микаэль Агрикола во вступлении к одной из своих книг (это был «Псалтырь», изданный на финском языке в 1551 году) приводит целый список богов, которым в древности поклонялись жители областей Хяме (центральный район нынешней Финляндии, где располагались стоянки и угодья племени емь) и Карелии. Из этого перечня следует, что у карел было 12 богов, которым люди поклонялись в надежде на покровительство в повседневной жизни. Верховного бога звали Укко, который определял, когда и какая должна быть погода, и покровительствовал произрастанию хлебов. У него была жена Рауни (ее символом была рябина), которая, согласно поверью, давала людям воздух и воду. Хорошим земледельцам покровительствовал также Кёндёс, бог полей и подсек, было также четыре покровителя зерновых: посевы ржи оберегал бог Ронготеус, ячмень – Пеллонпекко, овес – Виронканнос, а покровителем репы, капусты, бобов, гороха, льна и конопли был бог Эгряс. Охотникам покровительствовали Нюркес и Хиттавайнен. Духов было два – это Вэден эмя (владычица вод) и Хийси (лесной владыка). Двенадцатым был покровительствовавший увеличению поголовья скота бог Кекри (от которого потом пошло название старинного финского праздника Кекри, отмечавшегося 1-го ноября, когда хозяева рассчитывались с работниками).

Интересно, что из языческих божеств, которым поклонялись в древние времена в области Хяме, Микаэль Агрикола в этом тексте, составленном в стихотворной форме, упоминает таких богов, как Вянямёйнен, Илмаринен, Тапио и Турсас, которые впоследствии фигурировали уже в роли героических персонажей в рунах эпоса «Калевала», собранного и изданного великим финским собирателем и исследо-

вателем народных преданий Элиасом Лённротом в XIX веке. А как известно, материалы для этой книги он собирал в Карелии. Правда, на Карельском перешейке этой работой он не занимался, однако это сделали за него другие исследователи – в частности, Д. Эуропеус и Х. Рейнхольм.

Первое письменное упоминание географического названия Эюряпяя было сделано в тексте первого договора о мире и границе, заключенного между Швецией и Великим Новгородом в 1323 году. В то время это уже был уезд (в русских источниках – погост). В шведском тексте договора для обозначения уезда используется, правда, слово *gislalag*. В древние времена на прибалтийско-финских территориях оно обозначало налоговый округ, на котором лежала обязанность выплаты налога «для угощения завоевателя-властителя», в качестве гарантии которой данный округ выделял заложников (*gisla* = залог). В документах за 1348 год упоминается уже «церковная община Эюряпяя». Далее в разных источниках встречаются разные варианты названия «Эюряпяя» (быв. *Äyräpää*): например, в русском документе оно звучит как «Огребу», в шведских это варианты «*Aegrepe*», «*Ägräpä*», «*Agrepe*», «*Egrepe*», «*Europe*». Последняя форма заинтересовала ученого Матиаса Халлениуса, жившего в XVIII веке, который в своей книге *De Borea – fennica* («Финский Север»), в частности, утверждал, что географическое название «Европа» происходит от названия «Эюряпяя». По мнению многих исследователей, это название (Эюряпяя) происходит от имени языческого бога Эгряс (*Ägräs*), покровителя земледелия. Известный финский ученый XX века Вяйнё Войонмаа (в СССР и в России он был более известен как политик и дипломат) в своей книге «История карельского племени» (*Karjalaisen heimon historia*) сделал предположение, что божество Эгряс было в древности покровителем наиболее влиятельного местного племени, и как само племя, так и район его проживания получили данное название (в финских источниках древних жителей этой части Карельского перешейка стали называть «эюрямёйсет» (*äyrämöiset*), а русские исследователи транслитерировали это название как «эвремейсы»).

В средние века поселения в центральной части Карельского перешейка не были постоянными. Если земледelec, возделывавший 10 или 20 лет расчищенный от леса участок земли, видел, что земля начинает давать все меньшие урожаи, он бросал этот участок, за пользование которым платил налог, и уходил искать другое место. Однако в XVI веке такое кочевничество встречается уже не так часто, как раньше, и в конце концов люди привыкают к оседлому образу жизни, наследуя хозяйства от своих

Илл. 8. Такими представляла себе в начале 80-х годов XX века финская художница Туула Тойвийainen верховного языческого бога Укко и его жену Рауни.

родителей или получая права на землю от государства. Подсечно-огневое земледелие постепенно сменяется севооборотом.

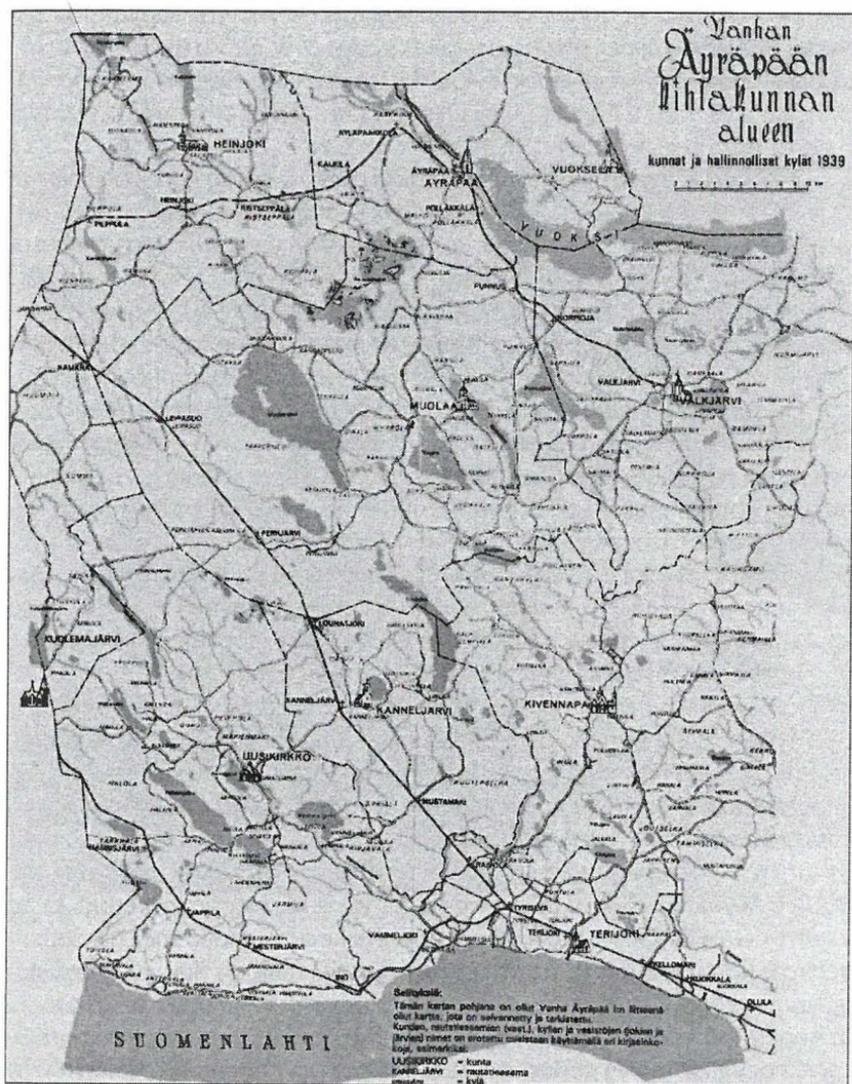
Со временем появляются все новые и новые поселения, поскольку шведские власти, заинтересованные в заселении этих земель, предоставляли крестьянам лесные участки, на которых, проведя расчистку от леса, крестьяне, уплачивая в казну налоги, создавали новые пахотные земли. Существовало, в частности, понятие «гильдия», обозначающее так называемые «коронные», т.е. государственные лесные пустоши, которые, правда, к началу XVII века стали исчезать, сменяясь возникающими на них деревнями и сельскохозяйственными угодьями. В уезде Эюряпя так их «гильдий» было 26, и все они располагались на территории Муолаа. В налоговых книгах 1549 года перечислены 28 хозяев, возделывавших угодья-гильдии.

Помимо земледелия местные жители занимались также охотничьим промыслом – в частности, добывали пушного зверя, ибо меха пользовались спросом в Новгороде, торговля ими велась также в Таллинне и в Нарве. Самым ценным пушным зверем считалась куница (по-фински «няятя»). О ценности этого вида пушнины напоминали впоследствии такие названия деревень, как Няятяля и Нойсниеми [ныне – мыс Песчаный на Вуоксе]; последнее происходит, видимо, от эстонского слова *pidis*, обозначающего куницу, а одно время эта деревня имела также русское название – Соболино. На Вуоксе в древности добывали бобра и выдру. Охоту вели также на лосей, медведей, волков и лис.

Рыбная ловля также была одним из основных промыслов у здешних жителей. Разумеется, основные места лова были в прибрежных водах Финского залива и Ладожского озера, однако обилием рыбы славилась в древности и внутренние водоемы Карельского перешейка.

Особенно рыбным было тогда озеро Юряпяняярви (которое называли также «Хейнйоен мери» – «Хейн-йоокское море»). В те времена как это, так и другие озера были по своей площади значительно более крупными, чем в настоящее время. После 1857 года, когда через перешеек у деревни Кивиниеми, что в волости Саккола, была взрывным способом проделана искусственная протока (предполагали таким образом создать более благоприятные условия для судоходства), уровень воды в бассейне Вуоксы, включая озеро Юряпяняярви, а также некоторые другие водоемы, соединяющиеся с ним, значительно упал. Река Салменкайта, например, из водной артерии шириной до полукилометра превратилась в небольшую речку, которую сейчас в некоторых местах можно перейти вброд. Ныне она имеет два названия – р. Булатная и Холодный Ручей.

Древний уезд (погост) Юряпяя был очень большой. В него входили территории, на которых впоследствии были образованы новые административные районы (называемые также «волости» или «общины») – Терийоки, Кивеннапа, Валкьярви, Муолаа, Юряпяя, Вуоксела, Хейнйоки, Каннельярви, Уусикиркко; сюда относилась также и часть образованного позднее района Куолемярви. Границы древнего уезда Юряпяя были обозначены так: на западе находился шведский уезд Ранта (слово «ранта» имеет в финском языке значение «берег») (это территория довоенных (до 1940 года) волостей Койвисто и Йоханнес [ныне это район расположенных на побережье западной части Карельского перешейка поселков Приморск и Советский, а также часть довоенной сельской общины Выборг], на севере – уезд Яаски

Илл. 9. Схематическое отображение территории древнего уезда Эюряпя с приведением территориального состояния этого района на 1939 год.

(также в составе Швеции), а на востоке – отошедшие по Ореховецкому договору 1323 года к Великому Новгороду территории погостов Валкеасаари, Рауту и Саккола.

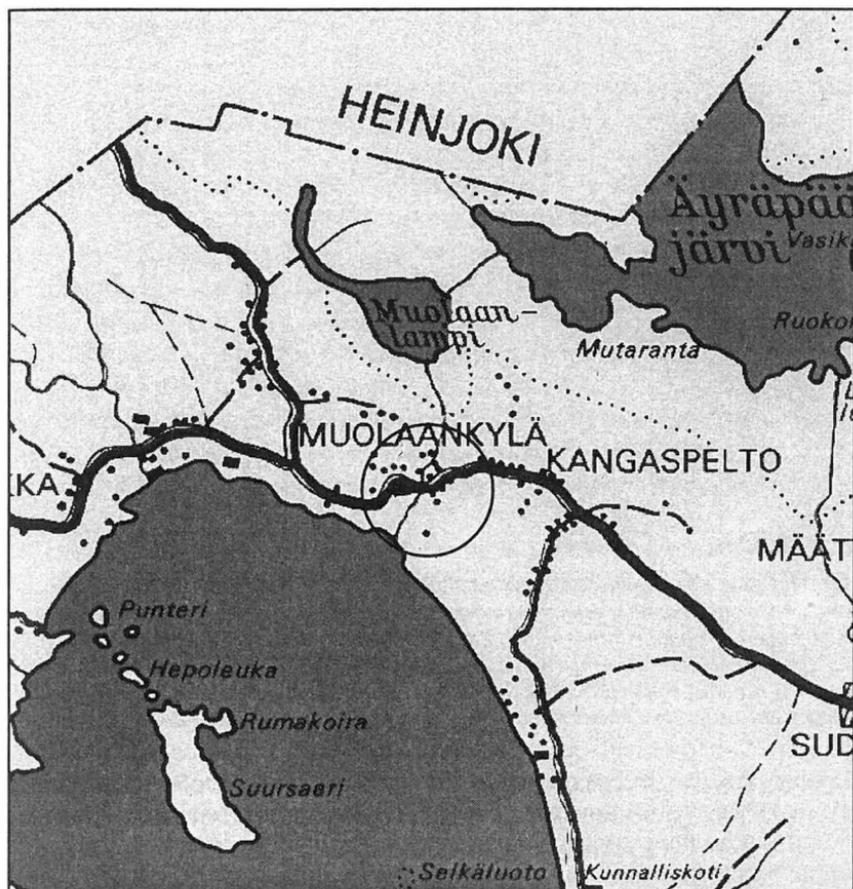
Библиотека
 им. М. Зощенко
 ПК "Издательство "Ридан" Санкт-Петербурга
 197 01, г. Сестрорецк,
 ул. Токарева, 7 тел. 434-7157

111658 / 17

Уезд Эюряпяя находился недалеко от торгового пути, ведущего с Запада в Новгород через р. Неву, и лежал у самого водного пути, ведущего из Выборгского залива через озера Носкуанселькя, Калтовеси, Эюряпяяньярви и Вуокси в Лагогу, а посему местные жители тоже принимали участие в торговых делах.

В XVI веке практически вся торговля с восточными соседями оказалась сосредоточенной в руках ганзейских купцов, и они фактически управляли ею вплоть до 1478 года, когда Новгород утратил свою независимость и торговые конторы Ганзейского союза в русских землях были закрыты. Основанный шведами в 1293 г. и получивший в 1403 г. права города Выборг также поддерживал торговые связи с Новгородом и конкурировал с ганзейскими городами – Любеком, Висмаром, Росток, Гамбургом, Висбю, Ригой, Таллинном и др. – в области торговли с Востоком. Для устранения конкурентов Ганзейский союз объявил путь по Неве единственным разрешенным для торговых судов, направляющихся в русские земли. Однако выборгские купцы тоже стали пользоваться этим путем и, кроме того, везли свои товары по суше, по т.н. Великому русскому пути (его называли также Старой русской дорогой), который шел через Муолаа и Кивеннапа к границе, проходившей по р. Сестре, и вдоль которого в средние века строились также военные укрепления.

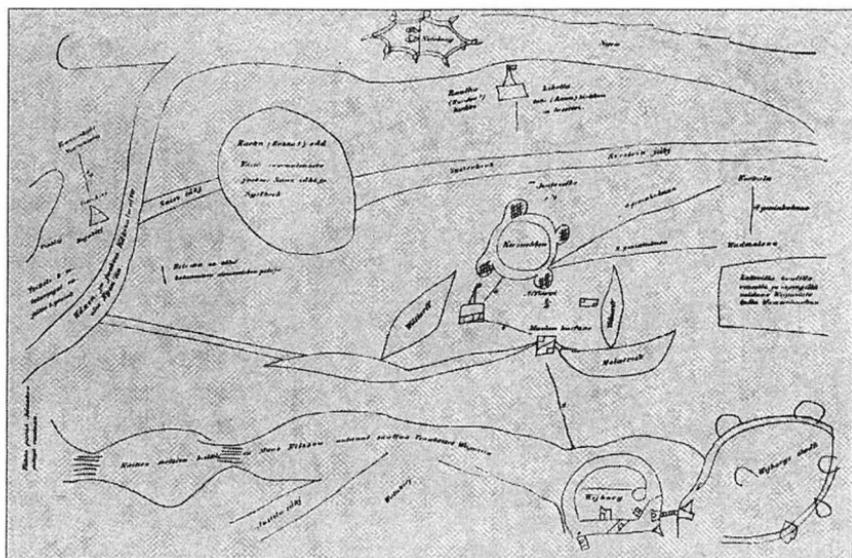
Название «Муолаа» имеет, по всей видимости, шведское происхождение. Дело в том, что у северной оконечности озера Муолааньярви [ныне оз. Глубокое], на берегу речки Муолааньйоки [ныне не имеющей названия, соединяющей озера Глубокое и Охотничье], находилась государственная (коронная) усадьба Молагорг (*шв. Målagård*). вторая составляющая этого слова – *gård* – означает «двор», «усадьба», «дом». А вот относительно первой части, от которой и произошло превращение *Måla* в *Muolaa*, можно рассуждать на уровне предположений. Если учесть, что в современном шведском языке есть слово *mel*, имеющее несколько значений (в разных контекстах), два из них – «судебное дело» и «мера» – наводят на мысль о том, что речь идет о «деловой, отмеренной усадьбе», то есть об участке земли, выделенном служителю государства. И действительно, как гласят архивные документы за 1546 год, исследовавшиеся известным финским историком Вяйнё Войонмаа, «в волости Муолаа имеется коронная усадьба, переданная в свое время государственному смотрителю за порядком». В то время таковым смотрителем (говоря современным языком, начальником местной полиции) в Муолаа был Юхо Кююрё. После него в усадьбе квар-

Илл. 10. Часть волости Муолаа, где когда-то находилась усадьба Молагорд.

тировал имевший ту же должность Яакко Матинпойка (Якоб Матссон), которому усадьба была передана во владение в 1550 г., чтобы тот «с еще большим усердием охранял королевские интересы».

В 1563 году земли этой королевской вотчины в уезде Эюряпяя передаются шведским королем Якобу Хэстеско (Яякко Хенрикинпойка Хэстеско), «господину Шюнгбю», военачальнику, пользовавшемуся покровительством и большим доверием у королей Густава Вазы и Эрика XIV и направленному незадолго до этого – в 1559 году – в Выборг помощником к начальнику Выборгской крепости Клаусу Хорну: последний проводил политику послаблений в отношении иноземных купцов, которую Густав

Илл. 11. Снимок с рисунка, сделанного в XVI веке. Названия «Molatries» (обозначающее озеро Муолааньярви), «Yskierff» (озеро Искьярви), «Watierff» (озеро Вуотьярви), «Kivenebb» (крепость Кивеннапа). Как и все карты, а тем более подобные рисунки тех времен, данный рисунок имеет несуразный масштаб отображения местности. «Muolan kartano» означает «усадьба Муолаа». Текст в нижней части рисунка гласит: «Через эти леса Монс Нильссон помог русским пройти на Выборг».

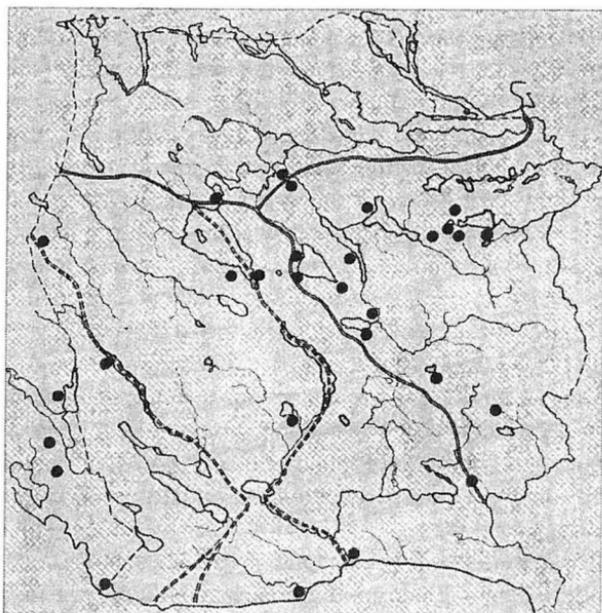
Ваза не одобрял. Когда после смерти Густава Вазы в 1560 г. сменивший его на королевском престоле Эрик XIV рассорился с герцогом Юханом, наместником Финляндии, Хэстеско занял сторону короля, который, оценив верноподданничество, два раза назначал его наместником в Финляндию. По всей видимости, выделение ему вотчины в уезде Эуряпяя определенным образом было связано с первым назначением. Далее, известно, что с 1606 г по 1704 г. усадьба с прилегающими землями находилась во владении представителей рода Хэстеско аф Молагорг (*Hastesko af Målagård*); поместье это было т.н. сетерией, т.е. свободной от повинностей вотчиной. Согласно финским данным, саму усадьбу уничтожили русские, это произошло в 1711 г., то есть уже после того, как войска Петра Первого взяли Выборг. Таким образом, от шведского названия «Melagerd» путем его усечения получилось *Måla* (другие варианты шведского написания – *Mola* и *Mohla*, на русской карте 1797 года мы читаем «Мул» («Мульской кирхшпиль»), и это слово в конце концов приняло свою окончательную форму – «Муолаа».

Несомненно, определенную роль в появлении такого названия на Карельском перешейке сыграло и то, что во времена короля Густава I Вазы в целях усовершенствования системы налогообложения был принят новый порядок измерения земельных наделов. В апреле 1558 г. король повелел измерять «шестами и локтями»: шест равнялся 6 локтям, а 8 шестов составляли меру – мол (шв. *mål*). Таким образом, мол в квадратном измерении составлял 2304 квадратных локтя, что соответствовало примерно 1/6 части тунланда (тунланд – мера площади, составлявшая примерно полгектара). На площади в один мол полагалось засеять 1/2 спанна зерна (1 спанн (шв. *spann*, быв. *rappi*) в XVI веке (т.н. «стокгольмский спанн») был равен 47 литрам, а начиная с 1638 г. – 1/2 бочки (шв. *tunna*) или 72 литрам).

Память о находившейся в этих местах когда-то усадьбе долгое время сохранялась, в частности, в местных топонимах – речка Муолааньйоки, озеро Муолааньярви, озеро Муолаанлампи, деревня Муолаанкюля, которые в 1948 году исчезли с карты этих земель, вошедших в состав Ленинградской области.

В шведские времена на территории уезда Эюряпяя было создано в общей сложности почти 30 сетерий (см. схему). Из них в той части уезда, которому посвящена данная книга (т.е. где впоследствии были созданы административные районы Муолаа и Эюряпяя), помимо Молагорда, находилось не менее известное имение Куусаа [в районе нынешнего поселка Климово], которое имеет очень древнюю историю. Земли, вошедшие в состав этого имения, еще в 1348 году были подарены королем Магнусом кафедральному собору Або (Турку). В 1562 г. они перешли как дарованное феодальное поместье к уже упоминавшемуся выше Якобу Хэстеско (который с 1563 г. владел также поместьем Молагорд); после его смерти (в 1567 г.) поместье перешло во владение военачальника, наместника Финляндии Клауса Тотта, женившегося на вдове Якоба Хэстеско. Зятья Клауса Тотта – адмирал Якоб Боот и ассессор надворного суда Юхан Ульфспарре – получили в дальнейшем свои доли наследства этого имения. В 1639 г. Пер Браге, наместник короля в Финляндии, передал сетерию Куусаа полковнику Рейнхольду Врангелю, в 50-х годах этого же века ею владел генерал-майор Густаф Ульфспарре, который продал ее в 1664 г. майору Хенрику Фехтенбергу; в собственности рода Фехтенбергов это имение находилось предположительно до 1706 г.

Следующая сетерия находилась в Хаттула, что на западном берегу озера Кирккюярви [оз. Правдинское], в нескольких километрах южнее нынешнего поселка Правдино. Этим именем владел с 1665 года майор

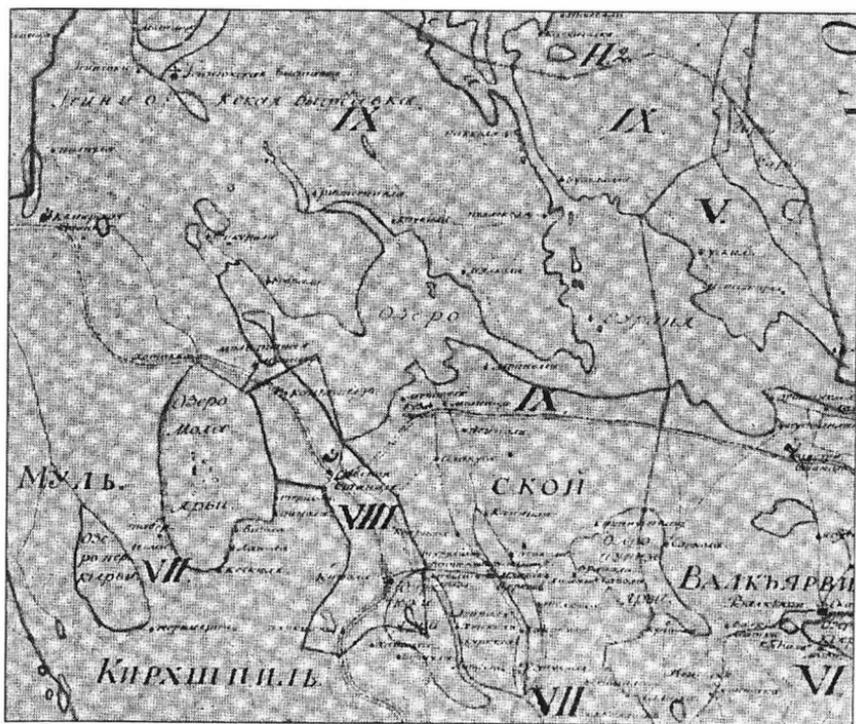

Илл. 12. Поместья-сетерии на территории уезда Эюряпяя.

Бразе, которому также принадлежали некоторые угодья в Куусаа и в Ретукюля, деревне, располагавшейся южнее Хаттула, ближе к южной оконечности озера.

Сетерия Пуннусниemi (в настоящее время там находится большой поселок Красноозерное) было создано на угодьях, которые до этого принадлежали католической церкви. Во времена Реформации король перевел их в собственность своего государства. В то время эти земли возделывал Пекка Карьялайнен. Затем они перешли к наследникам рода Розеншерна, а в 1674 году ими стал владеть Лоренц Кройц.

Сетерию Тааперниemi (деревня с этим названием находилась на месте нынешнего поселка Глубокое у южной части побережья озера Глубокое) создал глава Выборгской губернии Юхан Розенхане, получивший здесь в 1653 г. фрельзовые (т.е. свободные от повинностей) земли. Сам Розенхане в Тааперниemi не жил, однако иногда наезжал, совершая инспекционные поездки по Карельскому перешейку в качестве губернатора. Земли поместья обрабатывал один крестьянин, сдававший половину урожая владельцу. Было 9 коров, принадлежавших Розенхане. Имению принадлежал 1 торп (т.е. арендуемый у владельца земельный участок), а также

Илл. 13. Муолаа на карте Выборгской губернии (1797 г.).

22 дома в деревнях Тервола, Ойнала (у восточного берега оз. Муолааньярви) и Перкьярви [ныне Курпичное].

В деревне Вихола (чуть южнее Ойнала) на принадлежавшей до этого Кройцу фрельзовой земле располагалась существовавшая уже в 1649 г сетерия, которой владел Эрик Бойе, заполучивший ее через обмен. Эта сетерия имела и другое название – Пухола, поскольку к ней относились угодья крестьянина Ирвь Пухонена. Кроме того, она включала также земли Олли, Леметти и Пааво Вихолайненов, а также Антти Корккинена. В 1653 году Бойе вынужден был заложить свою сетерию губернатору Розенхане, после смерти которого вдова последнего продала имение ротмистру Хэстеско, у которого уже имелись во владении земли в Вихола. Во времена Хэстеско состояние сетерии было более-менее хорошим. В усадьбе были хорошие строения, амбар, а также конюшня на 8 лошадей. Коров было больше десяти. Поскольку сам Хэстеско жил в усадьбе Молагорд, он поручал возделывание земель в Вихола местным крестьянам. Торпарь-

Илл. 14. Шиток с фамильным гербом Мортена Бразе. Был установлен в качестве декорации в церкви Муолаа.

шения капитану от инфантерии с сохранением статуса сетерии.

Сетерию Весиккала (у южного берега озера Искъярви) основал ротмистр Ханс Клик, а с 1639 года ее земли уже находились во владении лейтенанта Ханса Клика, который, по всей видимости, был двоюродным братом ротмистра. Ротмистр Клик умер в 1670 году и был похоронен на кладбище у церкви Муолаа. Его фамильный герб также был преподнесен в дар церкви для установки в ней в качестве декорации.

В деревне Кархула (на месте нынешнего поселка Волочаевка, что на оз. Волочаевское, прежнее название которого – Вуотъярви), на землях, которые прежде принадлежали бургомистру Ниеншанца (города, находившегося у слияния р. Охты и р. Невы в допетровский период) Пиперу, также была создано поместье-сетерия. Земли Кархулы через залог перешли от Пипера к ратману (т.е. члену городского суда и магистрата) Буркхардту, после которого ими владел лейтенант Карл Андерсон, а затем – капитан Нильс Бюклинг. При жизни Бюклинга поместье находилось в бо-

арендатор был всего один, который вместо погденщины вносил налоговую плату.

Бойе основал также вторую сетерию – на озере Искъярви [ныне оз. Вишневское], предположительно там, где ныне расположен поселок Синуцyno, она также упоминается в документах за 1649 год. Основана она была позднее сетерии Вихола, а посему называлась также «Новая усадьба» (шв. «Нюгорд», финск. «Уусикартано»). Переходя в дальнейшем от одного владельца к другому, усадьба одно время была жилым домом полковника от инфантерии, а затем досталась в качестве служебного жилого поме-

лее-менее удовлетворительном состоянии. Он лично следил за ним, поручая выполнение работ торпарям-арендаторам и батракам. После его смерти вдова, на которой осталось хозяйство поместья, уже была не в состоянии надлежащим образом следить за состоянием дел, поэтому наступил некоторый упадок, причем поля иногда не возделывались вовсе. Земли в основном располагались на склоне, были перенасыщены влагой. В 1690 году угодья поместья окончательно перешли в собственность государства.

ПОД ВЛАСТЬЮ РУССКОГО ЦАРЯ

В 1700 году русский царь Петр I начинает войну со Швецией за выход к Балтийскому морю. В мае 1703 года он основывает будущую столицу России – город Санкт-Петербург, а затем военные действия переносятся на северо-запад. После взятия в 1710 году Выборга царь начинает раздавать вновь приобретенные земли вместе с находящимися на них крестьянскими хозяйствами своим приближенным. Первое такое донативное (т.е. дарованное, от лат. «donatio» – «дарение, приношение в дар») поместье было создано на территории Муолаа согласно указу Петра от 21

июля 1710 г.: полковник Григорий Петрович Чернышев, первый комендант Выборга, получил в свое владение 92 крестьянских двора. Эта донативная была урезана в 1720 г.: были изъяты из его владения дворы, расположенные слева от дороги, которая вела из Выборга на Кексгольм, и за Чернышевым оставлены только 34 двора справа от дороги. Правда в дальнейшем, согласно поземельным книгам 1728 года, генерал-лейтенант и губернатор Выборгской губернии Чернышев владел уже 432 дворами. Усадьба поместья находилась сначала в Пуннусниemi (т.е. там, где при

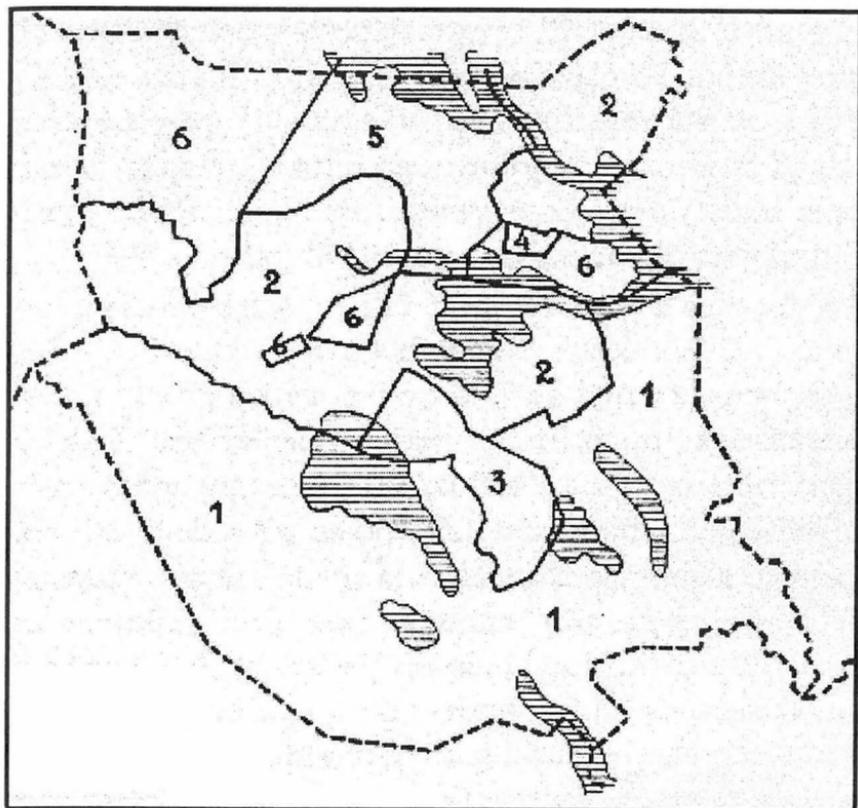

Илл. 15. Г.П. Чернышев

шведах была усадьба сетерици, находившейся во владении сначала представителей рода Розеншерна, а после них принадлежавшей Лоренцу Кройцу), а затем была построена новая усадьба в Пяллия на восточном берегу озера Искьярви [ныне оз. Вишневское], там, где сейчас находится поселок Вишневка. Г.П. Чернышев завещал имение своему старшему сыну, действительному тайному советнику и члену Сената Петру Чернышеву, после смерти которого в 1773 г. оно перешло к его вдове, Екатерине Андреевне Ушаковой, и ее детям. В 1780 г. наследство было поделено, и донационное имение в Муолаа перешло в собственность супруги князя Владимира Борисовича Голицына, «влиятельной дамы» Наталии Петровны Голицыной, урожденной Чернышевой.

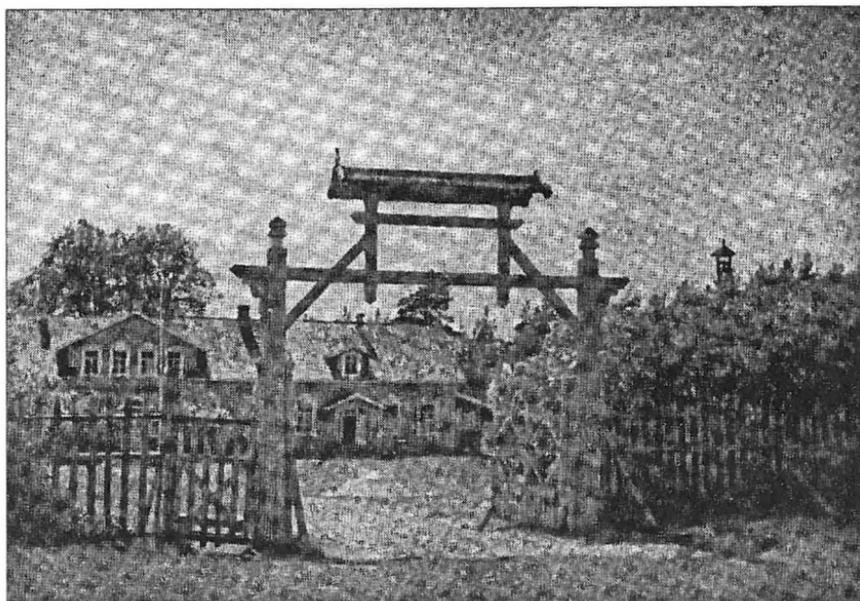
Второе крупное поместье с усадьбой было создано в Муолаа вскоре после заключения между Россией и Швецией Ништадтского мирного договора (1721 г.). Согласно указу Сената от 17 марта 1726 г. генерал-майор Иван Максимович Шувалов получил 138 дворов. По указу Екатерины II от 17 января 1796 г. все поместья Шувалова объявлялись пожизненным наследством графини Шуваловой и ее детей. Наследники, однако, продали имение 28 марта 1803 г. торговому советнику Ольхину.

Положение проживавших на донационных землях местных крестьян поначалу было не слишком плохим, если сравнивать с положением крепостных крестьян в других районах Российской империи. Владелец поместья имел право взимать с них только определенные налоги, часть которых он удерживал в свою пользу, а остальное перечислял в казну. Прочие права крестьян оставались неприкосновенными. Однако со временем их статус становился все более напоминающим тяжелое и зависимое положение русского крепостного, хотя новые власти все же старались соблюдать принципы шведо-финляндского законодательства и общественного устройства. Тем не менее, свойственный русским вельможам господам образ мышления, выражавшийся в стремлении устанавливать свои порядки, дабы еще больше эксплуатировать зависимых людей и глумиться над ними, становился все более определяющим. На практике это выражалось в непоследовательности при составлении дарственных документов, что свидетельствовало, в частности, о том, что даже самые высокие представители властей не всегда помнили о той разнице, которая отличала российское понятие права от шведо-финляндского. Следствием этого были постоянные судебные тяжбы и натянутые отношения между владельцами поместий и крестьянами донационных (дарованных) земель.

Илл. 16. Донационные земли на территории Муолаа: 1. Пяллила 2. Куусаа 3. Кююрёля 4. Мьялькёля 5. Ристсеппяля 6. Земли, выкупленные частными лицами.

Разумеется, такое положение дел способствовало только дальнейшему ухудшению положения крестьян на Карельском перешейке и усилению их зависимости от помещиков. Владельцы поместий в Муолаа были в большинстве своем высокопоставленными и знатными лицами, владевшими большими поместьями и в других районах России. Ведение дел в поместьях они поручали управляющим и в большинстве случаев довольствовались только общим наблюдением за их работой. Управляющие же, которые были из России, конечно же, и не стремились особенно считаться с положениями шведо-финляндской правовой системы, определявшей жизнь местных крестьян до завоевания этих территорий Петром Первым, поскольку эта система была им чуждой и малопонятной.

Илл. 17. Ворота при въезде в усадьбу Пяллиля.

К поместью Пяллиля, самому крупному по площади на территории Муолаа, относились следующие деревни: Весиккала, Вихола, Вяяхперо, Илола, Каллайнен, Каннила, Кархула, Койраала, Куркела, Куусаа, Кямьяря, Лавола, Латтула, Лейнола, Лейриля, Лехтокюля, Мюхкюрия, Норккола, Ойнала, Оравала, Орола, Пакела, Пассила, Пейкола, Пейппола, Перкьярви, Пихкала, Пуннус, Пююккёля, Пяллиля, Ретукюля, Саавола, Саккалила, Селола, Сойттола, Сокиала, Сормула, Таапернеми, Тельккяля, Тервола, Турулила, Ханттула, Харвола, Хаттула, Хейккиля, Хеймола, Химала, Хотокка, Яарила и Яяскеля.

Владелец поместья редко бывал в усадьбе, поскольку большую часть своего времени проводил за границей. Проживавший в Петербурге «дворецкий», француз по происхождению, вел его дела, а в Пяллиля был назначен управляющий, который практически единолично и полностью распоряжался делами в поместье. Крестьянин-арендатор должен был выплачивать помещику денежный налог, выполнять погонные работы как личным участием, так и с использованием своих лошадей в течение определенного количества дней и, кроме того, возить грузы в Санкт-Петербург. Количество обязательной работы зависело в основном от площади обрабатываемых полей, а также от количества совершеннолетних чле-

нов семьи. Обычно для проживавших недалеко от усадьбы назначалось больше погонных работ, чем для тех, кто жил подальше. А если хозяева усадьбы узнавали, что кто-либо из крестьян становился более состоятельным, то и налог с него начинали взыскивать уже более значительный. Даже законом нельзя было ограничить власть хозяев и управляющих, поскольку они всегда, пригрозив недовольным принудительным выселением (т.к. закон давал помещику такое право), имели возможность держать крестьян в повиновении. В период донационного помещичьего землевладения повинности, которыми облагались крестьяне, практически не имели какого-либо определенного верхнего предела, а посему помещику и их управляющие всю и бесцеремонно пользовались своим правом взимания повинностей ради сиюминутного удовлетворения своих эгоистичных потребностей.

4 июня 1838 года все крестьяне, приписанные к поместью Пяллия, были созваны в усадьбу для объявления им о тех выплатах, которые надлежало отныне совершать в пользу помещика. Первым делом крестьянам был предложен письменный договор-контракт, который они должны были подписать, однако с их стороны последовал отказ. Тогда владелец поместья князь Голицын объявил о том, что каждый арендатор, который исправно выполняет работы по содержанию строений усадьбы и обработке относящихся к ней полей и лугов и не валит без надлежащего разрешения лес на свои нужды или на продажу, может спокойно продолжать жить в своем доме и заниматься хозяйством, если будет уплачивать налог в размере 20 рублей серебром с каждой 1/12 мантала* и, кроме того, выполнять в пользу поместья «конные и пешие» работы в соответствии с «ревизской запиской» 1728 года. Кроме того, каждый дворохозяин должен был делать две ездки в город. При невыполнении объема погонных работ должна была вноситься компенсация деньгами. Никто без разрешения князя или его управляющего не должен был производить раздел своего хозяйства, а также селить

* *Мантал — система налогообложения, установленная еще в средние века. Крестьяне платили налоги по показателю, установленному для дворохозяина (шв. *mantal* — цифра, число крестьянина). Преуспевающий крестьянин считался полнохозяином. Крестьяне победнее, то есть арендаторы и торпари, которые не в состоянии были нести бремя налогов, которыми облагались полнохозяиновые крестьяне, считались половинными, четвертичными и восьмеричными крестьянами. В таком же значении применялся и индекс хозяйства: полное, половинное, четвертичное и т.д. В этом смысле принято было говорить о целом, половинном, четвертичном и т.д. мантале.*

Илл. 18. Строения на территории усадьбы Пяллиля.

на своей земле торпарей (безземельных). На основании этого объявления были определены налоги и другие повинности для всех арендаторов поместья Пяллиля. В 1846 году было обнаружено новое уведомление, в котором налоги и повинности определялись с более четким обоснованием. Князь Борис Голицын сообщал в 1862 году в своем письме в Сенат о том, что его арендаторы платят в среднем 14 рублей 10 копеек со ста, то есть с каждой $1/12$ мантала, и что размер платежей не менялся в течение 18 лет.

Примерно с 1850 года управляющим в имении Пяллиля был Василий Волков (местные жители в силу трудности для проговаривания последних звуков фамилии называли его «Волка»). Это был сын русского крепостного крестьянина, который в молодости приехал в Пяллиля простым рабочим-строителем. Сначала поступил на службу к Назарову – зажиточному арендатору, который 28 августа 1853 г. оформил взятие в артиллерийском департаменте в аренду на 25 лет принадлежавшие Сестрорецкому оружейному заводу земли Кююрёля (часть района Муолаа), а впоследствии по его рекомендации стал управляющим имения Пяллиля. Поднявшись до положения господина, «Волка» никогда не упускал случая показать свою властную натуру. Жалости и сострадания к крестьянам-арендаторам он никакой не испытывал, если они не выполняли его указаний, какими бы несправедливыми они ни были. Гарцуя на белом коне, объезжал «Волка» господские угодья с плеткой в руке, которой он прохаживался по спинам тех, кто, по его мнению, не очень ретиво выполнял трудовую повинность, не щадя при этом и пожилых людей.

Блюдя интересы хозяина имения, не забывал он и о своих. Узнав, например, что у кого-либо из арендаторов-крестьян есть хорошая лошадь, он безо всяких церемоний просто-напросто забирал ее себе, заплатив при этом владельцу столько, сколько сам считал нужным. Если кто-то возвращался с рыбной ловли и привозил хороший улов, то часть рыбы надо было непременно отдать Волкову, иначе рыбак мог иметь серьезные неприятности. Если крестьянин без разрешения управляющего привозил для своих нужд ствол дерева из леса, Волков вызывал его в усадьбу, бил наотмашь по лицу и говорил: «Заплатишь столько-то и столько-то, а иначе я тебя высею с надела». Уплаченные деньги шли, разумеется, Волкову в карман.

Такое обращение вызывало, конечно же, недовольство крестьян, многие управляющего просто ненавидели. Зная это, Волков старался без особой надобности не ездить по имению в темное время. Панический страх охватывал его, когда навстречу ехал незнакомец, и тогда Волков приказывал кучеру гнать во весь опор. Хотя попыток убить Волкова крестьяне Пяллия не предпринимали, но все же несколько раз его колотили, а однажды трое мужиков, нарядившись привидениями, избили управляющего в темной бане.

В апреле 1862 года крестьяне составили и направили царю письменную жалобу, в которой, в частности, говорилось: «...Наш нынешний управляющий имением, из России, сын освобожденного крепостного Василий Волков известен необычайно жестоким и противоправным поведением; в этом мы нисколько не хотим винить Князя Голицына, который, может, об этом и не знает вовсе, ибо здесь он никогда не бывает... для нас было бы большим счастьем, если бы этого управляющего у нас не было». Узнав о жалобе крестьян, князь Голицын посылает барону Рокоссовскому, в то время генерал-губернатору Финляндии, письмо, в котором настойчиво отрицает факты, указанные в жалобе крестьян, и пишет: «... Волков очень старается, чтобы дела в имении шли хорошо... у Волкова под началом 5000 крепостных, и жалобщик среди них один ... крестьяне требуют для себя слишком много привилегий». Губернатор Выборгской губернии Ингрениус свидетельствует в своем письме, направленном 5 октября 1863 г. генерал-губернатору, что когда он побывал вместе с князем Голицыным в Пяллия, его встречала целая депутация крестьян, которые настойчиво требовали убрать Волкова. Губернатор упоминает, в частности, что в разговоре наедине он сказал князю о том, что управляющий должен уважать местные обычаи и не быть деспотом по отношению к крестьянам. Тем не менее князь не стал увольнять своего

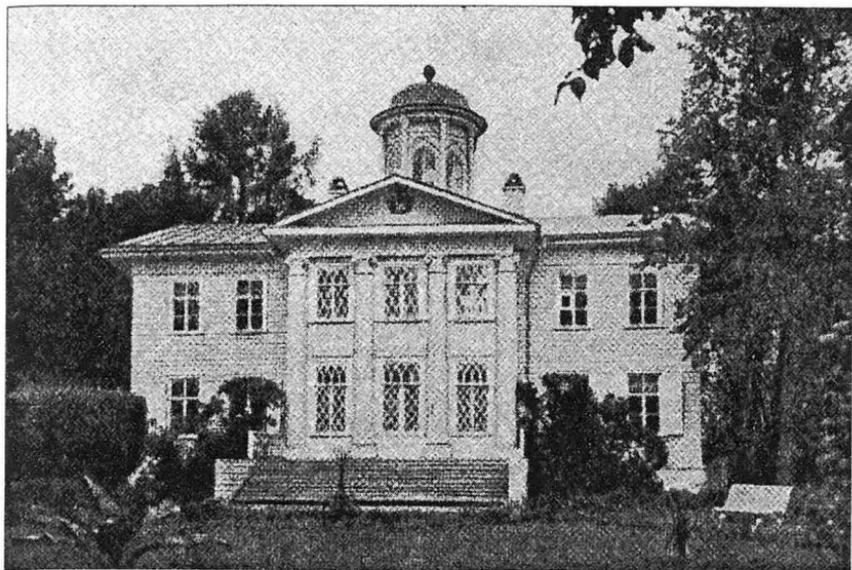
управляющего. В документах имеется пометка о том, что дальнейшее рассмотрение дела прекращено 11/23.X.1863 г.

Из десятников (руководителей работ) Василий и Александр были русскими, но к крестьянам все же поклаdistыми; также был Линдберг – финляндский швед, причем злобный по натуре, с которым в одно время был десятником Яакко Хяннинен, и, наконец, эти обязанности исполнял Риету Тонгер. Кроме того, у Волкова в разных местах были свои информаторы, которые следили за настроениями среди крестьян и постоянно докладывали своему покровителю о том, какое у них материальное состояние и кто стал жить побогаче. С помощью этих шпииков «Волка» знал также, как работают десятники, однако случалось и так, что те в случае каких-либо упущений давали шпиикам взятку, чтобы избежать наказания, и Волков получал неверные сведения.

Другим известным землевладением, созданным в русский период на территории Муолаа, было поместье Куусаа, к которому были приписаны крестьянские хозяйства в деревнях Куусаа [ныне Климово, Папоротниково, Дубки и Пчелино], Мьяттыяля, Муолаа [Искра], Ойнала, Хотокка [Стрельцово], Копрала [Гранитное] и Пёлляккяля [Барышево].

Если в Пяллиля всеми делами в поместье и в усадьбе распоряжался управляющий, то в Куусаа ведением хозяйства занимался лично сам владелец. Причем к крестьянам он относился значительно более гуманно, если сравнивать с тем, что творилось в Пяллиля. Во всяком случае о рукоприкладстве со стороны хозяев история не упоминает.

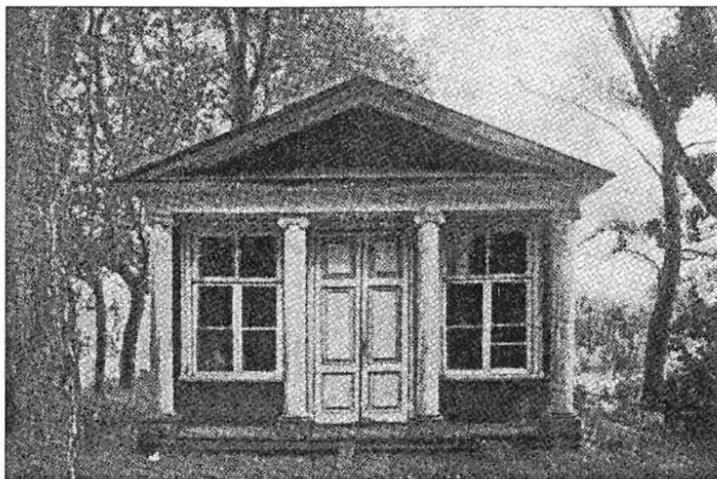
Александр Масалин, построивший в усадьбе «большое строение» и «малые строения», а также хороший скотный двор (скончался он в 1859 г.), оставил о себе хорошие воспоминания. «Масалину», как его звали местные жители, по происхождению был финном, сыном простого финского крестьянина из-под Савонлинна. Его внучка Саша слышала рассказ о том, что восемнадцатилетним юношей он босиком пришел в Петербург и начал заниматься скупкой лесоматериалов и продажей их жителям Петербурга и государственным учреждениям. Женившись на русской девушке по фамилии Крылова, он вернулся в Финляндию, купил себе на Карельском перешейке усадьбу и, как пишет в своих воспоминаниях А.М. Коллонтай («внучка Саша»), «построил чудный деревянный дом в стиле Александра I, с белыми колоннами и вышкой, – дом, напоминающий декорацию первого акта «Евгения Онегина». В доме были художественные паркетные полы. Архитекторы из Петербурга и Выборга приезжали смотреть на них». Имел он также титул коллежского советника, а посему среди крестьян бытовало мнение, что он – «первый человек после царя». Но хотя к

Илл. 19. Главное здание усадьбы Куусаа.

Илл. 20. Так выглядело это здание 22 сентября 2001 г.

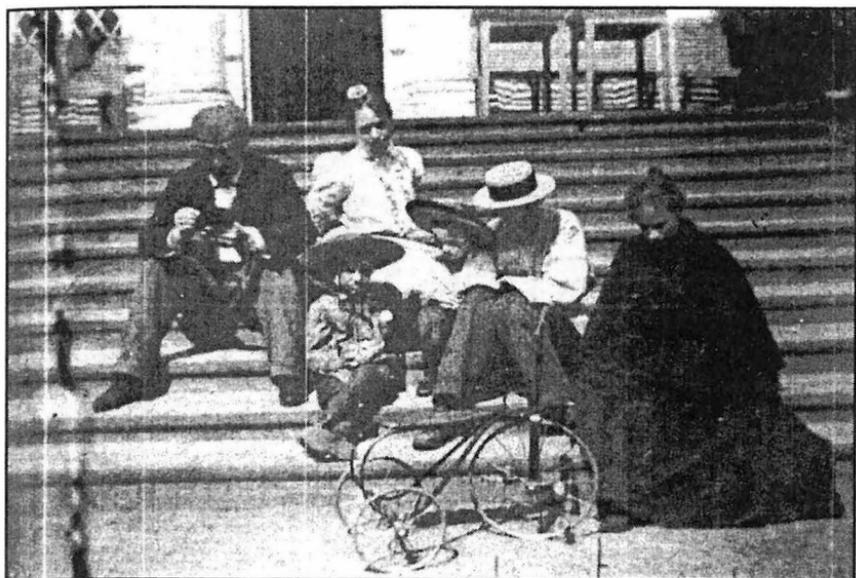

Илл. 21. Беседка в усадьбе Куусаа.

своим приписным он и старался относиться по-человечески, тем не менее, внешне порядок требовал соблюдения: если господин ехал навстречу, шапку с головы полагалось снимать.

Заслугой Масалина было также и то, что он принимал участие в организации работ, связанных с водопуском в бассейне Вуоксы, в том числе и на озере Юрьяпяняярви, когда в 1855 г. начали готовить к подрыву перешеек у деревни Кивиниеми [ныне пос. Лосево]. Кроме того, он организовывал расчистку осушенных болот.

После его смерти имение досталось супруге и двум дочерям. Старшая дочь, Александра Александровна, вышла замуж военного инженера Константина Мравинского. Вскоре у них родились две дочери - Агелъ и Евгения и сын Александр. Увлечение этой почтенной матери семейства блистательным полковником Генерального Штаба Михаилом Алексеевичем Домонтовичем привело ее к новому браку, от которого появилась дочь Александра. Михаил принимал активное участие в Балканской войне, стал генералом и в дальнейшем служил в Петербурге инспектором по учебной части в кавалерийском училище. В этот период усадьбой Куусаа владели Домонтовичи. Генерал и «сама госпожа», как ее называли местные жители, относились к финнам довольно-таки доброжелательно, особенно к детям. «Сама госпожа» врачевала их, когда приключалась какая-нибудь хворь. В июне на Иванов день (Юханнус) деревенских жителей приглашали в усадьбу, где на поляне устраивали большой традиционный

Илл. 22. Семья Мравинских на ступенях своей усадьбе Куусаа в 1909 г.

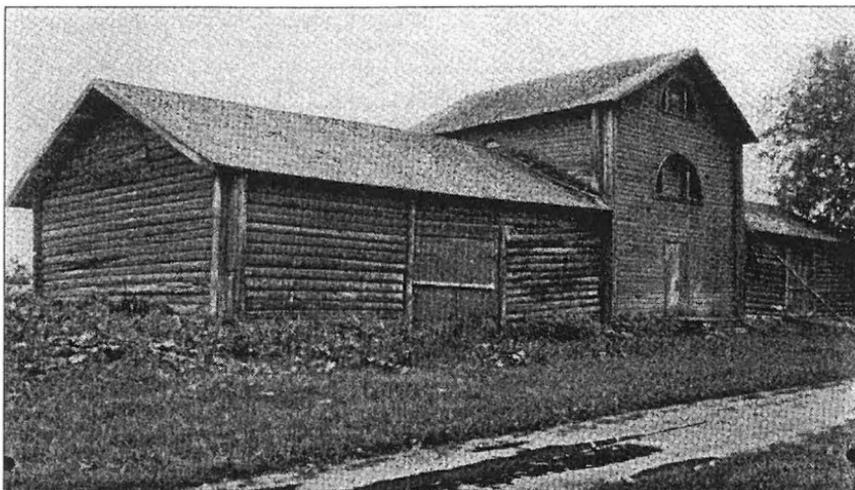

Илл. 23. Семейный пикник на озере Тервалампи в 1909 г.

Илл. 24. Высокий гость в усадьбе. 1909 г.

Илл. 25. Адель Мравинская с юнгом Евгением Мравинским. 1909 г.

Илл. 26. Хозяйственная постройка в имении Куусаа.

костер, а на Рождество, в конце декабря, устраивали совместный рождественский праздник.

Сами хозяева бывали в имении только летом и на Рождество. В их отсутствие хозяйством ведал лакей, носивший красивый сюртук с заплатами, а на руках – белые перчатки. На кухне работала кухарка, а помещения убирала горничная. Скотным двором ведала скотница-молочница. Господь возил кучер в красиво расшитом костюме и бархатных штанах. В упряжке всегда было не менее пары лошадей. Но несмотря на покладистость, хозяин все же требовал от крестьян причитающиеся с них налоги, а также выполнять работы в пользу имения.

После смерти матери усадьба перешла в руки дочерей от первого брака. Евгения Константиновна обладала прекрасным голосом. Впоследствии она стала знаменитой оперной певицей и выступала на сцене Мариинского театра под именем Евгении Мравиной. Большую часть времени она проводила в столице и в Крыму и надзор за имением лежал на плечах Адели Константиновны.

Однако наиболее известной стала все же Александра Михайловна (род. в 1872 г.) – впоследствии крупный советский дипломат, посол СССР в Стокгольме в период второй мировой войны. В 16-летнем возрасте она сдает экстерном экзамены на аттестат зрелости и получает право работать учительницей. Одновременно она начинает испытывать тягу к журналистике, пишет небольшие рассказы и публикует их вначале в журнале «Рус-

Илл. 27. Саша («мадам Коллонтай») в возрасте 5 лет.

Илл. 28. Мать А.М. Коллонтай, генеральша Александра Александровна Домонтович (Масалина).

ское богатство». А в 90-е годы уже начинает интересоваться политикой, печатает ряд статей в журнале «Научное обозрение», в ежемесячном легальном марксистском журнале «Образование» (в номере 9–11 за 1898 год) появляется ее статья «Основы воспитания по взглядам Добролюбова».

В 1891 г. она живет в Тифлисе, где знакомится с Владимиром Людвиговичем Коллонтай, который через некоторое время становится слушателем Военно-инженерной академии в Санкт-Петербурге. В 1893 г. они поженились, у них родился сын Миша, однако семейная жизнь не заладилась. Владимир Коллонтай стремился к генеральской карьере, а Александра тяготилась замкнутой жизнью домохозяйки, и в конце концов они расстались.

Фамилию мужа Александра Михайловна, однако, сохранила.

С 1905 года она поддерживает отношения с представителями большевистского крыла РСДРП, а в 1915 г. вступает в партию большевиков. После революции, начиная с октября 1922 г. А.М. Коллонтай – на дипломатической работе, работает полпредом в Норвегии, Мексике, а с 1930 по 1945 г. – в Швеции.

С именем А.М. Коллонтай связаны переговоры об условиях заключения мира между Финляндией и СССР в период Зимней войны 1939–40 гг. и войны «продолжения» 1941–44 гг., в которых она участвовала в качестве посредника.

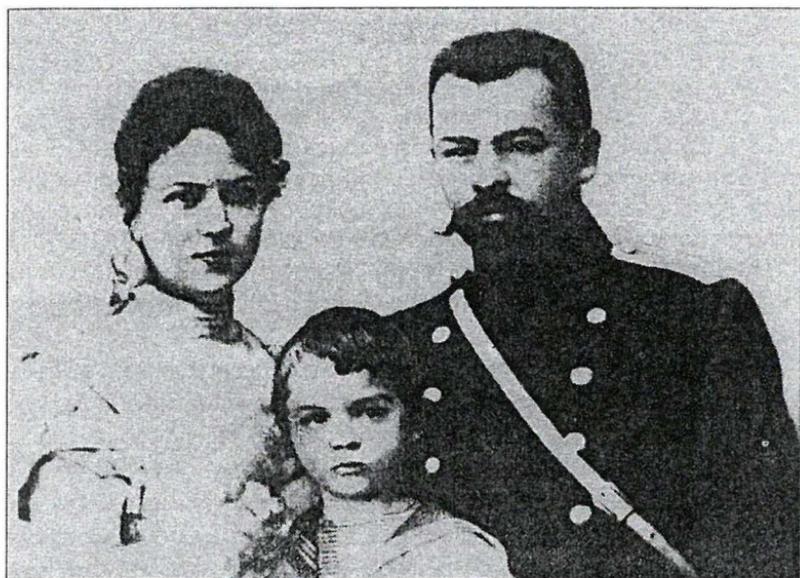

Илл. 29. Александра Михайловна Домонтович в 1888 году.

его семье приходилось голодать. Вудела Саша и то, как тяжело работается крестьянам на изобилующих камнями полях, принадлежащих владельцу имения. Эти детские наблюдения, как пишет А.М. Коллонтай, привели ее к мысли о том, что общество устроено несправедливо, и под впечатлением несчастной судьбы этих финских земледельцев у нее еще в детские годы стало вырабатываться убеждение в необходимости перемен. Она пишет, что «финские торпари вдохновили меня написать мои первые статьи по социальным вопросам».

Донационное имение Ристсеппяля включало земли деревень Пааккола (ныне участок земли у самой Вуоксы, прилегающий к Шлюзу Гремучий), Ристсеппяля, Ряттёля (располагалась примерно в 3 км юго-восточнее нынешнего пос. Вешеве) и Хевоссаари (находилась примерно в 10 км западнее Пааккола)*. Владельцем был Рейнхольд Рутфельт, «по

* Населенные пункты Пааккола, Ряттёля, Хевоссаари, Сувеноя и Парккила были ликвидированы в начальный период советского хозяйствования. В 1948 г. деревня Ристсеппяля была переименована в «Житково», Мьялкёля – в «Звереве», Кангаспелто – в «Искра», Кююрёля – в «Красносельское».

Илл. 30. А.М. Коллонтай с мужем и сыном. 1897 год.

Илл. 31. Полпред Советского Союза в Швеции А.М. Коллонтай

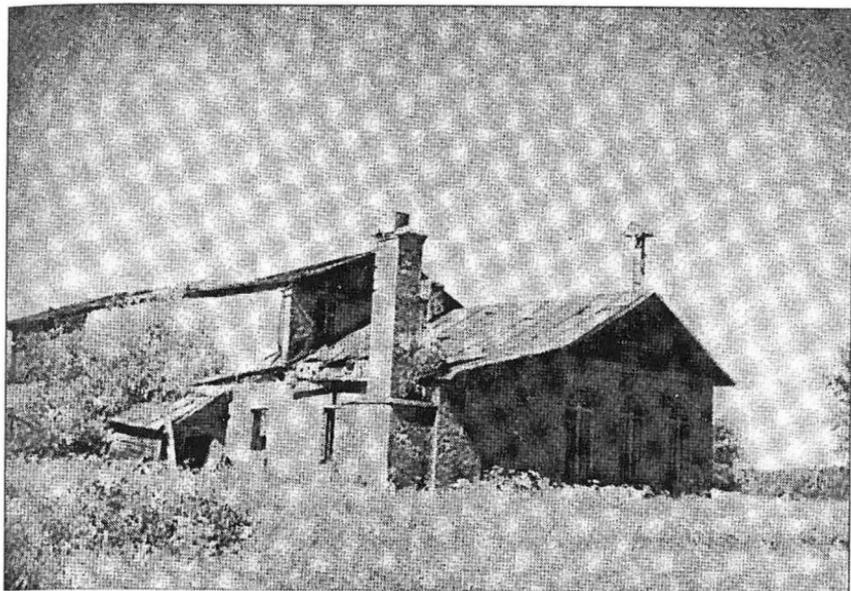
натуре сварливый, но покладистый, когда удавалось ему угодить». После него хозяином стал его сын.

Как и в других имениях, крестьяне подвергались поборам и эксплуатации, а иногда и выселению с занимаемых участков, когда хозяевам того хотелось, причем с использованием воинских подразделений. В частности, упоминается случай выселения крестьянской семьи Хятёнен: их надел находился на самых лучших в округе землях, которые помещик возжелал заполнить полностью в свою собственность.

Имение Мьялькёля было по территории самым маленьким помещением, к нему были приписаны только 9 крестьянских хозяйств в самой деревне Мьялькёля.

К поместью Кююрёля относились русские деревни Кююрёля, Парккила, Сувеноя и Кангаспелто. Помещик Назаров уже через год после оформления аренды, в 1854 г., основал винокурню. Дело это, как известно, всегда и во все времена было очень выгодным, а посему «зеленый змий» совершил с пути истинного очень многих жителей Карельского перешейка «благодаря» предпринимательской деятельности Назарова. Дело стало принимать настолько серьезный оборот, что протест лютеранской церкви Муолаа Йохан Хаксель, выступая в Хельсинки перед членами сейма (парламента), выразил свою серьезную озабоченность в связи с резким упадком нравственности и благочиния не только в Муолаа, но и в других приходах в связи с расширением торговли продукцией назаровской винокурни. Да и сам Назаров не мог похвастаться строгим соблюдением церковных заповедей: многоженство хотя и запрещалось православными канонами, но его они как бы и не касались. Батюшка красносельского храма, как-то обвинивший Назарова в этих прегрешениях и напомнивший ему, что негоже иметь вторую жену, да к тому же еще и детей от нее на стороне, через некоторое время получил свидетельство о том, что женщина эта является женой такого-то господина из Петербурга: этот господин (по всей видимости, за определенную мзду) по просьбе Назарова формально обвенчался с ней и прислал документы в Кююрёля, сам ни разу там и не объявившись. Впрочем, как бы то ни было, а батюшка был вполне удовлетворен формальным решением вопроса.

Справедливости ради надо сказать, что и благочестивые деяния не были чужды Назарову. В частности, им был изобретен новый метод выплавки железа, и для проведения экспериментов он выстроил на берегу озера Искьярви небольшое литейное предприятие. Поскольку почва там была переувлажненной, крестьяне привезли туда для укрепления грунта 333 кубических сажени гравия, за что получили от хозяина 1000

Илл. 32. Здание, где располагалась винокурня Назарова.

рублей генег. На новой фабрике была установлена паровая машина мощностью 5 лошадиных сил, вращавшая воздушнонагнетатель. Паровой молот весил 20 пудов. В определенной мере эти эксперименты по организации литейного дела оказались удачными, и некоторые технические решения впоследствии использовались на Путиловских заводах в Петербурге.

Жители перечисленных выше русских деревень, приписанных к усадьбе Кююрёля, были людьми малоимущими, ибо поля были малоурожайными, а наделы небольшими. Правда, и налоги с них брались поменьше, если сравнивать с повинностями, которые несли крестьяне в других имениях на территории Муолаа. Помимо земледелия, люди занимались торговлей, садоводством, рыболовством, кустарными промыслами. Большой известностью во всей Финляндии, да и не только в Финляндии, пользовались гончарные изделия из Кююрёля. Кроме того, среди жителей было много каменщиков, а также других специалистов по строительным работам.

Таким образом, история русского помещичьего землевладения на территории Карельского перешейка, а также в Северном Приладожье, берет свое начало с периода завоевания этих земель и включения их в состав России Петром Первым в результате Северной войны 1700–1721 гг. Однако император Александр I, присоединивший к России в ходе войны

со Швецией 1808–1809 гг. почти всю Финляндию, высочайшим указом от 23 декабря 1811 г. вернул Выборгскую губернию в состав вновь образованного в составе России Великого княжества Финляндского. Причины, побудившие царя пойти на такой шаг, заключались прежде всего в том, что в Швеции (и, соответственно, в Финляндии) в начале XIX века положение крестьян было несравненно лучше, нежели в России. Это решение, равно как и решение пойти на создание автономного образования в составе унитарного государства, были продиктованы прежде всего желанием сохранить завоеванную территорию и предотвратить развитие партизанской войны в крае, особенно если учитывать ненадежность и коварство Наполеона, союзника Александра I по Тильзитскому миру, то есть сделано это было исключительно для того, чтобы обеспечить условия для прочного и длительного владения княжеством.

Однако и после воссоединения Старой Финляндии (т.е. Выборгской губернии) с остальной частью Великого княжества русские помещики-землевладельцы продолжали сохранять за собой свои поместья. Дабы хоть как-то смягчить положение крестьян донационных имений с целью предотвращения массового недовольства, царь Николай I, преемник Александра I, подписал изданный Сенатом указ (25 ноября 1826 года), согласно которому все крестьяне донационных имений становились арендаторами своих наделов, земля которых оставалась в собственности помещиков.

После официально объявленной в 1861 г. отмены крепостного права в России вновь открытый в 1863 г. после длительного перерыва финляндский Сейм начинает проводить слушания по вопросу о принадлежности донационных земель, причем этот вопрос был выделен в разряд наиважнейших. Было принято решение произвести выкуп этих земель в собственность финляндского автономного государства. Это важное мероприятие, проводившееся в целях освобождения финских земледельцев от кабалы, в которой они находились со времен петровских завоеваний, было в основном завершено к концу XIX века. Банк автономного княжества выделил на эти цели более 17 млн. марок. Из этой суммы на возвращение в наследственную собственность крестьян Муолаа арендованных ими у помещиков земель было потрачено более 2 миллионов.

Одним из первых законодательных актов, рассматривавшихся Сеймом в 1863–64 гг., был, в частности, новый закон о муниципальных органах местного самоуправления (*kunnallislaki*), утвержденный императором 5-го февраля 1865 года. После этого в течение двух лет должно было начаться формирование волостных административных территориальных

Илл. 33. Открытие памятника помещичьим крестьянам в Валькярви 1-го августа 1937 года.

образований и местных муниципальных органов, которые должны были заниматься вопросами ухода за престарелыми и малоимущими, содержания общинных ссудно-зерновых складов, строительства дорог и мостов, организации почтово-перекладной службы и постоянных дворов, а также строительства школ. В ведении церкви оставались вопросы, связанные со строительством и содержанием зданий церковных храмов и усадеб священников, содержанием кладбищ и прочие обязанности, относящиеся непосредственно к деятельности церкви.

На территории Муолаа практические мероприятия, предусмотренные новым законом, стали реализовываться через пять лет после его утверждения. Первое волостное собрание (*kuntakokous*), т.е. собрание имеющих право голоса местных жителей, состоялось в Муолаа 22 сентября 1870 г. по распоряжению губернатора Выборгской губернии Кристиана Теодора Окер-Блома. Из протокола собрания явствует, что среди присутствовавших были, в частности, настоятель прихода протест Маттиас (Матти) Хакцель, некоторые помещики-землевладельцы, а также губернские представители. На собрании был избран волостной комитет (*kunnallislautakunta*) – т.е. главный местный муниципальный орган исполнительной власти, правление волости, первое рабочее заседание которого состоялось 1-го февраля 1871 г.

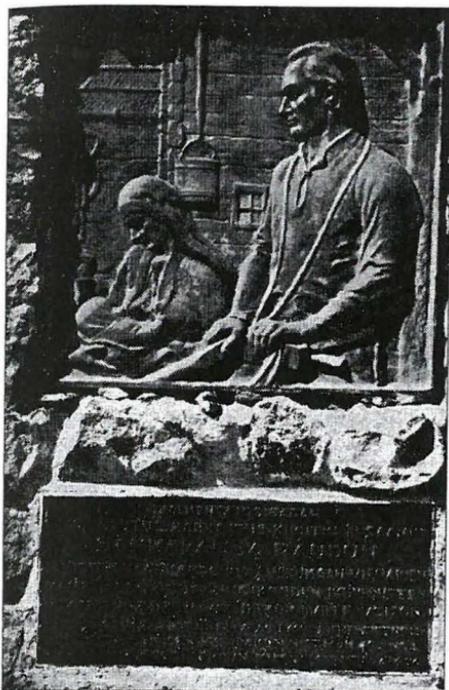
Память о годах жизни на своей земле под властью помещичьего прощвола, когда все время существовала угроза принудительного выселе-

Илл. 34. Аарно Каримо.

мятников готовил известный в те годы финский художник и писатель Аарно Каримо. Церемонии открытия проходили в торжественной обстановке, ораторы произносили возвышенные патриотические речи, выступался почетный воинский караул. На металлическом барельефе (все 4 памятника были практически однотипными) была символически изображена трудолюбивая крестьянская семья – основа материального благополучия края.

ния и приходилось всячески угождать господам и их управляющим, передавалась крестьянами от поколения к поколению. В знак признательности к трудам и упорству тех, кто, несмотря на господский гнет, распахивал поля, выращивал урожаи, строил дома и создавал условия для жизни будущих поколений свободных земледельцев в свободной стране, благодарные потомки в 1936–1937 годах установили в четырех волостях Карельского перешейка – Пюхьяярви, Саккола, Метяпиртти и Валкъярви – величественные монументы, сложенные – что само по себе символично – из собранных с окрестных полей камней. Чертежи па-

Илл. 35. Барельеф с символическим изображением крестьянской семьи и памятная табличка на монументе, открытом в 1936 году в Саккола, на берегу озера Петяярви (ныне оз. Петровское). Памятник был посвящен крепостным крестьянам волостей Саккола и Рауту. Барельефы на всех памятниках были одинаковые, отличия были только в текстах-посвящениях (относительно названий волостей).

Илл. 36. 26 июня 2002 г. Торжественное мероприятие, посвященное открытию восстановленного памятника помещичьим крестьянам волости Метсяпиртти. Фото Д. Шитова.

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В МУОЛАА

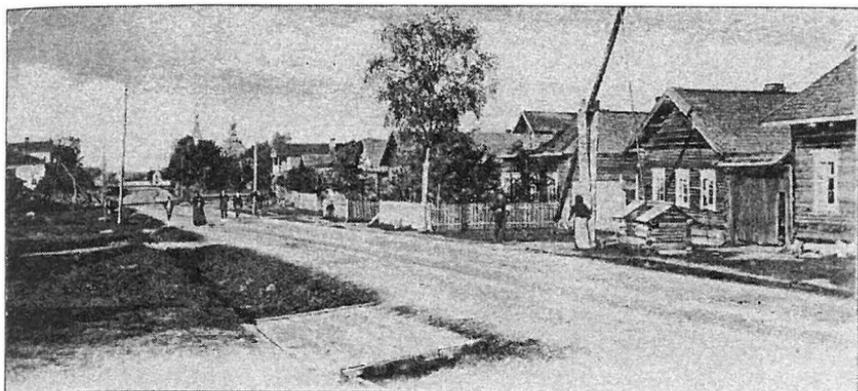
Компактное расселение на Карельском перешейке выходцев из глубинных районов России берет свое начало с 1710 года, когда уже упоминавшийся выше граф Г.П. Чернышев, получивший полное управление обширные земли на Карельском перешейке, включая г. Выборг и 92 крестьянских двора в Муолаа, привез в район Кююрёля, что в 40 километрах к юго-востоку от Выборга, 20 крестьянских семей из своего Череповецкого имения, расселив их на месте бывших карельских поселений Кююрёля (позднее – Красное Село), Парккила (Паркино) и Кангаспелто (русское название – Новая Деревня). Позднее прибыли еще пять семей из-под Костромы, которые поселили на землях деревни Сувеноя (или Сугеноя), получившей новое русское название – Развоз.

Старое карельское название «Кююрёля» (*Kuuyrölä*) происходит, по всей видимости, от фамилии «Кююрё». В старых шведских документах имеется упоминание о Юхо Кююрё, который в 1546 году исполнял обязанности станового пристава в Муолаа. Учитывая то, что названия многих населенных пунктов в сельских районах Финляндии образованы от фамилий жителей (в данном случае – с добавлением словообразовательного собирательного суффикса *-la* (*-lä*), то наиболее вероятным представляется именно такой вариант происхождения изначального названия.

Необходимость доставки Григорием Чернышевым переселенцев в Муолаа объяснялась прежде всего нехваткой, а в некоторых местах – даже полным отсутствием рабочих рук, поскольку в связи с военными действиями, которые вели петровские войска, местные жители ушли со своих мест, и новым землевладельцам, таким образом, надо было заново все обустроить. В течение довольно продолжительного времени после окончания Северной войны в Кююрёля вообще не было финноязычных жителей. Первым из них стал Туомас Пикканен, приехавший сюда лишь в 1870 году.

Как и на всей территории Муолаа, Красное Село (Кююрёля) сменило много владельцев: после Г.П. Чернышева им владел уже упоминавшийся выше его сын, П.Г. Чернышев, а после 1878 года в связи с выкупом финляндским автономным государством помещичьих земель для последующей их передачи в полное наследственное владение местным крестьянам жители Красного Села также получили землю в свою собственность.

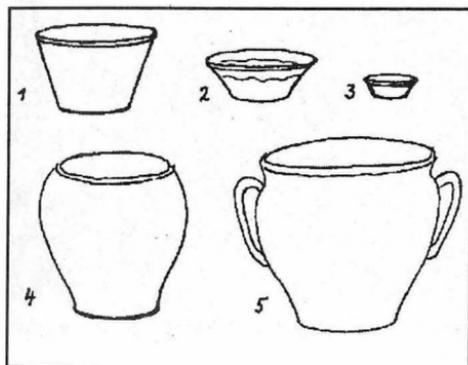
В начале XX века Красное Село – Кююрёля – было уже довольно крупным населенным пунктом. Почти все его жители были прямыми потомками тех, кто был завезен сюда графом Г.П. Чернышевым в начале XVIII века. К 1920 году их насчитывалось уже более 1800 человек.

Илл. 37. Красное Село — Кююрёля в начале XX века.

Домов в селе было почти две с половиной сотни, имелась школа, было много лавок (среди частных торговых заведений, которыми владели Ушановы, Галкин, Тюрин, Кузнецов, Корелины, была одна т.н. общественная торговая точка), имелась мельница, лесопильня, мукомольня, чайная и т.д. Большой известностью пользовалось гончарное производство: горшки, миски, тарелки, декоративные изделия из обожженной глины в те годы славились своим качеством и оригинальностью далеко за пределами района. Даже в настоящее время глиняных петушков своеобразной формы в Финляндии продолжают называть «кююрёля».

В конце 90-х годов XX века доцент Санкт-Петербургской государственной академии культуры В.В. Головин, заинтересовавшись историей русских жителей Карельского перешейка, несколько раз ездил в Финляндию, чтобы записать воспоминания потомков жителей Кююрёля и собрать фольклорно-этнографический материал. Им были записаны, например, сказки «Про ис-

Илл. 38. Образцы изделий гончарной промышленности Кююрёля (автор рисунков — Леена Пуллиайнен).
 1 — посуда для молока.
 2 — глиняная чашка.
 3 — чашечка для хранения мелких монет.
 4 — глиняный «чугунок».
 5 — квашня (посуда для замешивания теста)

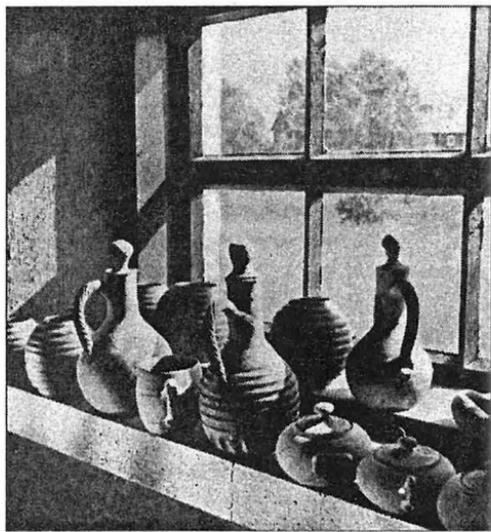

Илл. 39. Отделка глиняного кувшина.

поведь», «Про ад кромешный и Иугу грешного», «Хитрый мужик и попадьа», «Как поп и дьячок поспорили».

Живя изолированной от остального русского мира общиной, исповедуя православную веру, жители передавали из поколения в поколение привезенные в эти места еще в XVIII веке их предками старинные традиции и обряды. Они общались между собой на особом, сохранившемся еще с XVIII века наречии, не подвергавшемся, в отличие от России, влиянию иноязычной лексики, в особенности когда Финляндия отделилась и стала самостоятельным государством.

Вплоть до конца 30-х годов в русских деревнях Кю-

Илл. 40. Гончары Кююрёля знали толк в своей работе!

Илл. 41. Торговля гончарными изделиями

юреля жители устраивали святочные обходы, традиционными были гадания: согласно местным поверьям, на крещение был самый разгул всевозможной нечистой силы – это были домовые, банники, водяные, а также чисто красносельские «лошадь без головы» и «белая баба у мосточка»; на масленицу устраивались лихие катанья на дровнях и санях на Кривошейной горе, пекли жаворонков на Сороки. На Пасху же не только звонили в церковные колокола, но и производили – в XIX веке – выстрел из пушки. Но однажды пушка возьми да разорвись, и тогда перед началом колокольного звона взрывали динамитный заряд. Такие вот «особинки» были характерны для тогдашних здешних традиций. Местные финны, чтобы подразнить христосовавшихся и покуражиться, переиначивали пасхальное восклицание «Христос воскрес!» на «Кристус реесся!» («Kristus reessg!» – «Христос в санях!»). Русские же, будучи тоже не лыком шитые, на приветствие «Куйнка менее?» («Kuinka menee?» – «Как дела?»), отвечали такой прибауткой: «Конька меня, конька меня, зашибить тебя поленом!» Сосед-финн почтительно кланялся, думая, что ему тоже отвечают приветствием, а русский добродушно хохотал.

В Егорьев день освящали скотину, на Петров день бросали жребий и делили берег на покосы, а праздник Троицы отмечали очень торжественно. В деревнях водили хороводы, украшали березки и топили их в озере, сопровождая это действо пением.

Илл. 42. Гончар из Кююрёля торгует своими изделиями на базаре в Выборге.

Старые русские песни исполняли, иногда заменяя отдельные слова, что объяснялось влиянием местных топонимов: например, вместо «На муромской дороге» пели «На сормоловской дороге» («Сормолово» – так русские люди Кююрёля называли расположенную неподалеку финскую деревню Сормула, в которой молодежь из Кююрёля иногда бывала в поисках спутников и спутниц жизни). Традиционный праздник Юханнус (Ивана Купалы) финны отмечали по-своему, русские же только наблюдали со стороны, и наоборот, когда русские праздновали Трошцу, финнов в их хороводах практически не было.

Пошутить над собой и над соседями считалось у жителей Кююрёля хорошим тоном. Почти все из тех, с кем В.В. Головин встречался в Хельсинки, Турку и в других городах Финляндии, оказывались довольно забавными остроловами. Потомок уже упоминавшегося выше финна Туомаса Пикканена, переехавшего в Кююрёля в 70-х годах XIX века, Юха Пикканен, повествуя исследователю, например, о том, почему в Кююрёля (Красном Селе) хорошо был развит малярный промысел, рассказал следующую прибаутку: «Вот, значит, посылали детей на Валаам, на иконописцев учиться, да талантом не вышли, вот все в маляры и пошли». К. Шувалова (1905 года рождения), в свою очередь, говорила о том, что талант у маляров был просто непревзойденный, и даже приводила при этом такую шутку: «Маляры-то были великолепные – самые что ни на есть художники, лучше самого Репина. Наши ему потолок в Куоккала так чудно забелили, а у него таланту не хватило».

Язык жителей деревень Кююрёля отличался некоторыми диалектными чертами говоров их исторической родины – земель у границы нынешних Вологодской и Новгородской областей – и влиянием диалекта финского языка, распространенного в волости Муолаа. Головин записал, в частности, несколько примеров: «Ну что, исть захотел, смотри, как картошка росхоталась (т.е. растрескалась)»; «Правильно губа твоя шлеппает, пора и нам за стол садиться, гусиные лапки потчевать. Я не егал, мой гядя вигал, как барин егал. За вкус не берусь, а горячо будет»; «Хватит бороздить (т.е. говорить), горяку (т.е. спешку) нет, давай покурим, потом снова задурим».

Были еще и шуточные дразнилки на каждую из четырех русских деревень Кююрёля: «Канки – поганки, вшивы черепанки» (на Канки – Кангаспелто) или Новую Деревню); «Развоз – паровоз, всех людей перевез» (на Развоз – Суденоя); «Паркино – Даркино, вшивая деревня, ребята за ноги возили и в колодец опустили» (на Паркино – Парккила); «Село – помело, всех людей размело» и «Красноселы – люди веселы, сидят на горке, едят кокорки» (на Красное Село – Кююрёля).

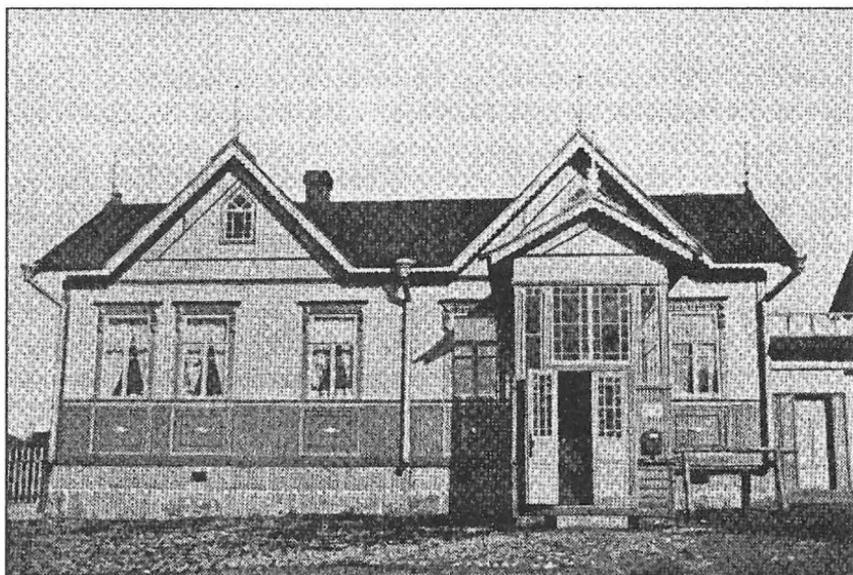
12-го июня 1889 года представители русского православного населения Кююрёля подали губернатору Выборгской губернии прошение о предоставлении их району прав на самоуправление. Это ходатайство было удовлетворено, и 1-го января 1890 г. внутри волости Муолаа на территории компактного проживания русского населения, относившегося к православному церковному приходу, появился самоуправляющийся административный район и был назначен его глава, который в начальный период существования нового района решал все административные вопросы единолично. Первое время он исполнял свои обязанности, так сказать, на общественных началах, т.е. плата за эту работу не полагалась. В дальнейшем (в 1900–1910 гг.) ему был назначен должностной оклад, размер которого составлял несколько десятков марок в год. После принятия летом 1898 года нового закона о сельских муниципальных органах власти в Кююрёля также был создан совет районных представителей (уполномоченных), в который было избрано 12 членов – т.е. минимально допустимое законом число. Собрания и все делопроизводство в совете велись на русском языке, хотя со временем на территории данного православного прихода стали появляться и жители-финны. В 1922–1924 гг. в состав совета уполномоченных входил всего лишь один представитель-финн. С 1923 года официальным языком делопроизводства в Кююрёля, как и на всей территории Финляндии, становится финский.

Несмотря на то, что муниципальный архив района был полностью утрачен в первые дни декабря 1939 года, тем не менее история сохранила упоминания о некоторых наиболее известных представителях Кююрёля, в разные годы занимавших должности в совете районных уполномоченных. Это купцы Симеон Лукьянов из Парккила, Н.И. Сibaков и И.В. Лукьянов из Кююрёля, земледельцы-дворохозяева Григорий Серов, Пимен Тюрин, а также купец Михаил (Микко) Сibaков. Председателями совета в разные годы были Илларион Сосунов, Андрей Белдышкин и Александр Сibaков.

Илл. 43. Купец Симеон Лукьянов

Муниципальное районное образование Кююрёля было упразднено по постановлению правительства (Государственного совета), принятому в 1933

Илл. 44. Дом купца Лукьянова в Парккила (Паркино)

Илл. 45. Церковь Во имя Сретения в Красном Селе на старой фотографии.

Илл. 46. Алтарь церкви.

Илл. 47. Православная церковь в Новой Деревне (Кангаспелто).

году, и с 1 января 1934 года, после 44 лет самоуправления, этот район вновь был объединен с волостью Муолаа.

В Кююрёля были две православные церкви – в самой деревне Красное Село (Кююрёля) и в Новой деревне (Кангаспелто). Главной была церковь Во имя Сретения (т.е. Внесения младенца Христа во Храм), кирпичная, построенная архитектором Н. Бараньевым в 1898 году. Эта церковь была третьей по счету, поскольку две предыдущие, выстроенные из дерева, сгорели (самая первая деревянная церковь была построена еще в 1725 году, но она сгорела 5 января 1788 г., а вторая сгорела 6 декабря 1894 г.). На церк

кви Во имя Сретения было установлено 9 колоколов, самый большой весил 2850 кг. Церковь имела великолепную внешнюю отделку. Иконостас был двухрядным, с обилием позолоты и резьбой по дереву.

Другая деревянная церковь, построенная в 1906 г. в Каннельярви и перевезенная в 1921 г. в Новую Деревню (Кангаспелто), была освящена в честь иконы Казанской Божьей Матери (девы Марии). На колокольне было 6 колоколов, самый большой весил 600 кг.

К православной церковной общине Кююрёля относилась еще третья деревянная церковь, находившаяся в районе станции Перкьярви

[ныне – пос. Кирилловское], т.е. за пределами русского района Кююрёля, освященная 25 мая 1901 г. в честь Святого Сергия Рагонежского. Колоколов на церкви было 5, они были весом 230, 98, 40, 33 и 13 кг.

Ни один из этих храмов до наших дней не сохранился. Первые два были разрушены (как и лютеранская церковь Муолаа, построенная в середине XIX века) во время ожесточенных боев еще в Зимнюю войну, так как в тех местах до 11 февраля 1940 г. проходила линия фронта. Церковь в Перкьярви пережила Зимнюю войну, однако в дальнейшем была сначала разграблена новыми хозяевами этих земель, а затем и полностью уничтожена (во всяком случае, по словам краеведа В.И. Смирнова, которому в детстве, в начале 50-х годов, довелось бывать в тех местах, от этой церкви сохранился только фундамент, и никто из новых местных жителей, с которыми он разговаривал, не помнил ни о каком здании церкви).

Илл. 48. Церковь в Перкьярви.

Илл. 49. Красносельская церковь (снимок сделан, очевидно, в период Зимней войны).

Илл. 50. Вернувшиеся в родные места из эвакуации жители Красного Села (Кююрёля) у разрушенной церкви.

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ТЕРРИТОРИИ МУОЛАА

Как следует из этого краткого повествования о церковном приходе Кююрёля, русскую православную веру на территории Муолаа исповедовали русские люди, обосновавшиеся на Карельском перешейке после известных событий XVIII века. Конечно же, и в других местах Карельского перешейка имелись православные приходы и храмы, существовали они и в более северных карельских землях – Кякисалми [ныне Приозерск], Сортавала и в многочисленных деревнях на северо-восток от Ладоги, то есть речь идет о землях, которые после заключения в 1323 г. между Швецией и Великим Новгородом Ореховецкого мирного договора отошли к Великому Новгороду и на которых стала распространяться православная религия – строились православные храмы (некоторые из которых сохранились и поныне), в которых вели богослужение присылаемые из русских земель священнослужители.

Христианство начало распространяться из древней Римской империи, где оно уже стало государственной религией. Со временем, когда произошло политическое и культурное разделение Римской империи на Западную и Восточную империи, западная и восточная церкви становились все более обособленными. В связи с упразднением власти императора и распадом Западной Римской империи (ок. 476 г.) значительно вырос авторитет главы церкви – римского епископа, получившего наименование папы, вокруг которого в дальнейшем происходит объединение всего западного христианского мира. На Востоке империя сохранилась, и ее религиозная жизнь (Восточная православная католическая и апостольская церковь, другое название – греко-католическая, в России принято название греко-православная или православная церковь; название «католическая» ныне используется применительно к западной римско-католической церкви) под руководством императора (цезаря) была организована в соответствии с государственными и общественными устоями. Было создано четыре церковных округа (патриархата) – константинопольский, антиохийский, александрийский и иерусалимский, которые соответствовали четырем государственным округам. Начиная с 451 г. патриарх Константинопольский становится верховным. По законодательству императора Юстиниана I церковь Восточной империи (Византии) приобретает определенную организационную структуру. Для восточных христиан Христос

– это природная сила, пришедшая в мир, которая сильнее смерти и может от нее спасти. Нравственная ценность человека зависит целиком от него самого. Тихие размышления и молитвы – идеал византийской церковной жизни. Со времени принятия князем Владимиром христианства из Византии (988 г.) до второй половины XV века русская христианская церковь находилась под властью патриарха Константинопольского, влияние которого после того, как в 1453 г. Константинополь оказался под властью Турции, постепенно начинает ослабевать, и центр православия постепенно перемещается в Москву; в 1589 г. в Москве появляется свой патриархат, влияние которого значительно возрастает в XVIII веке в связи с превращением России в крупную европейскую державу.

К началу XX века Восточную церковь представляли 16 самостоятельных (автокефальных) церквей, одной из которых была русская православная церковь. В связи с этим разделением (связанным с государственными и национальными особенностями) стали появляться и церковные различия, поскольку восточное христианство и церковь самым тесным образом связаны с жизнью того или иного народа. Однако несмотря на национальные отличия, существуют также общие и объединяющие нормы:

1) Общее каноническое право. Восходит к законодательству византийского императора Юстиниана I, объединившему касающиеся церковной жизни Восточной Римской империи каноны (от греч. «канонис» – правило, норма). Этот церковный свод законов был оформлен под названием «Номоканон» и стал церковно-правовой основой общественного устройства. На Руси был сделан перевод этого труда, и под названием «Кормчая книга» этот свод правил действовал у нас начиная с 1274 года. Изменения, вносившиеся в этот Свод, утверждались Синодом. Церковь признает за государством и правителем право вмешиваться в ее дела.

2) Общая догма. Восточная церковь считает Библию первоосновой своего учения. Наряду с Библией важную роль играет священное предание, каким оно унаследовано от греческих отцов церкви.

3) Общий культ. Общение с богом происходит через таинство, при помощи многочисленных знаков, образов и освящений, через посредство соблюдения постов, свойственных для Восточной (православной) церкви.

4) Монашество. Не имеет разделения на братства. Монастыри, мужские и женские. Для монахов (монахинь) обязателен обет целомудрия. Помимо монастырей существуют монашеские поселения (скиты) и отшельнические укрытия (кельи).

Конечно, русский человек, регулярно посещающий церковь и интересующийся традициями православия, может дополнить это описание церковных атрибутов и правил более подробным повествованием, однако здесь мы ставим своей целью дать всего лишь общее представление, поскольку православие на Карельском перешейке не имело всеохватывающего влияния и исповедовалось только выходцами из русских земель, каковых было меньшинство. Духовными центрами православия были Валаамский и Коневецкий монастыри, а также женский монастырь в деревне Линтула.

Как бы ни упрекали некоторые наши нынешние историки финнов в разжигании неприязни к русским, оказавшимся в Финляндии после ее отделения от России (при этом особое внимание они уделяют зверствам белых по отношению к русским в Выборге, в Кююрёля и в других городах и районах Финляндии во время гражданской войны 1918 года, забывая при этом о той политике русификации, гнета и подавления, которую царское правительство проводило в крае в начале XX века и расплачиваться за которую волей обстоятельств вынуждены были подчас совсем не те, кто должен был держать ответ), тем не менее фактом остается то, что судьба русских православных святынь, оказавшихся на территории Финляндии, сложилась совершенно по-иному, в отличие от того, что стало с храмами и монастырями на территории Советской России. В России и СССР церкви превращали в склады, типографии, сельскохозяйственные объекты и т.п., взрывали, разбирали на стройматериал, имущество расхищали, монастыри превращали в концлагеря (Соловецкий, Свирский, Корнильевский и т.д.). А в Финляндии православные церкви и монастыри продолжали действовать и проводить службы для прихожан вплоть до эвакуации в 1939 году. Кто знает, может, судьба этих святынь сложилась бы более плачевно, окажись земли Карельского перешейка и Северного Приладожья в составе Советской России сразу же после революции.

Римско-католическая (т.е. западная) религия, которая начала распространяться в Швеции еще в эпоху викингов (т.е. в 800-х годах) усилиями западноевропейских миссионеров, официально закрепилась в этой стране в 1164 г., когда Папа Римский издал буллу, согласно которой в г. Уппсала был утвержден первый архиепископ Швеции. Но еще в 1154 г. король Эрик IX предпринял первый крестовый поход в юго-западные финские земли в сопровождении уппсальского епископа Хенрика Святого. После второго крестового похода, совершенного шведами в земли племени емь (хяме) в 1249 г., власть шведского короля была фактически закреплена на этих

землях. В Карелии христианство западно-римского толка стало утверждаться после третьего крестового похода шведов (1293 г.), предпринятого с целью обращения карел в христианство и подчинения их власти шведского короля, когда в устье западного рукава Вуоксы была основана крепость Выборг. Распространением новой религии среди карел-язычников занимались главным образом странствующие монахи. Еще в XIII веке Папа Римский дал благословение на создание монашеских братств – францисканского («серые братья») и доминиканского («черные братья»), которым и предстояло выполнить миссию обращения язычников в христианство. Странствующие монахи направились в финские и прибалтийские земли, обосновавшись, в частности, в Выборге, где у каждого из этих братств уже в начале XV века был свой монастырь. Из стен этих монастырей «братья» совершали свою миссионерскую деятельность, добываясь до таких глухих уголков Карелии, где редко ступала нога приходского священника. Еще до совершения Торгильсом Кнутссоном третьего крестового похода одним из таких странствующих проповедников был (в 70-х годах XIII века) монах, которого звали Йоханнес Карелус. Усилиями именно доминиканских «братьев» римско-католическая церковь завоевывала все более прочные позиции в этих краях. А после подписания официального мирного договора 1323 года, когда была утверждена первая государственная граница между Великим Новгородом и Швецией, эта же граница одновременно стала и рубежом между римско-католическим и греко-католическим (православным) влиянием в Карелии. Таким образом, область Эюряпяя (в составе которой находился район Муолаа), оказалась по западную сторону этой границы.

О миссионерско-просветительской деятельности монахов напоминают, в частности, дошедшие до нас старые топонимы – например, Мунккинеми («Монашеский мыс») в деревне Хаттула [ныне этой деревни не существует, место находится примерно в 4 км юго-восточнее пос. Правдино, у берега оз. Правдинское – быв. Курккоярви].

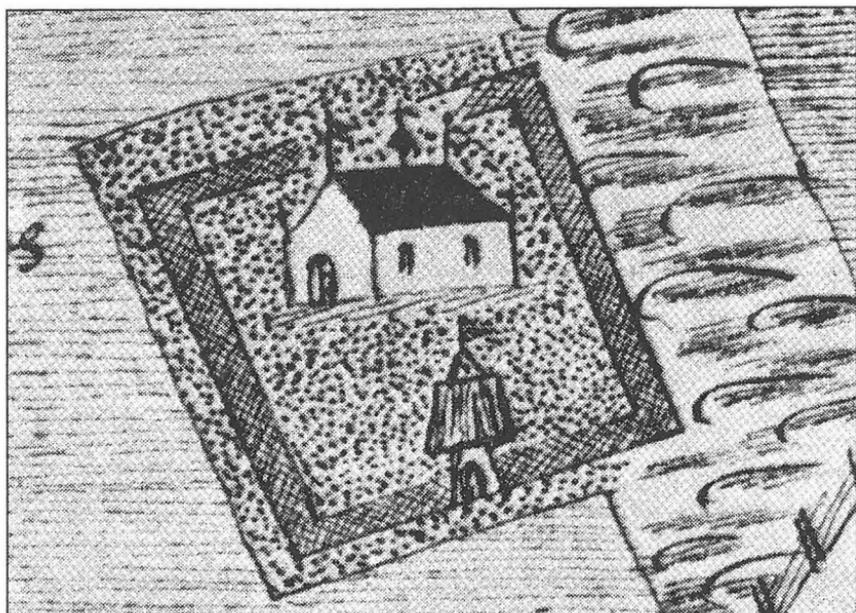
В XVI веке римско-католическая церковь переживает период Реформации. Реформаторское движение началось 31 октября 1517 года, когда преподаватель теологии из Виттенберга (Германия) Мартин Лютер (1483–1546) выступил против церковных догм, опубликовав 95 тезисов, осуждающих торговлю индульгенциями (папскими грамотами об отпущении грехов) и претензии папства и католического духовенства на господствующее положение в обществе. Реформация создала целый ряд протестантских церквей, отделившихся от римского католицизма, основными из которых стали лютеранство (получило распространение в Германии и Скандинавии), а также кальвинизм (Швейцария и Ни-

дерланды), пресвитерианство (Шотландия) и англиканизм (Англия). Главное отличие лютеранства заключается в признании Священного писания (Евангелия) в качестве единственной основы вероучения. В отличие от римско-католической веры лютеранство отрицает верховную власть Папы Римского в церкви и сложную церковную иерархию. Оно отвергает римско-католическое учение о том, что духовенство является носителем «божественной благодати» и единственным истолкователем Священного писания. В лютеранских, как и во всех протестантских церквях, разрешено чтение и истолкование Библии всеми верующими.

Система лютеранского (как и вообще протестантского) мировоззрения исходит из того, что человек по своей натуре испорчен первородным грехом и не в состоянии спасти себя. Спасение – в Божьем даре. В соответствии с этой идеей запрещается почитание набожности (благочестия), а посему не признаются принципы монашеской жизни, отрицается роль святых и отсутствует поклонение им. Божью милость верующий должен принимать простодушно, как ребенок, вера не является почитанием церковного учения и принятием его за истину, а означает доверие к Богу и надежду на Его покровительство. Из семи таинств, признаваемых другими христианскими религиями, лютеранство признает только два: крещение и причастие. В Финляндии лютеранскую церковь еще называют евангелическо-лютеранской.

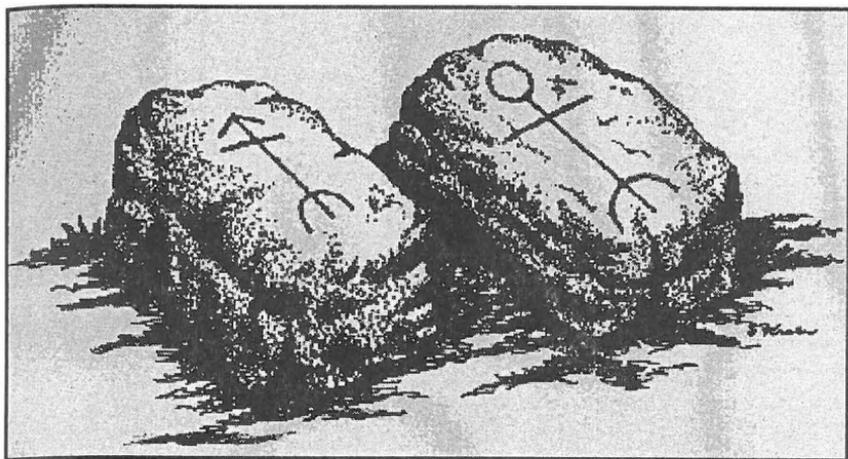
Во времена католицизма церковный храм освящали в честь святого угодника или же какого-либо святого предания: таким образом, церковный приход как бы приобретал покровительство царства небесного. Церковь уезда Эюряпяя была освящена в честь Святого Креста («Пюхяристи»), и церковный приход получил название «приход Пюхяристи». Почитание Святого Креста в средние века было распространено довольно сильно, поэтому такое же освящение на территории Финляндии получили в свое время также церковные храмы в Раума, Тайвассало, Хаттула, Нярпиё и Юва.

Поклонение Святому Кресту восходит к временам язычества. Поскольку католическая церковь не в состоянии была за короткое время отучить язычников от поклонения своим божествам и от суеверий, она стремилась придавать жертвенным и священным местам язычников христианское значение через соответствующую символику. Для этого на местах поклонения прежним богам ставились молитвенные дома, освященные в честь церковных святых, или же святые образа, чтобы народ им поклонялся. Иногда просто устанавливался крест. Люди, еще не очень хорошо разбиравшиеся в христианстве, под сенью святого креста про-

Илл. 51. Так выглядела церковь Муолаа в начале XVII века. Репродукция со старинного землемерного чертежа.

должали осуществлять обряды жертвоприношений, унаследованные от своих предков. Еще во второй половине XVII века на угодьях некоторых жителей уезда Эуряпяя имелись такие места для языческих жертвоприношений. Место это называлось «основание креста» («ристинканта»), и там возводилось строение для жертвоприношений. Изначально «основанием креста» называли столб, на котором был изображен крест. В Муолаа и в XX веке можно было видеть у здания лютеранского храма два невысоких камня глиной примерно метр и шириной около полуметра (согласно гругим данным, длина каждого камня составляла примерно 70 см, а ширина – 30 см), на которых были высечены крестообразные символы. Их называли «камни Святого Креста» («Пюхяристин кивет»), и, согласно преданию, у этих камней в древности проводились обряды крещения местных жителей в христианскую веру, и происходило это действо на речке Муолааньйоки (ныне это небольшая речка без названия, соединяющая озера Глубокое и Охотничье). Предание это гласит, что маршал Торгильс Кнутссон во время третьего крестового похода (1293 г.) повелел вытесать эти камни, и они перевозились с одного места на другое как священные атрибуты обряда крещения язычников в христианство.

Илл. 52. Священные камни Святого Креста.

В конце концов камни эти были привезены на хранение в Выборг. Во время одной из войн, когда русские отряды осадили крепость, ее гарнизон упорно и успешно оборонялся, и тогда суеверные русские решили, что ему помогает какая-то чудодейственная сила. В одну из темных ночей, когда на несколько дней установилось затишье, несколько русских тайком пробрались в одно из передовых укреплений крепости, где они увидели камни Святого Креста. Соблюдая тишину, они перетащили камни на свою сторону. Когда на следующий день русским удалось все-таки овладеть этим укреплением и пленить его изможденных защитников, они решили, что достигли победы с помощью святых камней и что эти камни воистину приносят счастье и удачу.

Однако вскоре шведам на помощь подошло подкрепление, и русским пришлось отойти. Отступая, они увезли камни с собой, но поскольку шведы все время шли по пятам, камни пришлось оставить по дороге, и они были утоплены в речке Муолааньйоки. Там они и были найдены, и когда в Муолаа начали строить первую церковь, камни были заложены в ее фундамент.

Точное место, где был построен этот храм, нам не известно, однако, согласно преданию, оно находилось на перешейке между озерами Муолааньярви [ныне оз. Глубокое] и Юрьяпянярви [ныне оз. Раковое]. Затем, когда церковь решили построить в другом месте, на берегу озера Кирккоярви, в переводе это название означает «Церковное озеро» [нынешнее название – озеро Правдинское], туда же перенесли и святые камни. Один из этих камней исчез в 1918 году, когда на Карельском перешей-

ке, как и во всей Финляндии, шла гражданская война, а второй сохранился и лежал у входа в храм, пока он существовал. Отличия символических знаков на камнях предположительно объясняются тем, что, по всей видимости, у одного из камней крестили мужчин, а у другого – женщин.

О более ранних периодах существования церковного прихода Пюхярис-ти сведений почти не сохранилось. Согласно одной из версий, самый древний храм и усадьба священника находились на одном из мысов на берегу озера Эюрпянярви,

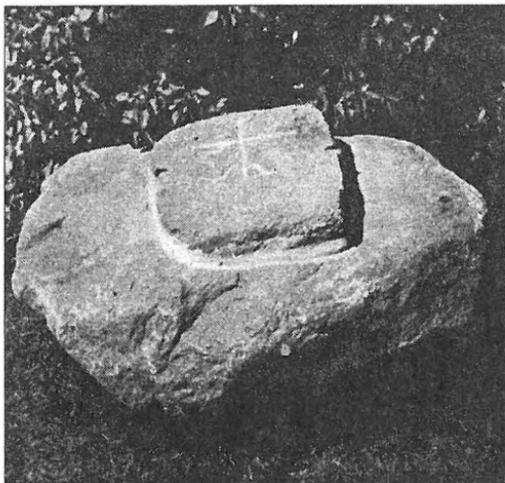
который, по всей видимости, по этой причине и был назван Папинниemi – «мыс Священнослужителя». По другой версии (которая уже приводилась выше), церковь находилась между озерами Муолааньярви и Эюрпянярви, недалеко от берега оз. Муолааньярви, там, где была деревня Муолаанкюля [ныне в этом месте расположен поселок Искра].

Вторая церковь, построенная, как уже говорилось, на берегу озера Кирккоярви, существовала, по всей видимости, уже в XVI веке, поскольку в документах за этот период уже упоминается это название озера. Церковь эта сгорела во время военных действий в 1590 г.

Третье здание церкви было построено в 1745 г. на том же холме и примерно на том же месте, оно просуществовало чуть более 100 лет.

Четвертую (последнюю) церковь, из кирпича, строили с 1849 по 1852 г. Архитектурный проект был составлен архитектором Э. Лорманом. Строительные работы велись с участием в них практически всех прихожан-мужчин под руководством специалиста по строительству по фамилии Сандель. Здание храма было рассчитано на 2 200 мест (в лютеранских церквях принято молиться сидя, поэтому внутри ставятся длинные скамьи для сидения). В 1934 году был проведен капитальный ремонт.

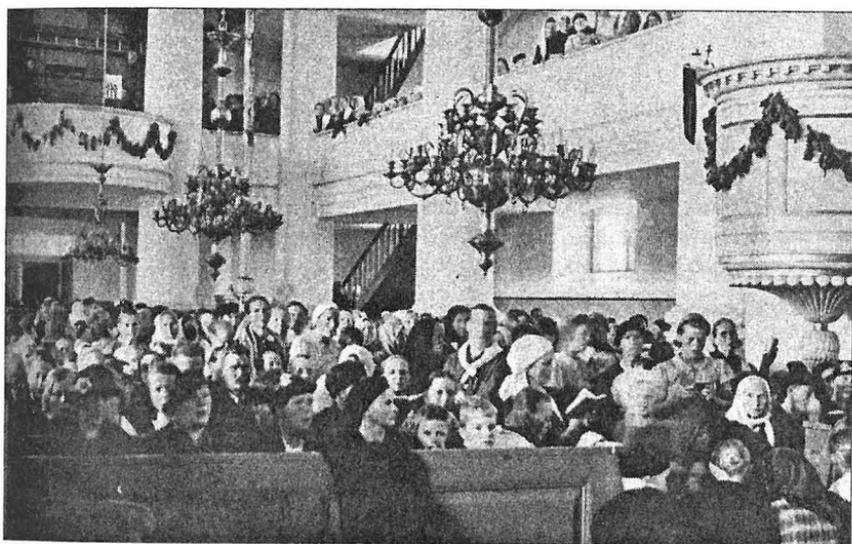
Однако отреставрированному храму суждено было простоять всего-навсего пять лет. 30 ноября 1939 года сталинское руководство СССР,

Илл. 53. Один из сохранившихся камней Святого Креста у лютеранского храма Муолаа. Фото 1930-х годов.

Илл. 54. Прихожане Муолаа у своей церкви. Фотография сделана, по всей видимости, в 30-е годы XX века.

Илл. 55. «Отче наш, иже еси на небеси!..»

Илл. 56. Пробст Тойво Рапели, последний настоятель евангелическо-лютеранского прихода Муолаа.

заручившись поддержкой гитлеровской Германии и действуя на основании секретного протокола о разделе сфер влияния в Европе, подписанного В.М. Молотовым и Йоахимом фон Риббентропом, двинуло свои полчища на завоевание Финляндии, дабы огнем и мечом реализовать бредовую идею «мировой революции» на Северо-Западе. Вот как описывает последний настоятель евангелическо-лютеранского прихода Муолаа Тойво Рапели свои впечатления от увиденного в те трагические дни:

«Никто из жителей не верил, что может начаться война. Конечно, внеочередные военные сборы и маневры, которые начали прово-

диться с октября месяца, появление в деревнях большого количества войск, рытье траншей через поля, вырубание в лесах больших участков для заготовки материала на строительство блиндажей – все это вызывало определенную тревогу, но люди все же надеялись, что на этом все и закончится. Но когда утром 30 ноября со стороны границы послышался гул орудий, все поняли, что эти надежды напрасны. Около 9 часов утра появились два русских военных самолета, летевших на небольшой высоте. Они открыли огонь из пулеметов по усадьбе священника и по местности, прилегающей к церкви. На здании усадьбы и на стенах церкви появились следы от пуль, в церкви вдребезги разлетелось одно из окон. Вечером я, однако, все же провел молебен в доме Йоханнеса Виротайнена, что в деревне Весиккала. Народу собралось много. Люди были подавлены и потрясены тем, что произошло. В той стороне, где была граница, виделось багровое зарево, небо прочерчивали трассы снарядов.

В пятницу, 1 декабря, по дороге, ведущей мимо церкви, пошли длинные вереницы беженцев – женщин, детей, стариков. В повозках и на санях везли домашний скarb, рядом гнали коров. Люди шли молча. Именно им как жителям приграничья выпало первыми испытать все те страдания, которые несла народу война, идущая с восто-

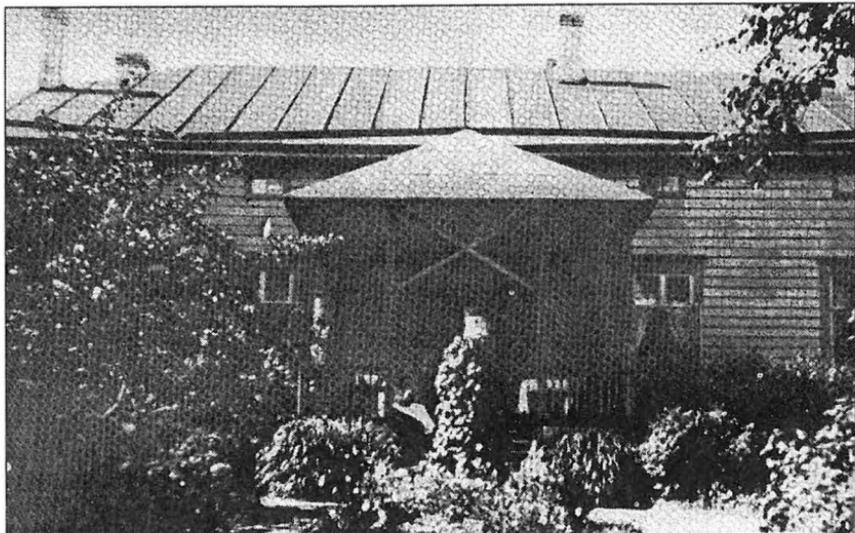

Илл. 57. Вид с церковного холма на озеро Кирккоярви.

ка. Беженцы направлялись к железнодорожным станциям Ристсеппя и Хейнйоки, а также к парому на проливе Вуосалми.

Церковный приходский архив был еще в октябре отправлен в г. Вааса, впоследствии он был перевезен в Лоймаа, где разместилась канцелярия нашего прихода.* Работы было невпроворот, и я чувствовал, как нуждаются люди в нашей помощи. Народу приходило много, с каждым надо было поговорить о прошлом, о его нынешней судьбе, а также о перспективах на будущее. В канцелярию приходило много письменных запросов, иногда до сотни в день, на которые надо было как можно быстрее давать ответы. Вопросы, по которым люди обращались к нам, были самые разные. Например, родственники, растерявшие друг друга, спрашивали адреса. Улаживались вопросы, связанные с материальным

* Согласно Закону о церкви, в каждом приходе ведутся «Главная церковная книга» (в нее записываются демографические и миграционные данные на всех без исключения прихожан: она содержит записи, касающиеся знания канонов веры, их соблюдения, поведения, наличия препятствий для вступления в брак, времени прибытия и убытия из прихода) и книги регистрации крещенных, конфирмантов, причащенных, обрученных, венчанных, умерших, осужденных, убывших из прихода, порвавших с церковью и принявших религию; «Закон о церкви» обязывает приходских священников давать прихожанам выписки из церковных книг на заявителя, его жену, детей и лиц, находящихся под его опекой, а в отдельных случаях и на посторонних лиц, такие же выписки священник обязан выдавать и по требованию официальных органов. (Д.О.).

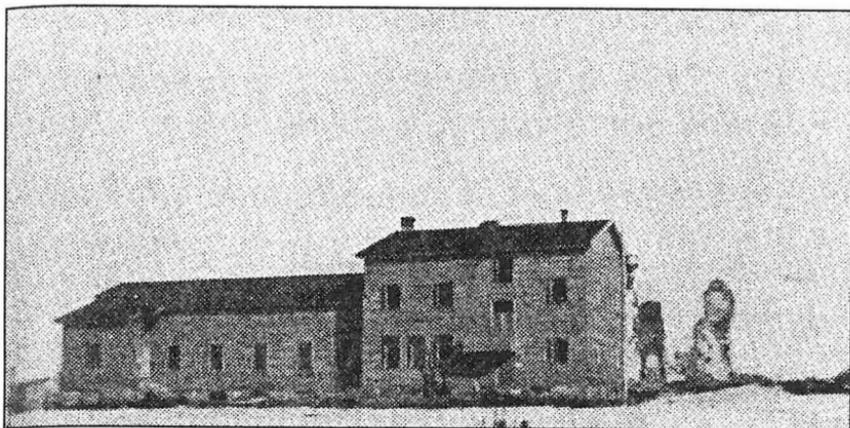
Илл. 58. Кирккоранта. Усадьба настоятеля прихода Муолаа.

обеспечением, уплатой налогов и пошлин, выделением компенсаций за утраченную недвижимость и прочее имущество, оставленное на Карельском перешейке.

Мне навсегда запомнилось то первое в период эвакуации богослужение, которое я проводил для наших прихожан в церкви городка Лоймаа 10 декабря 1940 года. Огромное внутреннее помещение храма битком набилось людьми – такого количества пришедших в церковь в Лоймаа еще не видели! Люди стояли даже в коридоре и в проходах, большинство из них переселенцы. Я испытывал сильные душевные переживания, когда поднимался на церковную кафедру, чтобы произнести проповедь, и даже какое-то время от волнения не мог начать говорить. Многие из собравшихся плакали. Было такое ощущение, что у меня с прихожанами – одно сердце и одна душа».

Потеряв десятую часть своих территорий и разочаровавшись в помощи западных держав, Финляндия переориентировалась на сотрудничество с гитлеровской Германией, с которой и Советский Союз то время был в весьма дружеских отношениях.

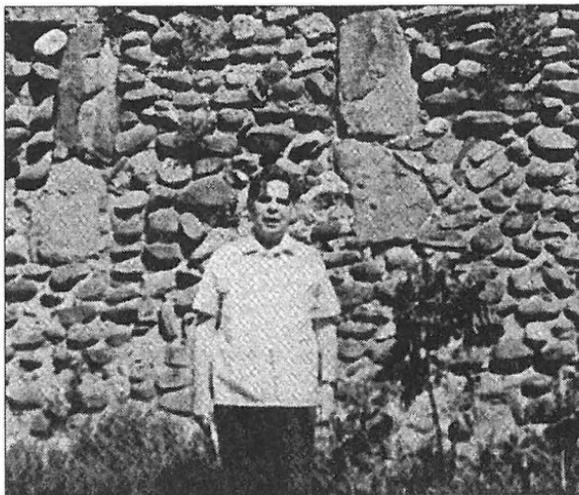
22 июня 1941 г. Адольфом Гитлером была произнесена по радио провокационная речь, в которой он назвал финнов союзниками в начатой им войне против Советского Союза. Реакция со стороны СССР последовала незамедлительно: советские артиллерия и авиация предприняли обстрелы и бомбардировку финских кораблей. 25 июня советские самолеты осуще-

Илл. 59. Новый приходский дом. Справа видна часть стены полностью разрушенного лютеранского храма Муолаа.

ствили бомбардировку объектов на территории Финляндии, вызвавшую, в частности, сильные разрушения и пожары в жилом фонде в г. Турку. И в этот же день советские батареи на полуострове Ханко с утра до вечера били по прилегающей к советской военно-морской базе финской части побережья страны. В ответ на это 26 июня Финляндия объявила состояние войны с СССР и двинула свои войска через линию новой границы, освободив к сентябрю всю принадлежавшую Финляндии до 1939 г. часть Карельского перешейка. Через некоторое время после наступления относительного затишья и стабилизации линии фронта эвакуированные стали получать разрешения на возвращение в родные места. Хозяева начали заново отстраиваться и обустраиваться на своих пепелищах, причем кое-кому повезло: некоторые старые дома сохранились, и в них надо было только произвести некоторый ремонт и дезинфекцию.

Возвратились и церковные служители прихода во главе с настоятелем, для канцелярии и временной церкви было выделено помещение в бывшей помещичьей усадьбе в Куусаа (о которой речь уже шла выше). Но поскольку восстановить лютеранский храм в Муолаа в былом великолепии не представлялось возможным, поскольку в 1939–40 гг. там проходила линия фронта и от церкви практически ничего не осталось (в официальной истории войны 1939–40 гг., изданной в СССР в пропагандистских целях в 1941 г. в виде двухтомника под названием «Бои в Финляндии. Воспоминания участников» это место называется «Кирка-Муола»), было решено построить сначала новое деревянное здание т.н. приходского дома. Материальная помощь для строи-

Илл. 60. Тойво Рапели во время поездки по СССР. Грузия, Мцхета, 1975 г.

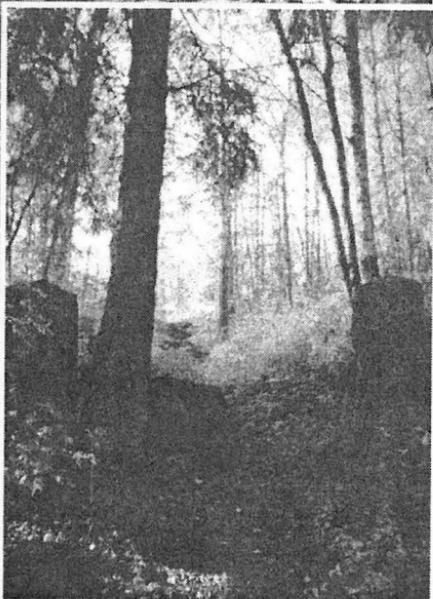
тельства была выделена ассоциацией «Церкви для Карелии» (*Kirkkoja Karjalaan*). Строительные чертежи были выполнены архитектором Ялмари Ланкиненем, работы осуществлялись строительной конторой инженера Вэли Хухтала. Приходский дом был сдан в эксплуатацию весной 1944 г. Это было современное по тем временам здание – с централь-

ным отоплением, водопроводом и электрической плитой. Официальное освящение приходского дома должно было состояться 18 июня 1944 г., однако начавшееся 9 июня на Карельском перешейке массированное наступление советских войск нарушило планы дальнейшего обустройства и перехода к нормальной мирной жизни, и люди вновь вынуждены были покинуть уже обжитые родные места и уходить вглубь страны.

Священнослужитель, бывший настоятель церковного прихода Муолаа Тойво Рапели в послевоенные годы много путешествовал по разным странам, а весной 1975 г. он впервые побывал в СССР – в качестве руководителя группы финских туристов. Турпоездка продолжалась более двух недель, группа побывала в нескольких городах восточной части СССР – Москве, Суздале, Владимире, Киеве, Одессе, Ялте, Сочи, Тбилиси и Ереване. Через 2 года после этой поездки (в 1977 г.) в финском издательстве «Кирияпяя» вышла его книга «От Красной площади до Загорского монастыря», в которой он делится с читателями впечатлениями от этой поездки, уделяя особое внимание положению церкви в СССР.

Илл. 61-63. От кладбища прихода Муолаа остались лишь врата, лестница, ведущая к уничтоженному храму, да несколько разбитых надгробий. Снимки В.Б. Мясоедова. 2001 г.

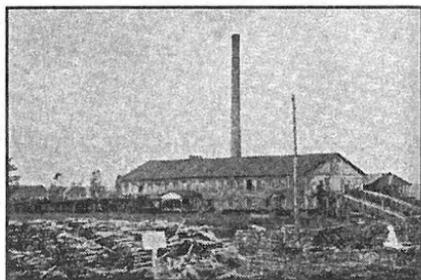

ОБРАЗОВАНИЕ ВОЛОСТИ И ЦЕРКОВНОГО ПРИХОДА ЭЮРЯПЯ

История этой волости была по времени очень непродолжительной. Формальное выделение ее из состава волости Муолаа произошло 15 июня 1925 года, когда правительство уже независимой Финляндии приняло соответствующее постановление. Постановление же об образовании самостоятельного церковного прихода было принято месяцем позже – 16 июля 1925 г., и, согласно этому решению Государственного совета, церковный приход Эюряпя стал самостоятельным с 1 января 1926 года.

Причины для этого были вполне объективные. Начиная с середины XIX века в Российской империи (в том числе и на ее окраинах, одной из каковых являлась Финляндия), интенсивными темпами развивается капитализм, идет бурный экономический рост. Строятся новые промышленные предприятия, которым требуются рабочие руки, а посему увеличивается численность населения в прилегающих к этим предприятиям населенных пунктах.

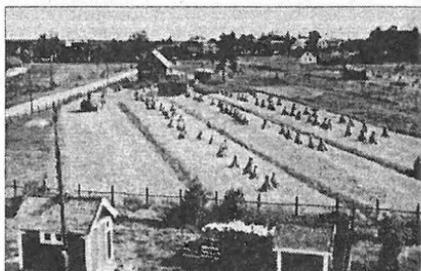
На территории Муолаа строятся два лесопильных завода. Первый, построенный компанией «Сергеев и Боренцус» на берегу Вуоксы в Пёлляккяля [ныне пос. Барышево], появился в 1891 г. Через два года, в 1893 г., эту лесопильню купило акционерное общество

Илл. 64. Старая лесопильня в Пёлляккяля.

Илл. 65. 1930-е годы. Лесопильное предприятие «А. Альстрем», отстроенное после пожара 1920 года.

Илл. 66. Вид на поселок Пёлляккяля, открывавшийся с крыши здания одноименной железнодорожной станции. Снимок 1939 г.

«Хакман». А в 1895 г. крупный коммерсант из области Сатакунта Антти Альстрем строит в южной части Пёлляккяля еще одно лесопильное предприятие (на три пилорамы). После пожара в 1920 г. оно было не только заново отстроено, но и расширено – теперь на нем работало уже 6 пилорам и было занято 600–700 человек (на предприятии «Хакман» работало около 300 человек). В 1926 г. лесопильный завод «Хакман» («старая лесопильня») перешел в собственность а/о «А. Альстрем».

Уже к началу 20-х годов в волости Муолаа было около 16 000 жителей (площадь волости составляла 840 км²), в промышленном поселке Пёлляккяля жителей насчитывалось 1 782 человека, в Каукила [ныне это пос. Кузьминское] – 323, в Мялккёля [ныне пос. Зверевы] – 885, в Пааккола [ныне это район Шлюза Гремучий] – 553, в Рахкола [ныне это местность западнее поселка Кузьминское] – 70 человек. Все эти населенные пункты вошли в состав нового административно-церковного территориального образования – Эюряпяя. Площадь новой волости составила 186 км², а численность жителей к концу 30-х годов доходила до 6500 человек.

Церковь Эюряпяя

Еще до официального образования самостоятельной волости Эюряпяя среди жителей Муолаа бытовали понятия «большая губерния» и «малая губерния». Откуда это пошло, причем передаваясь от одного поколения к другому, так или иначе остается загадкой, но тем не менее с определенной степенью вероятности можно предположить, что это разделение относится к тем далеким временам, когда территория церковного прихода Муолаа (Пюхяристи, т.е. Святого Креста), будучи довольно огромной, называлась жителями «губерния» («ляянси» – шв. *lan*, быв. *lä ni*). Во всяком случае еще и в начале XX века под «малой губернией» подразумевались те деревни в северной части прихода Муолаа, которые впоследствии были приписаны к вновь образованному церковному приходу Эюряпяя.

Впервые вопрос о создании новой волости и нового прихода был поднят еще в 1918 году, когда Б. Пииспанен, тогдашний настоятель церковного прихода Муолаа, выступая с выездной проповедью перед жителями деревни Пааккола, попросил их высказать свои мнения по поводу данной идеи. Но тогда, как оказалось, говорить об этом было еще рано: люди опасались того, что расходы, которые потребуются на содержание новых муниципальных органов власти, а также на содержание церковных служителей нового прихода, лягут на их плечи дополнительным налоговым бременем.

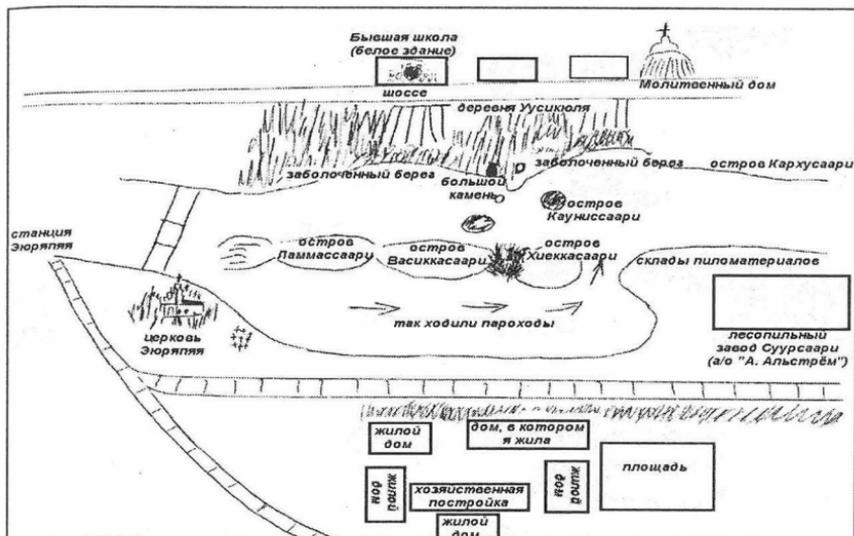
Однако со временем, когда после окончания мировой войны стал отмечаться постепенный рост капиталовложений и увеличились объемы производства на предприятиях лесопильной и деревообрабатывающей промышленности и уровень жизни стал постепенно повышаться, лесопильные заводы Пёлляккяля стали оплачивать значительную часть муниципальных налогов волости Муолаа. Владельцы предприятий решили, что будет выгоднее, если образуется новая волость, поскольку тогда единица налогообложения будет исчисляться в уменьшенном варианте. Таким образом, 26 сентября 1920 г. в здании народной школы деревни Мьялкёля [ныне пос. Зверевево] состоялось собрание местных жителей. На этот раз собравшиеся единодушно поддержали идею создания новой волости и нового церковного прихода.

Для выработки конкретных практических решений на подготовительной стадии образования волости был избран комитет, председателем которого стал управляющий лесопильным заводом Й. Лутен, членами комитета стали управляющий Оскар Хуовилайнен, председатель муниципальной комиссии Матти Каукинен, учитель Аате Коукку и фермер Матти Мякеля.

Итак, старый, исторически сложившийся топоним Эюряпяя, восходящий своими корнями к временам язычества и почитания бога земледелия Эгряся и вроде бы уже канувший в лету в связи с разделением этого древнего уезда на несколько волостей, вновь появился на карте Карельского перешейка как название нового района: поскольку в Финляндии принято бережно относиться к истории и древним традициям, пожелания представителей подготовительного комитета относительно названия новой волости были учтены членами Государственного совета при вынесении летом 1925 года решений о создании нового административного района и нового церковного прихода.

Церковно-приходская деятельность (богослужения и отправление религиозных обрядов) осуществлялась поначалу во временных арендованных помещениях. Затем для богослужений прихожанам предоставлялся молельный дом, принадлежавший Ассоциации евангелистов и расположенный в Пёлляккяля на участке, принадлежавшем коммерсанту Каарле Ронту, и поэтому среди прихожан в обиходе это здание называли «церковь Ронту». Усадьба священника располагалась временно в доме из 5 комнат и кухни, который принадлежал акционерному обществу «А. Альстрем».

Место для строительства новой церкви было выбрано у самого берега Вуоксы – на мысу Ламмасниemi (в переводе с финского это название означает «Овечий мыс»). Строительные работы начались весной 1933 года. Проектные чертежи и расчеты составил архитектор Ойва Каллио. Посаго-

Илл. 67. Схема поселка Пёлляккяля по состоянию на 1939 год. Нарисована по воспоминаниям Лайлы Ювонен.

ные места в зале были рассчитаны на 876 человек. В качестве строительного материала для укладки стен использовали обожженный кирпич, доставлявшийся из Перкьярви*.

Церковь была выстроена за год, и 1-го апреля 1934 года состоялось ее торжественное освящение, которое проводил архиепископ финской Евангелическо-лютеранской церкви Эркки Кайла в сопровождении большого количества священнослужителей.

Кладбище и часовня для отпевания были освящены пробстом Выборгской губернии Й.А. Мауну 30 ноября 1927 г. Усадьба священника была построена в 1928 году там же, у мыса Ламмасниему.

Икона на алтаре – «Преображение Христа» – была написана художницей Лайлой Ярвинен. На колокольне было установлено 2 колокола, отлитые

* В поселке Перкьярви [ныне Кирпичное, в нескольких километрах от станции Кирилловское] в свое время находилось поместье, принадлежавшее русскому князю Салтыкову, который держал также лесопильню, а затем организовал еще и кирпичное производство. На остатках развалин некогда огромного здания поместья до сих пор иногда попадаются кирпичи с клеймом «Салтыковъ». Впоследствии название было переименовано на финский манер и стало «Савикко» (Savikko) (от слова *savi*, что в переводе означает «глина»). В книге «Муолаа и Эюряпяя» утверждается, что церковь прихода Эюряпяя была построена из кирпичей, добытых при разборке здания бывшей усадьбы князя Салтыкова.

*Илл. 68. Кирпичи с таким
клеюм использовались
при строительстве церкви
Эюряпяя.*

в Тампере на литейном заводе акционерного общества «Локомо» из хромистой стали; большой весил 500, а малый – 150 килограммов.

Через пять с половиной лет после освящения божьего храма разразилась советско-финляндская Зимняя война. К концу февраля 1940 года, когда советские войска, неся колоссальные потери, прорвали главную полосу обороны финских войск на Карельском перешейке, они вышли и к протоке Вуосалми. Церковь Эюряпяя оказалась в самом пекле ожесточенных боев, поскольку части Красной Армии стремились форсировать протоку, чтобы затем выйти глубоко в тыл финских войск, оборонявших Выборг, а также к озеру Саймаа. Сражение здесь началось утром 29 февраля и продолжалось вплоть до заключения мира. В результате этих боев все здания, относящиеся к церкви, были уничтожены до основания, кладбище было изрыто окопами и перепахано воронками.

В 1941 г., когда после освобождения этих мест от советского присутствия жители стали возвращаться в родные места и заново отстраиваться, была построена также и новая усадьба для священника и начато строительство приходского дома, однако в июне – июле 1944 года к Вуоксе снова подкатился огненный вал войны, и люди снова были вынуждены покинуть свою родину.

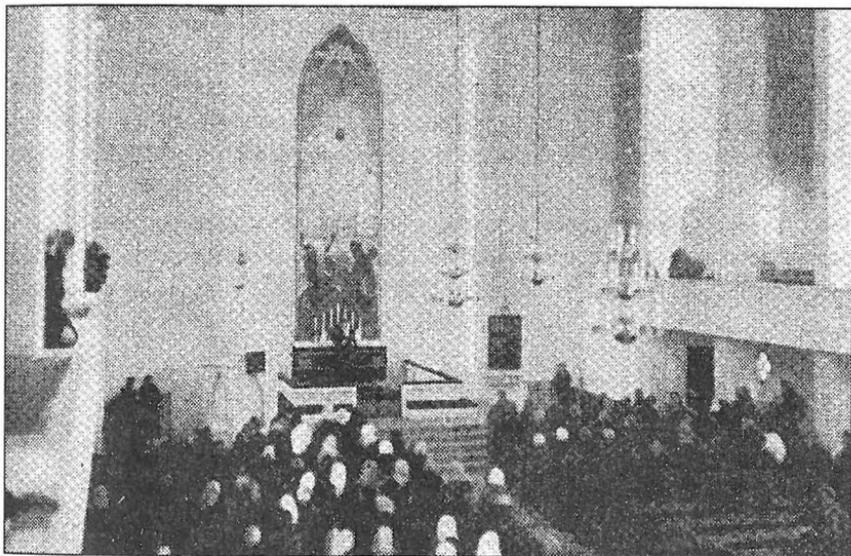
Со времени трагических событий, произошедших на Карельском перешейке в 1939–1944 годах, минуло уже более полувека. За это время все, что там было, изменилось до неузнаваемости, если сравнивать с довоенным периодом. Новые пришельцы принесли с собой новые методы хозяйствования, свои правила, свои привычки. Конечно, то, что осталось от прежних жителей (дороги, водные ресурсы, природные богатства), в определенной мере использовалось, но зачастую бестолково и по-варварски. Имущество, брошенное уходящими финскими жителями, растаскивалось (особенно пострадали отдаленные небольшие деревни, где новые поселенцы так и не прижились, съехав впоследствии в более людные ме-

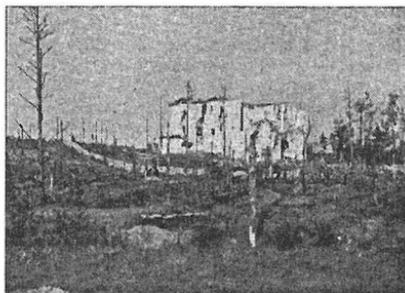
Илл. 69. Церковь прихода.

Илл. 70. Пробст Яакко Марккола, настоятель церковного прихода Эюряпяя в 1927–1947 гг.

Илл. 71. Богослужение в церкви Эюряпяя.

Илл. 72. Руины божьего храма Юрья. Снимок 1942 года.

Илл. 73. Это все, что осталось от храма прихода Юрья. Фото Д. Шитова. 1990 год.

ста, так что и поныне там, где некогда стояли среди лесной благодати, в тиши и уединении, крестьянские хозяйства, можно видеть лишь поросшие кустарниками бетонные или гранитно-блочные фундаменты-цоколы, а также полуобвалившиеся каменные стены некогда добротных помещений для домашнего скота).

Если сравнивать то, что было, и то, что стало, путем простого сопоставления названий на старых финских и на послевоенных советских картах, то это будет не совсем правильно: утверждать, что Кирилловское – это бывшее Перкъярви (станционный поселок), Красноозерное – бывшее Пуннус и т.д., можно чисто условно, ибо новые названия всего лишь отражают бывшее местонахождение (причем во многих случаях довольно приблизительно) существовавших на том или ином участке местности деревень, ныне канувших в небытие. Конечно, до сих пор кое-где сохранились старые жилые и хозяйственные постройки, однако появилось – особенно в течение последнего десятилетия – значительное количество новых строений, расположение которых не соответствует довоенным планам населенных пунктов (в качестве примера может служить, в частности, жилая застройка у станции Кирилловское, упомянутой выше).

Илл. 74. Флюгер с крыши храма, найденный неподалеку от остатков развалин. Снимок 1991 года.

Душа сирени скорбная витает —
По недосмотру бывших здесь гостей.
Кто предпочел строению — фундамент,
Румяной плоти — хрупкий хруст костей!

Зачем мой ход в чужой цветник вломился!
Ужель, чтоб на кладбище пировать
И языка чужого здравомыслие
Возлюбленную речь попить?

*из стихотворения Бэллы Ахмадулиной
«Сирень»*

ЭТО БЫЛО КОГДА-ТО...

В данной главе мы попытаемся – на основании имеющихся в нашем распоряжении финских источников – дать читателю некоторое представление о населенных пунктах волостей Муолаа и Эюряпяя довоенного времени, учитывая то, что русскому читателю более интересен именно этот период, поскольку послевоенное, а также современное культурно-экономическое состояние Карельского перешейка более-менее хорошо знакомо его нынешним жителям, а также тем, кто туда периодически ездит в туристические походы или по каким-либо другим делам.

Общественные организации

Поскольку рассматриваемый материал относится к финскому периоду истории Карельского перешейка, то, естественно, необходимо упомянуть и реалии общественной жизни, характерные для Финляндии тех лет. В частности, во многих деревнях как в волости Муолаа, так и в выделенной из ее состава в середине 20-х годов XX века волости Эюряпяя жители создавали молодежные клубы, спортивные общества. Существовало также «Восточное общество земледельцев Пюхяристу» (*Pyhäristin Itäinen Maamiessseura* – такие общества создавались в целях наиболее эффективной организации сельского хозяйства и распространения передовых методов его ведения). Большой популярностью пользовалось общество домохозяек «Мартта», филиалы которого действовали в большинстве населенных пунктов страны; это движение возникло в целях распространения знаний по шитью, вязанию, приготовлению пищи и т.д. Местные кружки этого общества имелись, в частности, в деревнях Каукила, Мьялкёля, Пааккола, Эюряпяя (поселок у церкви Эюряпяя), Вуосалми, Йокисуу, Мойниеми, Илола, Пейкола, Коирала, Куусаа, Илвес, Иля-Куусаа, Перкьярви, Кархула, Ханттула, Сормула, Сойттола (Вуотьярви), Нурми, Пяллиля и Пуннус.

С 1917 года начинает создаваться добровольная военно-патриотическая организация «Охранный корпус» – «Суойелускунта» (в советской и российской историографии принят почему-то шведский вариант названия – «Шюцкор», от шв. *skyddskår*). Распространение военных знаний среди членов, содействие органам власти в поддержании общественного порядка в приграничной полосе, охрана важных объектов (напр., шоссежных и железнодорожных мостов) – вот далеко не полный перечень задач, выполнявшихся в предвоенные годы этой добровольной военизированной

организацией. В волостях, являющихся объектами нашего повествования, местные центры этой организации (в том числе штабы) располагались в Кююрёля и в Пёлляккяля (кроме того, особым статусом пользовалось отделение в Перкьярви, с 1920 года ставшее фактически самостоятельным, т.е. со своим штабом). Как известно, существовала еще и женская организация содействия делу обороны страны – «Лотта Сварг» (названная по имени героини поэмы Йохана Рунеберга «Рассказы фенрика Стооля»). Ее члены, женщины и девушки, оказывали большую помощь как «Охранному корпусу», так и регулярной армии во время проведения учений: готовили пищу, стирали белье, работали обслуживающим персоналом в полевых госпиталях и т.д.; все эти навыки, полученные ими в мирное время, очень пригодились, когда 30 ноября 1939 года для Финляндии настало время суровых испытаний. Местные отделения «Лотта Сварг» на территории Муолаа и Эюряпяя имелись в деревнях Хотокка, Куусаа, Сойттола (Вуотьярви), Химала, Мойниеме, Тервола, Пуннус, Илола, Муолаанкюля, Перкьярви, Пёлляккяля, Вуосалми, Мьялкёля, Каукила и Пааккола.

Транспортные пути

Еще в древние времена через Выборг шел на юго-восток тракт, который местные жители называли «Старая русская дорога» или «Большая русская дорога». Этот путь по суше считался очень важным, поскольку по нему везли товары из Швеции в новгородские земли и наоборот. На старой схеме, нарисованной Якобом Тейтти* в 1556 году, этот тракт уже имеется, причем обозначены также построенные на нем военные укрепления (редуты) в Муолаа и Кивеннапа (Mohl skantz, Kivanebben), дорога, проходящая через них, отмечена линиями и обозначающими мили числами. Существенную роль в увеличении значимости этого наземного пути сообщения сыграло строительство шведской крепости Ниеншанц (начато в 1611 г.) у слияния речки Охты и реки Невы по повелению короля Карла XI.

Движение по этой дороге стало еще более оживленным после основания в 1703 г. Санкт-Петербурга: крупный город, новая столица Российской империи, потреблял большое количество продовольствия и других сельскохозяйственных продуктов, которые поставлялись крестьянами, в частности, с Карельского перешейка, а также из внутренних

* Секретарь при шведском короле, затем в конце 40-х годов XVI века учился в университетах Ростока и Виттенберга, по возвращении на родину служил в королевской канцелярии.

Илл. 75. Придорожный бетонный межевой столб на северной стороне Вуоксы на административной границе волостей Эюряпяя и Вуоксела. На столбе надписи: «Äyräpään kunta» и «Vuokselan kunta». Фото Д. Шитова. 1995 год.

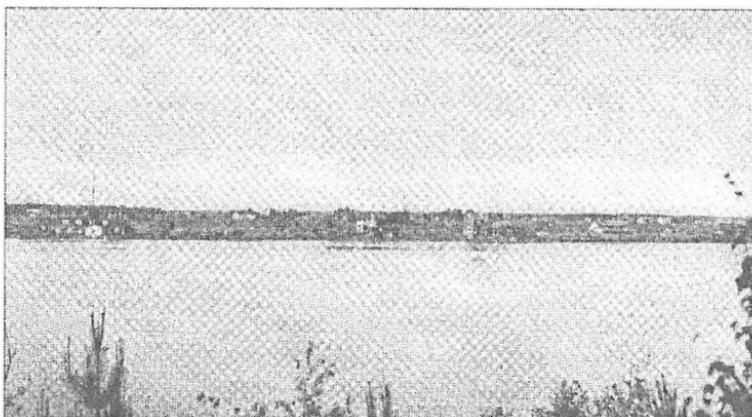

Илл. 76. Придорожный металлический межевой знак на северной стороне Вуоксы (протоки Вуосалми) на административной границе волостей Эюряпяя и Вуоксенранта. На табличках надписи: «Äyräpään pitäjä» и «Vuoksenrannan pitäjä». Фото Д. Шитова. 1995 год.

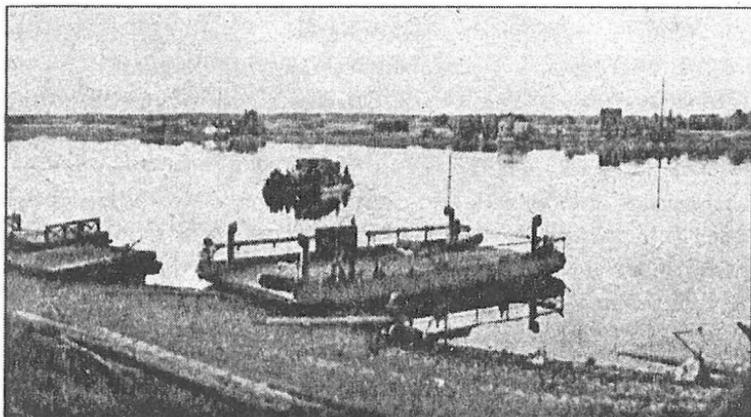
районов Финляндии. По Старой русской дороге между Выборгом и Санкт-Петербургом два раза в неделю ездили почтовые кареты, в Хотакка и Кююрёля имелись постоянные двory (при шведах постоянный двор был в Кангаспелто).

У деревни Сугеноя (Развоз) от этого тракта отходила дорога на Кексгольм (Кякисалми), постоянный двор был в деревне Куусаа. Из других значимых наземных путей сообщения следует назвать дорогу, которая шла через Вуосалми в Ряйсяля [ныне – пос. Мельниково] (постоялые двory были в деревнях Каукила и Пёлляккяля), а также дорогу, которая вела из Перкъярви в Валкъярви [ныне пос. Мичуринское].

Строительством дорог, а также их содержанием ведали сначала землевладельцы. По мере увеличения количества транспортных средств, когда к качеству дорог стали предъявляться более высокие требования и, соот-

Илл. 77. Деревня Вуосалми на северном берегу одноименного пролива. Довоенный снимок.

Илл. 78. Паромная переправа через пролив Вуосалми.

ветственно, возросли расходы на их содержание и ремонт, дороги стали постепенно переводить в ведение государства. Например, в 1900–1908 гг. содержание дорог и мостов обошлось волости Муолаа в 57 026 марок, а содержание постоянных дворов – в 57 797 марок.

После образования независимого финляндского государства и с увеличением количества автомобильного транспорта и открытием линий автобусного сообщения в приграничных районах, в том числе в Муолаа и Эюряпяя, строились новые дороги, наиболее важными из которых были следующие:

Илл. 79. Осколок кофейной чашки, найденный в 1980-х годах в районе ныне не существующей железнодорожной платформы Пуннус. Текст на клейме в переводе означает: «Автобусная станция. Ресторан».

1. Дорога Каукила – Сикниemi (проложена через дефиле между Северным и Южным озерами), протяженность – 3,2 км, строилась в 1926–29 годах.

2. Дорога Тали [ныне Пальцево] – Хейнйоки [ныне Вешеве] – Мьялкёля – т.н. Хейнйоокское шоссе общей протяженностью. 41,2 км, из которых на территорию волости Эуряпяя приходилось 9,6 км. Работы по строительству велись в 1925–1934 годах, расходы составили 13 368 000 марок.

3. Дорога, ведущая к Хейнйоокскому шоссе от станции Каукила [ныне проходит через пос. Кузьминское] от бывшего полотна, с которого в 50-х годах XX века были сняты рельсы, станции не существует. Протяженность – 2,3 км, построена в 1930–31 гг.

4. Дорога Лехтокюля [ныне не существует] – Пуннус [ныне Красноозерное] – железнодорожная платформа Корпиоя [ныне не существует]. Общая протяженность – 22,2 км, из них по территории Муолаа – 19,4 км. Работы были начаты в 1932 г.

5. Шоссе Мьялкёля – Пуннус. Протяженность – 7,5 км, строилось в 1933–36 годах, строительство обошлось в 1 691 000 марок.

Кроме того, в 30-х годах была построена также дорога, ведущая из Мьялкёля в густонаселенный поселок Пёлляккяля.

Очень важной для шоссейного транспортного сообщения была переправа через Вуоксу. Надо сказать, что еще до строительства Карельской железной дороги, построенной в основном в конце XIX века и соединившей Выборг с поселком Яккима на северо-западном побережье Лагожского озера, через протоку Вуосалми существовала гребная паромная переправа. Первое время ее содержали муниципальные власти волостей Муолаа, Кююрёля* и Хейнйоки, но затем обслуживание парома перешло в ведение государства. Большую роль эта переправа стала играть с открытием линий автобусного сообщения и особенно с конца 1928 года, когда было открыто железнодорожное сообщение между Выбор-

Илл. 80. Танцевальная эстрада, устроенная на озере Тервалампи. Молодежь из окрестных селений собиралась в таких местах для знакомства и совместного досуга. Ныне озеро называется Смоляное (по переводу с финского).

гом и Пёлляккяля. В связи с возрастанием грузо- и пассажиропотоков было решено гребной паром заменить моторным, который был изготовлен в январе 1930 г. В 1936 году вместо него был пущен в эксплуатацию моторный паром с еще большей грузоподъемностью.

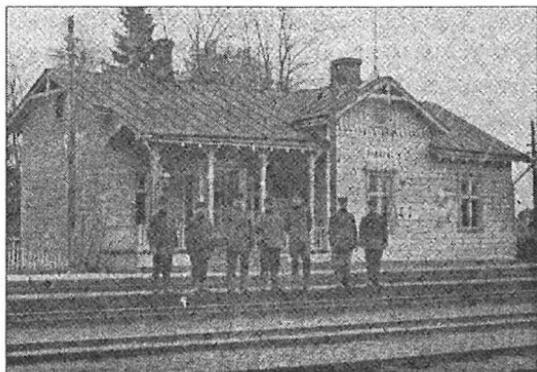
Пассажирские автобусные перевозки на территории волостей Муолаа и Эюряпяя в 20–30-х годах XX века осуществлялись частными автотранспортными предприятиями, среди которых наибольшей известностью пользовалось автопредприятие Матти Рупонена, предпринимателя из Вуоксенранта [ныне это район, прилегающий к поселку Озерское], и созданным в 1932 году акционерным обществом «Виипурин Линья-ауто» (в переводе это название означает «Выборгский автобус»).

Анализируя биографии бывших жителей волостей угивляешься что многие семейные пары образовывались из жителей разных деревень, удаленных друг от друга подчас на десятки километров. Как молодые люди знакомились, как встречались? Замкнутые по российской мифологии финнов часто устраивали общие праздники и ярмарки, где молодежь знакомилась. А дороги были таковы, что на еженедельные встречи парни ездили за 20–30 км на велосипедах и на лошадях.

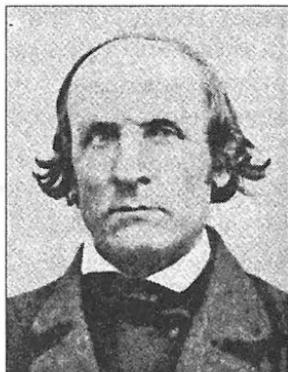
* С 1 января 1890 г. по 1 января 1934 г. русский район Кююрёля (с центром в Красном Селе (Кююрёля) был самостоятельной административной единицей.

Строительство железных дорог

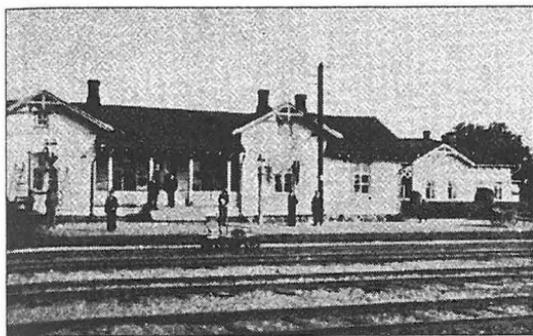
Во второй половине XIX века в западной части Карельского перешейка развернулись работы по прокладке железнодорожной линии: строился участок железной дороги от Рижимьяки до Санкт-Петербурга, чтобы соединить столицу Российской империи со столицей Великого княжества Финляндского железнодорожным сообщением. На территории волости Муолаа, по которой должна была пройти новая железная дорога, были построены станции Голицыно и Перкъярви (в дальнейшем, в связи с гачным строительством, появилась еще одна платформа – Сюкъярви (примерно в 2 км юго-восточнее Перкъярви, ныне не существует). Строительство велось на средства российского кредита, взятого Финляндией на определенный срок. То было трудное время: голодные годы, в Финляндии – большая безработица, и это строительство, требовавшее значительного количества рабочих рук, дало работу и средства к существованию многим обездоленным, съехавшимся сюда на заработки со всей Финляндии. Не случайно заболоченная местность в районе будущей станции Голицыно получила название «Лейпясуо» – «Хлебное болото», т.е. «болото, дающее хлеб». Движение поездов на этой железнодорожной линии было открыто 11 сентября 1870 года. Русский кредит был полностью выплачен Финляндским банком к 1882 году, и, таким образом, новая железная дорога на всем ее протяжении, со всеми станционными строениями, стала собственностью автономного княжества. Финляндский вокзал в Санкт-Пе-

Илл. 81. Станция Лейпясуо в 1929 году, в день замены старой таблички с названием «Эюряпяя» на новую — «Лейпясуо».

Илл. 82. Юхо Поуттайнен.

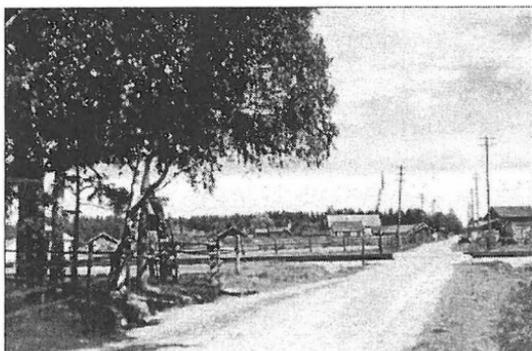
Илл. 83. Железнодорожная станция Перкьярви в 1930-е годы.

(1928 г.), было заменено на «Лейпясую», – под этим названием данная станция функционирует и по настоящее время). В 1885 году собрание волостных депутатов Муолаа дало поручение Юхо Поутуайнену, депутату финляндского сословного Сейма, выходцу из Муолаа, поручение убедить представителей сословий в необходимости принятия решения о строительстве железной дороги от станции Голицыно на Сортавала с прохождением через Вуоксу у порога Пааккола. Однако этот проект был отложен, поскольку через некоторое время было начато строительство Карельской железной дороги, главная ветка которой – на Сортавала – была проведена от Выборга через Антреа [ныне Каменногорск] и открыта для движения в конце 1893 года.

Идея строительства ветки, ведущей в центр Карельского перешейка, возникла после окончания гражданской войны в Финляндии, поскольку необходимость в этом диктовалась прежде всего возникшей военно-политической ситуацией. Кроме того, предполагалось, что эта ветка будет способствовать увеличению сельскохозяйствен-

тербурге (с 1914 года – Петрограде) вплоть до революции 1917 года и отделения Финляндии от России также являлся как бы частью страны Суоми.

В 1918 году станция Голицыно была переименована и стала называться Эюряпяя (это название через 10 лет, после того как была построена линия Выборг–Эюряпяя

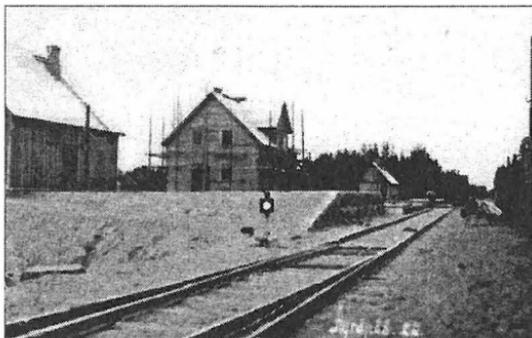
Илл. 84. Железнодорожный переезд у полустанка Ламмасниemi. На заднем плане видна колокольня церкви Эюряпяя. Фото 1936 г.

*Илл. 85. Станция Коляпааккола в предвоенные годы.
Фото 1936 г.*

*Илл. 86. На станции Каукила.
Фото 1939 года.*

Илл. 87. Строительные работы на станции Эюряпяя (довоенный снимок).

ных и лесопромышленных перевозок: крестьянские хозяйства и лесопильные заводы, расположенные на берегах Вуоксы, получали при этом дополнительные транспортные возможности. На сессии Парламента, состоявшейся в 1919 году, депутатами было одобрено предложение о строительстве этой железной дороги и о выделении необходимых для этого средств. Учрежденный правительством страны Комитет путей сообщения представил проект строительства железной дороги от Выборга к побережью Ладожского озера через Пааккола. Этот проект вызвал большой интерес у жителей Муолаа. Так, Общество земледельцев Муолаа на своем заседании в 1921 году рассмотрело вопрос о конкретных мероприятиях, которые могли бы способствовать ускорению реализации данного проекта, на этом же заседании была также создана комиссия для наблюдения за ходом выполнения этих мероприятий. В 1924 году в Сейме снова был поднят вопрос о необходимости этого строительства, и в

следующем году было окончательно принято положительное решение о начале работ на участке Выборг – Пааккола. Участок Лииматта [ныне – ст. Лазаревка] – Эюряпяя протяженностью 45 км был открыт для движения поездов 1 ноября 1928 года, а участок Эюряпяя – Валкъярви (25 км) – 1 января 1930 года. На территории уже образованной к тому времени волости Эюряпяя находились станции Каукила, Кюляпааккола, Эюряпяя и Пёлляккяля (с 1934 года существовал также полустанок Ламмасниemi – в непосредственной близости от новой церкви Эюряпяя; здесь поезд останавливался только по выходным дням, когда в церкви проходили богослужения), а на территории волости Муолаа (в северо-восточной ее части) – станция Пуннус.

Кроме того, от этой железной дороги планировалось также отвести ветку через Вуоксу у порога Пааккола (Паакколанкоски) до станции Мюлюпелто. Этот проект рассматривался в Сейме в 1936 году, однако, принят не был. В дальнейшем идея строительства этой ветки еще раз выносилась на обсуждение депутатов Сейма, но начавшаяся в конце 1939 года Зимняя война прервала все работы по данному проекту.

Водный транспорт

Когда на дорогах Карельского перешейка еще не ходили автобусы и не было железной дороги Выборг – Валкъярви, очень большую роль играло пароходное сообщение по Вуоксе. На протяжении примерно 15 км эта линия проходила в пределах волости Муолаа (с 1925 г. – волости Эюряпяя).

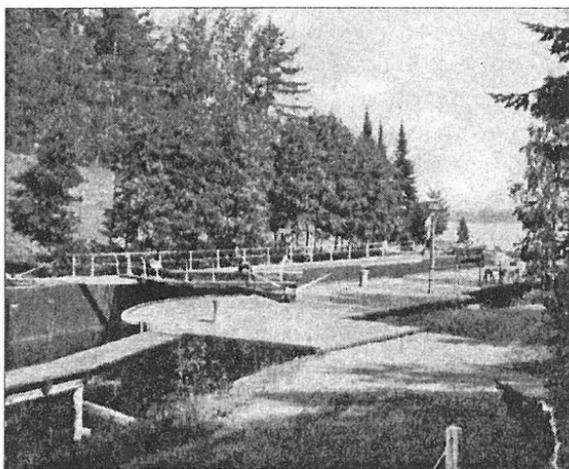
Движение паровых судов по Вуоксе было открыто в 1892 году и связало железнодорожный вокзал в Антреа с местностью у порога Пааккола. Эти рейсы начал осуществлять небольшой пароходик «Лайне» («Волна»), принадлежавший Выборгской пароходной компании («Виипурун Хёюрювенеюхтиё»). Через год ходили уже два небольших паровых судна: одно от Антреа до Пааккола, а другое – от Пааккола до Кивиниеми. Чтобы сделать сообщение от Антреа до Кивиниеми беспересадочным, в 1892–95 годах были проведены работы по строительству канала (шлюза) между правым берегом Вуоксы и небольшим островком на пороге Паакколанкоски. Длина канала составила 35,4 м, ширина – 7,66 м. Шлюзовая камера была выложена древесиной поверх бетонных плит. В 1935–36 годах часть деревянной опалубки, выступавшая поверх воды и в значительной мере подгнившая, была заменена на новую.

Илл. 89. Пароходная пристань в Пёлляккяля.

акционерным обществом «Вуоксен я Суваннон Хёюрювене» («Пароходы Вуоксы и Суванто»), располагавшим достаточно крупными для движения на внутренних водоемах пароходами «Койвисто», «Саймаа», «Суванто» и «Вуокси». Ходили не только пассажирские, но и грузовые суда – в частности, лесопильные предприятия «Хакман» и «Альстрем» имели собственные буксиры и баржи для перевозки лесоматериалов.

Пассажирские автобусы, появившиеся на Карельском перешейке в середине 20-х годов, и открытая в 1930 году железнодорожная ветка Выборг – Валкьярви способствовали уменьшению пассажирских перевозок по воде. В 1930-х годах водные перевозки по Вуоксе осуществляло акционерное общество «Кивиниемен Хёюрювене» («Пароходы Кивиниеми»), однако масштаб их был уже не тот, который был раньше. В 1939 году, когда до начала войны оставалось уже совсем немного, пассажирская пароходная линия существовала только от Антреа до Пёлляккяля.

Илл. 90. Шлюзовальный канал в Пааккола.

Помимо «Лайне», ходили и другие пассажирские паровые суда – «Руно» («руно» в переводе означает «стихотворение», «руна»), «Линту» («Птица») и «Эллида». Пик развития водного транспорта на Вуоксе приходится на 1910–20-е годы, когда перевозки осуществлялись

Почта, телефон, радио

В давние времена, когда Финляндия еще была частью шведского королевства, системы почтовой связи как таковой не было. Любое частное лицо должно было самостоятельно изыскивать оказии доставки своих отправления до адресата. Государственные же послания развозились специальными гонцами. Местные ленсманы, а также хозяева постоянных дворов должны были побеспокоиться об их отдыхе и питании, а также предоставить лошадей для дальнейшего пути. На р. Сестре, где гонцы были вынуждены иногда по несколько дней ожидать разрешения на переезд границы, в начале XVII века они имели обыкновение заезжать для отдыха на постоянный двор Лаури Пенттинена в Пиен-Хаапала, что в районе Куоккала (ныне пос. Репино). За предоставление этих услуг (Пенттинен также сам привозил туда почту, идущую в Швецию из России, которую гонцы забирали на обратном пути) хозяин был частично освобожден от налогов, и, кроме того, государство жаловало ему по 6 бочек зерна ежегодно.

Почтовая связь как система начала создаваться в Финляндии при Пере Браге (наместник шведского короля в Финляндии в 1637–1640 гг. и в 1648–1654 гг.). В 1636 году был издан специальный правительственный указ о создании государственной почтовой службы. В соответствии с этим указом на главных дорогах определялись дома крестьян, расположенные с интервалом в 2–3 мили (примерно 20–30 километров) один от другого, с хозяев которых бралась присяга, и им вменялось в обязанность – за предоставление освобождения от гужевой повинности, погонных работ и рекрутчины – заниматься приемом и отправкой почты. Такой «дворохозяин-почтальон» должен был уметь читать и писать. Причем для перевозки почтовых отправок он мог использовать своих батраков, а если такой возможности не было, то везти почту он должен был сам. Перевозивший почту имел знак с гербом, копье для самообороны, а также латунный рог, трубя в который, он извещал о своем прибытии, приближаясь к следующему почтовому пункту. Почту из Выборга в Ниеншанц возили через уезд Эюряпяя по дороге, идущей через Муолаа и Кивеннапа. Известно, что в 1646 году на этой дороге было несколько почтовых станций, из которых одна была на территории Муолаа – в доме Ристо Хяллё в Кангаспелто.

После Северной войны и включения Выборгской губернии, а затем, после войны 1808–1809 гг., и всей Финляндии в состав Российской империи система почтовых станций продолжала совершенствоваться. До прокладки железной дороги Рижимяки – Санкт-Петербург почту из столи-

цы империи в Выборг и обратно возили два раза в неделю, почтовый тракт также проходил по территории Муолаа. Почтовая станция располагалась в Кююрёля, оттуда почту затем развозили по деревням. После 1870 года почту стали доставлять по железной дороге на станции Перкьярви и Голицыно; из Перкьярви ее затем везли на лошадах в Кююрёля, а оттуда уже развозили по разным уголкам волости. В деревню Голицыно (Лейпясуо) и в расположенные недалеко от нее деревни Хотакка, Муолаанкюля и Кангаспелто (Новая деревня) почту доставляли с железнодорожной станции Голицыно. Почтовая станция в Кююрёля была в волости Муолаа центральной, ей подчинялись также почтовые отделения в Пёлляккяля и Валкьярви.

С постройкой железной дороги Выборг–Валкьярви всю почту в Эюряпяя стали привозить поездом. На станциях Эюряпяя, Каукила и Кюляпааккола были созданы станционные почтовые отделения, подчинявшиеся почтовой конторе в Пёлляккяля. Такое же станционное почтовое отделение было открыто также и на станции Пуннус.

К 30-м годам почтовая связь работала довольно хорошо, и в большинстве деревень почту привозили ежедневно. Доставка газет и журналов подписчикам осуществлялась также с использованием пассажирских автобусов: периодическую печать из Выборга привозили в деревни, расположенные на маршрутах следования рейсов.

Вот некоторые почтовые тарифы, действовавшие в Финляндии, в том числе и на Карельском перешейке, в конце 20-х – начале 30-х годов (тарифы указаны в довоенных финских марках):

По Финляндии:

1. Простые письма:

Вес до 20 г..... 1:50
 20 – 125 г..... 3:-
 125 – 250 г... 4:50
 250 – 500 г... 6:-

2. Местные письма:

Вес до 20 г..... 1:-
 20 – 125 г.... 2:-
 125 – 250 г.. 3:-
 250 – 500 г.. 4:-

3. Почтовые карточки (открытки):

Простая почтовая карточка 1:-
 Почтовая карточка с оплаченным ответом 2:-

4. Бангероли:

Печатная продукция, деловые бумаги и товарные образцы (за каждые 50 г. или за неполные 50 г.) -: 40

Минимальный тариф за отправку деловых бумаг 1:50

- « - - « - - « - товарных образцов -: 80

5. Заказные отправления:

Пересылка оплачивается по тарифу в зависимости от вида отправления;
за заказ 1:50

6. Почтовые переводы:

С суммы до 100 марок 1:50
от 100 до 500 марок 2:50
от 500 до 1000 марок 3:50
за каждую следующую 1000 марок
(или неполную 1000 марок) 1: -

Отправления, посылаемые в зарубежные страны (за исключением Швеции, Норвегии и Дании: отправления, посылаемые в эти страны, имеют те же тарифы, что и в Финляндии):

1. Письма:

Вес до 20 г 2: -
За каждые последующие (в том числе неполные) 20 г 1:20

2. Почтовые карточки (открытки):

Простая почтовая карточка 1:20
Почтовая карточка с оплаченным
ответом 2:40

3. Бандероли:

Печатная продукция, деловые бумаги и товарные образцы
(за каждые 50 г. или за неполные 50 г.) -: 40
Минимальный тариф за отправку деловых бумаг 2: -
- « - - « - - « - товарных образцов -: 80

4. Заказные отправления:

Пересылка оплачивается по тарифу в зависимости от вида отправления;
за заказ 2: -

5. Почтовые переводы:

С суммы до 200 марок 3: -
от 200 до 400 марок 4: -
за каждые следующие 200 марок
(или неполные 200 марок) 1: -
в Великобританию, Северную Ирландию,
а также в Союз Советских
Социалистических Республик -: 50

Первые телефоны появились в Муолаа в 90-х годах XIX века, когда в Пёлляккяля были построены лесопильные предприятия. В начале XX века телефонную связь обеспечивали три телефонных акционерных общества – «Итя-Суомен Телефоони» («Телефонная связь Восточной Финляндии»), «Вуоксен Пухелин» («Телефонная связь на Вуоксе») и «Карьялан Телефоони» («Карельская телефонная связь»). Первое из них располагало коммутатором в Перкьярви, который в 1923 году был выкуплен в собственность государства. А/о «Вуоксен Пухелин» имело коммутатор на территории будущей волости Эюряпя, с 1918 года находившийся в доме, хозяйкой которого была Алма Каукинен, а также коммутатор в Пелляккяля, смонтированный несколько позднее. Оба этих коммутатора были проданы в 1929 году акционерному обществу «Виипуриин Пухелин» («Выборгская телефонная связь»), а затем, в 1936 году, перешли в ведение государства. А/о «Карьялан Телефоони», слившее впоследствии с акционерным обществом «Кааккойс-Карьялан Пухелин» («Телефонная связь Юго-Восточной Карелии»), имело коммутаторы в Хотакка и Пуннус, которые в 1935 году также перешли в ведение государства. Телефонный коммутатор в Кююрёля, смонтированный еще в конце XIX века и некоторое время принадлежавший акционерному обществу «Кааккойс-Карьялан Пухелин», также перешел в конце концов в ведение государства.

Таким образом, на территории волостей Муолаа и Эюряпя насчитывалось в общей сложности 6 телефонных коммутаторных станций, абоненты которых к 1938 году распределялись следующим образом:

Хотакка	8 абонентов,
Кююрёля	34 абонента,
Перкьярви	39 абонентов,
Пуннус	10 абонентов,
Пёлляккяля	62 абонента,
Эюряпя	39 абонентов.

Всего: 192 абонента*

На приводимых ниже иллюстрациях приводятся списки абонентов указанных коммутаторных станций, переснятые из телефонного справочника Выборгской телефонной сети на 1939 г.

В Финляндии, как и в других развитых странах, в домах местного населения со временем стало появляться и радио. Например, в 1932 году в волости Муолаа было оформлено 135 платных разрешений на установку

* Вышеприведенные данные взяты из книги «Муолаа и Эюряпя».

радиоточек, а в волости Эюряпяя - 171 разрешение. Поскольку во второй половине 30-х годов в стране отмечается неуклонный общий экономический рост, к 1938 году количество радиоточек увеличилось втрое: в Муолаа их уже насчитывалось 423, а в Эюряпяя - 529.

HOTAKKA		AYRÄPÄÄ	
7—21.	»valtione»	7—21.	»maaseutus tai »valtione»
Heininen, Viktor, kansakopett.		A. Ahlström Osakeyhtiö, Suursaaren Höyrysaha, oma keskus.	
Puolustusministeriön työmaa		— Tolonen, U., isännöitsijä	8
Marjala, Juho, agronomi		— Jönsson, H., kapteeni: Pölläkkälä 1	
Seppänen, Juho, maanvilj.		— Maatila:	» 17
Suokas, Eino, kauppias, Leipäsuu, Kan-		— Poliisikonttori:	» 38
gaspelto		— Sairaala:	» 8
Vaittinen, Jooseppi, kauppias		— Seuratalo:	» 33
Viipurin Osuusliike r.l., Hotakka		— Narmo, Y., sähkö-	» 12
Wiskman, Lammaslahti		— Oksanen, O., lautatar-	» 18
		hanhoitaja & palomest.	
		(Jatk.)	

KYYRÖLÄ	
7—21.	»valtione»
Björklund, Aari, tohtori	7
Fokin, A., liikemies	30
Galkin, Aleksi, kauppias	18
Gratscheff, veljekset, kauppias	40
Himänen, Otto, maanviljelijä	28
Inkinen, veljekset, kauppias	21
Kannakseen Osuusliike r.l., Parkkilan myymälä	6
— Muolaa	22
—	27
—	5
Kannakseen Sotilaspiirin varasto	4
Kappalaispappila, Antolainen, I., pastori	4
Korkein, Ville, kauppias	20
Kortelainen, Aili, apteekkari	9
Kuisma, Heikki, maanviljelijä	11
Kunnalliskoti, Muolaa	31
Kunnantalon, Muolaa	12
Lajunen, Taneli, maanviljelijä	23
Lindfors, Juho, kauppias	26
Lukianoff, Simeon, kauppias	14
Lukianoff, Wille, kauppias	16
Mentula, Ville, kauppias	35
Mero, veljekset, kauppias	38
Mononen, Esa, kauppias	33
Muolaaan Kirkkoherranvirasto, Rapeli, T., kirkkoherra	15

VIIPURIN

Puhelinluettelo

1939

ENITH MAAILMANKUULUJA
TARKKUUSKELLOJA

 E. Oksanen
Kullaseppä Puh 3819
Viipuri • Pohjoisankari 8
Oksaselta onnen kiiniä

RJAPAINO OY

LMARINEN

VMPURI, KARJALANK. 5
Puhelin 15 33

Leopold Holmberg Oy

Publ. 4030 • 1002 • 1940

LEHTI- ja KIRJAPAINO
KODIN KÄYTTÖÄ

Илл. 91 Обложка телефонного справочника Выборгской телефонной сети и некоторые абоненты вышеуказанных коммутаторных станций

Годы грозовые

Разразившаяся в Финляндии в конце января 1918 года гражданская война не обошла стороной и Карельский перешеек. Как и по всей стране, люди здесь тоже разделились на белых и красных, чтобы, убивая друг друга, отстаивать правду и социальную справедливость в соответствии с представлениями той или другой стороны. Следует отметить, что еще в 1916 году в Красном Селе (Кююрёля) была создана коммунистическая партийная организация. Коммунисты М.П. Бородулин, Ф.П. Лукьянов, Е.А. Глумов, получив в октябре 1917 года известие о начале вооруженного восстания в Петрограде, организовали красногвардейский отряд, в который записалось свыше сотни местных жителей. Коммунисты устраивали свои собрания на острове, расположенном посреди озера Искъярви (ныне оз. Вишневское), либо же в доме М.П. Бородулина, командира отряда.

В волости Муолаа в одних местах войны как будто бы и не было, зато в других ожесточенные перестрелки происходили с самого начала этих событий. Так, уже в начале февраля рабочие лесопильных предприятий Пёлляккяля и Вуосалми стали отправляться на поиски оружия, чтобы потом, взяв эти районы под свой контроль, начать оттуда атаковать фронт

Илл. 92. Й.А. Литен

Илл. 93. Памятник на могиле красногвардейцев в поселке Красносельское, установленный уже в советское время.

белых, который начал создаваться вдоль Вуоксы. Штаб белых, располагавшийся в Антреа [ныне Каменногорск], получив известие об этих приготовлениях, начал предпринимать контрмеры. Управляющему лесопильным заводом в Пёлляккяля Й. Литену было поручено собрать всех более-менее надежных людей, готовых сражаться с красными, и сформировать из них отделения и взводы, экипировав и вооружив их с учетом имеющихся возможностей. На помощь отрядам, собранным Й. Литеном, были направлены резервы, имевшиеся в Ряйсяля [ныне Мельниково] и в Ораванкютё [ныне Балаханово].

Бой с красногвардейцами, возвращавшимися с оружием из Кююрёля, произошел при переходе их через мост на реке Салменкайта. Внезапный огонь белых вынудил их отойти на южный берег р. Салменкайта и к Куусаа. В результате возник т.н. фронт Муолаа, который белым удалось ликвидировать только к концу апреля в связи с ведением боевых действий по овладению Выборгом.

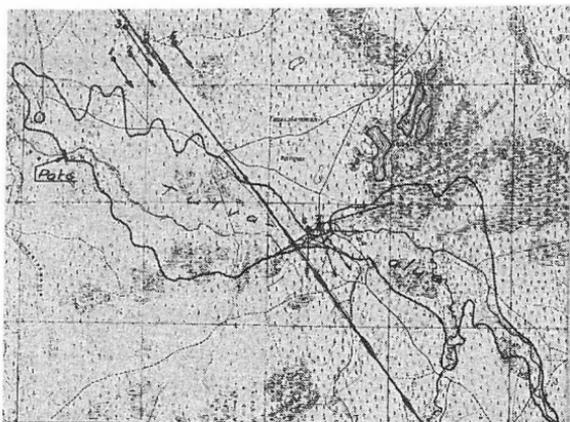
В восточной части Муолаа и в районе Кююрёля были сконцентрированы значительные силы красногвардейцев и русских воинских формирований, которые были рассредоточены в приграничных районах вдоль линии Раасули [ныне Орехово] – Муолаа – Райвола [ныне Рошино] – Валкеасаари (Белоостров). Силы красных насчитывали примерно 6 000 человек при 44 орудиях. Им противостояла с севера группировка белых войск (7 300 чел. и 18 орудий) под командованием генерал-майора Вилкмана и с северо-востока – группировка полковника Аусфельда (6 000 человек и 8 орудий). Эти силы, получавшие подпитку резервами и военными материалами через Антреа и Кивиниеми, сыграли решающую роль на заключительном этапе боев к югу от Выборга.

Как известно, в стране воцарился белый террор, в результате которого было расстреляно большое количество красногвардейцев, причем иногда под горячую руку расстреливали без особого разбора. Антирусские настроения в связи с гражданской войной и участием в боях на стороне красных русских солдат и офицеров, а также помощью оружием и людьми, оказывавшейся Советской Россией в нарушение условий Брестского мира, вспыхнули с особой силой. По некоторым данным, в частности, в русскоязычном районе Кююрёля было убито около 400 человек местного населения.

Гражданская война в Финляндии, явившаяся следствием социальных потрясений в Российской империи в 1917–1918 годах, оставила глубокий след как в истории страны, так и в сознании людей. Перебравшиеся в Советскую Россию видные финские коммунисты, не терявшие надежды на реванш за поражение революции и опиравшиеся на помощь и поддержку советского правительства и советские разведорганы, засылали в

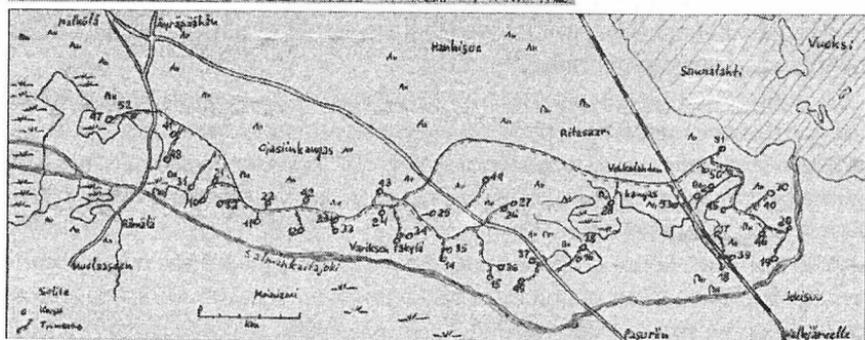
Финляндию своих представителей для проведения актов саботажа и ведения разведывательной деятельности в целях подготовки почвы для нового восстания. На Карельском перешейке, равно как и вдоль всей границы Советской России (а затем СССР) с Финляндией ими создавались конспиративные пункты связи – так называемые «этапы» – на маршрутах, по которым осуществлялось нелегальное передвижение в приграничных районах Финляндии. Для оказания содействия этим ходам подбирались и вербовались надежные люди из числа местных жителей, которые предоставляли им ночлег, питание и сопровождение. Финские власти знали об этом и принимали меры противодействия. На Карельском перешейке, через который пролегали кратчайшие пути к столице Финляндии и к ее наиболее важным южным районам, Центральной сыскной полицией – ведомством государственной безопасности страны – было задействовано около 100 человек своих кадровых сотрудников, то есть практически половина штатного состава.

Подрывная деятельность Коммунистической партии Финляндии, щедро финансируемой через Коминтерн советским правительством, не могла не вызывать недоверия к политике СССР по отношению к Финляндии у руководства страны, которое опасалось, что рано или поздно Советская Россия (с конца 1922 года – СССР) попытается реализовать свои планы мировой революции на северо-западе вооруженным путем, и поэтому на Карельском перешейке было начато строительство системы оборонительных дерево-земляных и железобетонных сооружений (которая в 20-х годах была названа «линией Энкеля» (по фамилии тогдашнего начальника Генерального штаба вооруженных сил Финляндии), а в период Зимней войны 1939–40 гг. с легкой руки некоторых аккредитованных в Финляндии зарубежных корреспондентов стала называться «линией Маннергейма»), поскольку это направление не без оснований считалось наиболее опасным в случае начала военных действий. Часть линии укреплений (которая продолжала совершенствоваться в 1930-х годах) прошла через территорию Муолаа. Пять небольших пулеметных дотов были возведены у самой железной дороги между Перкьярви и Лейпясуо. В 1937 году были построены два крупных дота, прикрывающие железнодорожный мост у реки Перонйоки [ныне р. Перовка]. В 4 км ниже по течению реки была возведена бетонная плотина для создания участка искусственного затопления. Надо отметить, что эти сооружения сыграли существенную роль в сдерживании натиска советских войск во время Зимней войны.

Илл. 94. Схема искусственного затопления местности (Tulva-alue) у железной дороги южнее станции Лейпясую.

Илл. 95. Схема «рабочего участка Арайоки» (был назван так по фамилии инженера, руководившего строительством), развернутого вдоль левого берега реки Салменкайта в октябре 1939 года.

Северо-восточнее, между болотом Суурсую [ныне бол. Комарихинское] и оз. Муолааньярви, было построено 7 железобетонных готов (укрепленный узел Суурниemi в районе небольшой деревни Вяйсянен). Северо-восточнее озера Муолааньярви вдоль речки Муолаанйоки, озер Муолаанлампи и Юряпянярви, а также частично вдоль речки Салменкайта еще в начале 20-х годов были построены 12 небольших железобетонных оборонительных сооружений. Несколько десятков одноэтажных железобетонных сооружений начали спешно возводить перед самым началом Зимней войны на территории волости Юряпяя по левому берегу и чуть севернее речки Салменкайта (эта речка была административной границей между волостями Муолаа и Юряпяя), однако полностью боеготовых сооружений к началу войны успели возвести только 23.

Перед этой полосой обороны на расстоянии примерно 15 км была создана еще одна полоса, оборудованная в основном дерево-земляными пулеметными сооружениями и позициями для пехоты и усиленная в 1939 году

Илл. 96. Главная полоса обороны и тыловая оборонительная полоса между озером Муолааньярви и Вуоксой.

линией гранитных противотанковых надолб. Этот участок во время войны стал частью главной линии обороны.

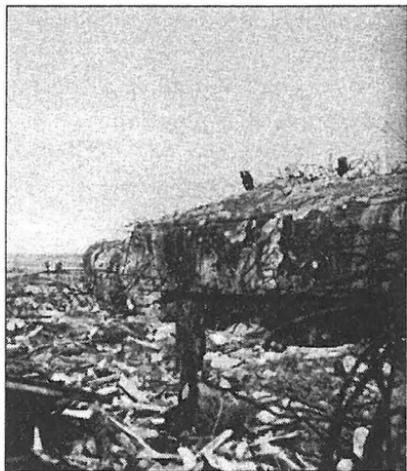
С началом Зимней войны население волостей Муолаа и Эюряпяя было эвакуировано вглубь Финляндии. Уже 5 декабря 1939 года советские войска (части 43-й и 90-й дивизий) предпринимали атаки на позиции частей 11-й финской дивизии по обе стороны озера Пуннусъярви. 6 декабря два батальона 11-й дивизии финнов предприняли контратаку в дефиле между озерами Муолааньярви и Искъярви. После нескольких незначительных боевых столкновений линия фронта в Муолаа стабилизировалась вдоль главной полосы обороны и сохранялась практически без изменений вплоть до начала общего наступления советских войск в феврале 1940 года.

Начиная с 29 февраля, когда советская 7-я армия, не считаясь с огромными потерями, уже подходила к Выборгу, а левый фланг 13-й армии выдвинулся к Вуоксе на участке между церковью Эюряпяя и поселком Пёлляккяля, разгорелись ожесточенные бои за обладание тактически важным участком местности – южной частью гряды Эюряпяянха-

рю, откуда открывался широкий обзор местности на противоположном берегу пролива Vuosalmi, где оборону занимали части 23-го финского пехотного полка, переброшенного в этот район с восточного участка фронта у реки Тайпалеенйоки [ныне р. Бурная]. К вечеру 4-го марта советские войска, имея огромное преимущество в живой силе и технике, при поддержке артиллерии и авиации сумели захватить участок местности у церкви Эюрпяя. Финны отошли на остров Васиккасаари [ныне о. Телячий]. Контратака, предпринятая ими на следующее утро, к успеху не привела, людские потери в полку были довольно значительные. Теперь советское командование имело возможность организовать ведение массированного огня по острову Васиккасаари и по противоположному бе-

Илл. 97. Схематический рисунок из книги В. Халсти «Зимняя война. 1939–1940» (на финс. яз.), на котором показаны действия войск Красной Армии по захвату плацдарма на левом берегу Vuоксы (29. 02.–13. 03. 1940 г.).

Илл. 98. Взорванный железобетонный дот на р. Салменкайта.

регу, и вскоре финны вынуждены были оставить остров. Вечером 7 марта советские войска, совершив бросок с острова Васиккасаари через узкую протоку, заняли плацдарм на левом берегу. В дальнейшем советское командование планировало ведение наступательных действий в обход группировки финских войск, оборонявших Выборг, а также выдвижение в район озера Саймаа.

По мирному договору, подписанному в Москве 12 марта 1940 г., 10 % территории Финляндии, в том числе и весь Карельский перешеек, отошли к СССР. Новые власти, получив в свое распоряжение чужие

земли, начали в спешном порядке предпринимать усилия по их хозяйственному освоению. Из других районов страны в организованном порядке привозили семьи, даже целые колхозы, отрывая людей от родных мест и принудительно поселяя их в новых районах, где только что закончились военные действия. Делалось это, конечно же, с целью постепенно обустроить жизнь в этих районах на сталинско-советский лад, дабы со временем, после смены нескольких поколений жителей создать условия невозможности возврата насильно отобранного северному соседу и иметь основания заявлять об исконно русском характере этих земель.

Начавшаяся летом 1941 года новая война, когда руководство Финляндии под впечатлением военных успехов гитлеровской Германии и под влиянием антисоветских настроений, преобладавших в общественном сознании финнов после советской агрессии 1939–1940 гг., втянуло страну в войну против СССР, миф о том, что, отодвинув границу за Выборг, сталинское руководство обеспечило безопасность Ленинграда, лопнул, как мыльный пузырь: финские войска уже к началу сентября 1941 года вышли к линии Карельского укрепрайона, прикрывавшего Ленинград с севера. Начавшаяся блокада города была обеспечена на Карельском перешейке прежде всего идеологами «мудрой сталинской внешней политики», теми, кто организовывал и осуществлял провокацию у деревни Майнила, кто направлял колонны войск Красной Армии, идущие по заснеженным лесам и болотам Финляндии.

Отступление частей Красной Армии на Карельском перешейке в этот период носило во многих местах неорганизованный характер, сопровождалось уничтожением (в соответствии с радиообращением Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина) или же попросту оставлением материальной части. Чтобы как-то остановить отступавших, НКВД создавало заградительные отряды, которые хватали людей и расстреливали без особого разбирательства. Иногда, правда случались и курьезы, характеризующие личный состав этих заградотрядов не с самой лучшей стороны. Вот что, например, рассказывал нам уже упоминавшийся выше краевед Владимир Иванович Смирнов из биографии своего тестя.

«Тесть мой, Федор Михайлович Михайлов, в начале этой войны служил шофером в автобatalьоне. До этого, в 39–40 годах, воевал в финскую кампанию, и затем их часть была расквартирована на Карельском перешейке. Во время отступления летом 41-го он выехал на своей полуторке к Вуоксе. В кабине машины находился также его политрук. Когда подъехали к переправе, то были вытащены из кабины разъяренными энкаведешниками. «Бежите, значит! Трусы, так вашу мать, изменники!» Политрука тут же отвели в сторону, грянули выстрелы. «А этот чего?! – старший показал рукой на Федора Михайловича. – И его тоже, расстрелять к чертям собачьим!!!» Поста-

вили они его, значит, на то место, где только что стоял политрук, прозвучала команда... И в это время кто-то крикнул: «Финны!» По дороге к берегу резво катили на велосипедах финские егеря. Старший заградотряда, не на шутку перепугавшись, понял, что если они сейчас расстреляют водителя, то сами далеко не уйдут и будут перебиты наступающими финнами. «Давай быстро за руль, – он подтолкнул уже прощавшегося с жизнью Федора Михайловича к кабине машины, – и гони что есть духу!» Ошарашенный от такой перемены событий тесть быстро вскочил в кабину, завел мотор. Рядом с ним в каби-

Илл. 99. Солдаты наступающих частей финской армии в Муолаа.

Илл. 100. Понтонная переправа, наведенная финнами 24 августа 1941 года в районе руин церкви Эюряпяя.

не на место расстрелянного политрука уселся командир отряда НКВД, остальные вскочили в кузов, забарабанили кулаками и прикладами сверху по кабине: быстрее, быстрее! То есть вот так, фактически благодаря финнам, тесть мой остался жив».

Непродолжительный период позиционного противостояния войск, когда на Карельский перешеек, в том числе и в Муолаа и Эюряпяя, вернулись из эвакуации подавляющее большинство прежних жителей, которые приступили к восстановлению своих разрушенных хозяйств, стали отстраиваться и налаживать быт, был прерван 9 июня 1944 года. Советские 21-я и 23-я армии Ленинградского фронта быстро прорвали финскую оборону, и к 20 июня войска 21-й армии уже подходили к Выборгу. Одновременно левый фланг 23-й армии, которой командовал генерал-лейтенант А.И. Черепанов, силами 98-го стрелкового корпуса в составе 177-й, 281-й, 10-й и 372-й дивизий, поддерживаемых танковой бригадой (на вооружении которой были, в частности, танки КВ с особо мощной броневой защитой), двумя бригадами самоходных орудий, тремя артиллерийскими полками, двумя полками гвардейских минометов («катюш») и другими частями, вышел к гряде Эюряпяянхарью с задачей форсировать протоку Вуосалми. Оборону плацдарма Эюряпяя – тактически важ-

Илл. 101. На дровяном складе в районе Лейпясю. Снимок сделан ориентировочно в 1943 году.

ной гряды, закрывавшей советским войскам выход к протоке на участке протяженностью чуть более 10 километров, обеспечивали 7-й и 49-й пехотные полки 2-й дивизии финской армии. 4 июля 281-я и 381-я дивизии (последняя была выделена из состава 97-го стрелкового корпуса 21-й армии) при поддержке танков, артиллерии и авиации начали штурм гряды. Несколько раз позиции на гряде переходили из рук в руки, пока, наконец, 7 июля финский плацдарм Эюрпяя не перешел в руки советских войск. За время штурма личный состав наступающих дивизий был выбит почти полностью, поэтому непосредственное форсирование протоки Вуосалми осуществлялось силами 142-й стрелковой дивизии под командованием полковника Г.Л. Сонникова, переброшенной с правого флангового участка фронта от реки Тайпалеенйоки. Переправа началась 9 июля, и на левом берегу был создан плацдарм шириной 4 км и глубиной до 1 км. Бои на захваченном плацдарме продолжались до 11 июля, а затем они стали принимать позиционный характер, и фронт на этом участке стабилизировался.

После подписания 19 сентября 1944 г. Соглашения о перемирии, восстановившего принудительно установленную Советским Союзом границу 1940 года, а затем в феврале 1947 г. – Парижского мирного договора Советский Союз получил все юридические права на территории, аннексированные у Финляндии. Через некоторое время в связи с массовым переименованием населенных пунктов на Карельском перешейке поселок Пёлляккяля, у которого происходили вышеуказанные военные события, был переименован в Барышево – в честь Л.А. Барышева, младшего лейтенанта артиллерии, героически погибшего в районе деревни Кюляпааккола (севернее Пёлляккяля) в июле 1944 года.

Старая линия

Природа манит, манит, зазывает
Петляющей тропинкою лесной,
И солнце все теплее пригревает,
И лес хранит молчанье и покой,

Качают сосны кронами своими,
Ручей вдали на камешках журчит
А надолбы гранитные застыли,
И память их гранитная болит.

То здесь, то там на колях полусгнивших
Висят колючки ржавые куски,
В траншеях старых, от дождей оплывших,
Растут вовсю зеленые кусты.

А на пригорке там, что чуть правее,
Среди берез раскидистых, больших,
Укрывшись в зелени, дыра чернеет,
Бетонная плита над ней торчит.

Морозною зимой, в тридцать девятом,
Суоми клятву верности храня,
Держали здесь курносые ребята
Коварного и сильного врага.

За землю дедов, за родных и близких,
— Остановив его, не дав пройти,
Погибли под огнем артиллерийским,
Сметавшим все живое на пути.

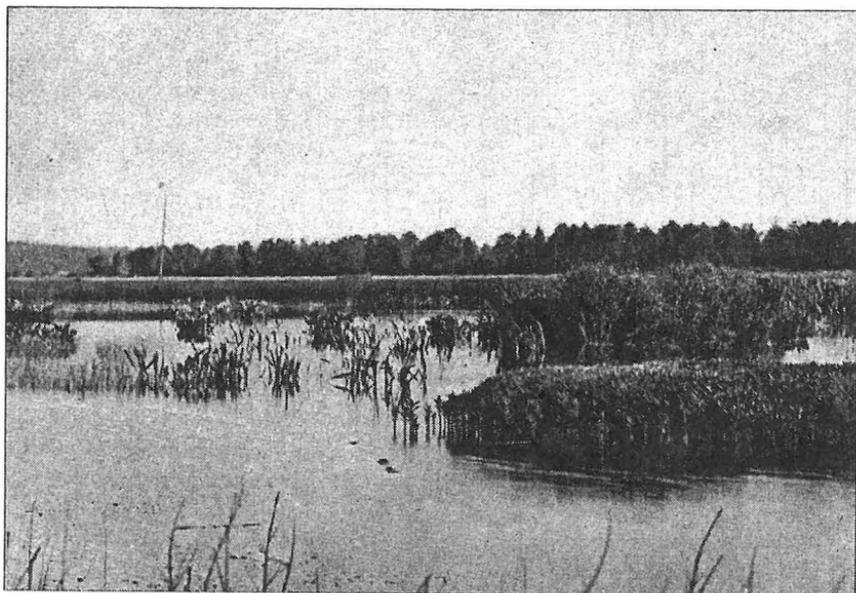
Но память не умрет, она святая,
Хоть та земля давно уже не их,
И на границе новой, выжидая,
Солдат чужой в готовности стоит.

Пусть люди все давно уже забыли
И лес густой под ветрами шумит,
Но надолбы гранитные застыли
И память их гранитная болит.

Д.И. Орехов. Ленинград, 20 мая 1981 г.

ЗНАМЕНИТОЕ ОЗЕРО ЯЮРЯПЯНЬЯРВИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

«Озеро находилось на территории трех волостей: северо-западная часть относилась к волости Хейнйоки, северная часть и северный берег – к волости Эюряпяя, а остальная часть – к волости Муолаа. Оно состояло из Северного и Южного озер, а также небольшого озера Муолаанлампи, разделяемых небольшими перешейками с лугами. Озеро Эюряпяняярви было также центральным естественным водоемом, куда по речкам шла вода из других озер: так, вода из озера Муолааньяярви текла в него по речке Муолаанйоки, из озера Искьяярви – по речке Исяйоки (*Ysäjoki*), а из озер Пуннусьяярви и Кирккюярви – по речке Канниланйоки (или Куусаанйоки). Из озера Эюряпяняярви вода текла по речке Салмийоки и проливу Пуратсинсалми к плесу Вуоксы, впадая в нее примерно в 6 км к западу от мыса Ораваниеми.

Илл. 102. Пышная растительность на озере Эюряпяняярви (довоенный снимок).

Илл. 103. Вот такие общие гнезда делали малые чайки (довоенный снимок).

Илл. 104. Птица выпь - достопримечательность озера (довоенный снимок).

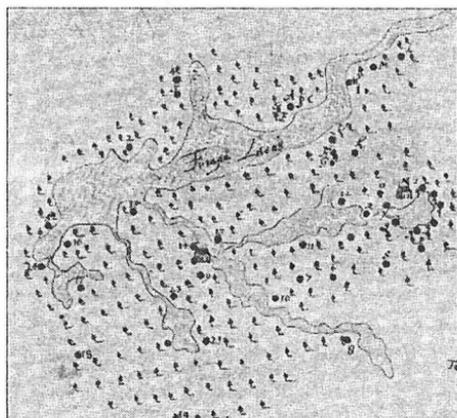
Озеро было глиной 11-12 км, ширина его в разных местах была разная. От залива у деревни Каукила до устья речки Куусаанйоки она составляла 5-6 км. Общая площадь озера с учетом прибрежных заболоченных участков оценивалась в 6000-7000 га. Говорили, что луга у деревни Мьялкёля не имеют почвы. Местами дно озера было песчаным,

однако большей частью оно было песчано-суглинистым. Местность вокруг озера была довольно ровной. Правда, были там и возвышения: например, на юго-восточной стороне Северного озера шла глинная гряда – Хопеамяенхарью (в переводе – «гряда Серебряного холма» – Д.О.), которая в виде песчаных островов – Пюхяпяя («Святой конец» – Д.О.) и Сяркисаари («Плотвинный остров» – Д.О.) – тянулась до мыса Сяркянниеми (в переводе «мыс Песчаной отмели» – Д.О.). Окрестности озер представляли собой густонаселенную сельскую местность центральной части Карельского перешейка. Ближайшими были деревни Куусаа и Мьялкёля.

Так описывает озеро Эюрпяняярви [ныне это оз. Раковое] Ауне Мьялкёнен, одна из жительниц этих мест, которой, как и тысячам ее соотечественников, пришлось покинуть родные края в 40-х годах. Она помнит и о том, какое огромное количество самой разнообразной пернатой живности гнезилось в густых зарослях, сколько разных видов растений можно было там встретить.

О судьбе озера в 1920–1930-е годы велись жаркие дискуссии (с учетом того, что владельцы земель, дабы увеличить площади своих угодий, выступали с требованиями осуществления дополнительных водоспусков): сторонники сохранения этого уникального живого музея орнитологии и растительного мира предпринимали меры, чтобы не допустить продолжения работ по спуску воды. В частности, в январе 1927 года Ассоциация орнитологов Финляндии учредила комиссию по организации кампании в защиту озера. Известный в те годы шведский ученый, профессор А. Егершельд публиковал в прессе статьи с призывами сохранить среду обитания птиц Эюрпяя. Инициативу защитников природы поддержал губернатор Выборгской губернии Арво Маннер, который в августе того же года также направил в Хельсинки ходатайство о том, чтобы в рамках Закона об охране природы запретить хозяевам прилегающих к озеру земель вести там охоту. В результате было издано постановление о введении на озере режима заповедника сроком на 4 года. Хозяевам же в связи с убытками, понесенными в результате принятия такого решения, вступившего в силу с 1929 года, полагались соответствующие компенсации, в целом выливавшиеся в довольно значительные суммы.

Доктор Эйнари Мерикаллио, изучавший птиц и среду их обитания на озере Эюрпяняярви, насчитал на Северном озере 1500 пар уток-крякв, 900 пар чирков-свистунков, 500 пар камышевок, 400 пар нырков красноголовых, 250 пар лысух, 200 пар озерных чаек, 170 пар малых чаек, 35 пар широконосок, 30 пар чирков-трескунков и т.д. На Южном озе-

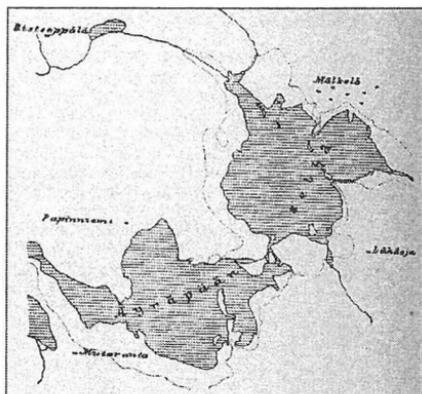
Илл. 105. Шведская карта района Эюряпяя XVII века. *Furara Lacus* — это «озеро Эюряпяяньярви»

Илл. 106. Таким представлено озеро Эюряпяяньярви на русской карте, выпущенной в 1843 (1844 ?) году.

ре птиц было примерно столько же. Так что когда все они разом взлетали, небо тут же темнело.

Как уже упоминалось выше, в древности озеро Эюряпяяньярви было довольно полноводным. Однако в XIX веке жители деревень, расположенных в долине Вуоксы, стали требовать от властей проведения работ по спуску воды, поскольку весной обычно наступал период сильного половодья и разливающаяся вода причиняла крестьянским хозяйствам значительный материальный ущерб. Для этого надо было сделать искусственную протоку в перешейке у деревни Кивиниеми [ныне пос. Лосево] (до 1818 года там был ручей, вытекавший из озера Суванто [ныне оз. Суходольское], уровень которого был на несколько метров выше нынешнего; тот ручей впадал в Вуоксу, однако, в мае 1818 года в связи с обильным таянием снегов на озере Суванто вода поднялась необычайно высоко и, быстро размыв и расширив канаву, которую крестьяне до этого прокопали через перешеек у деревни Тайпале для стока паводковых вод, бурным потоком устремилась в Ладожское озеро (уровень которого был ниже уровня оз. Суванто); в результате этого природного катаклизма образовалась река, которую стали называть Тайпалееньйоки [ныне – река Бурная], а ручей у деревни Кивиниеми пересох). Этот проект долго не осуществлялся в связи с тем, что в нижнем течении Вуоксы у Кякисалми [ныне Приозерск] находились богатые рыбные ловли, дававшие существенный доход монастырям (Валаамскому и Коневецкому). Однако Крым-

Илл. 107. Озеро Юрьяпянярви во второй половине XIX века.

Илл. 108. Озеро Раковое (прежнее название — Юрьяпянярви) в конце XX века.

ская война 1853–56 гг., затронувшая и Великое княжество Финляндское (в частности, английские военные корабли обстреляли и разрушили крепость Бомарсунг), подтолкнула российские власти к принятию мер по дальнейшему развитию транспортного сообщения, в том числе и водного. Таким образом, подрыв перешейка у Кивиниеми был осуществлен в сентябре 1857 г. прежде всего для того, чтобы сделать прямой водный путь из Лагоги в среднее течение Вуоксы. Руководители этого проекта полагали, что вода сама окончательно промоет и сформирует проход из Вуоксы в Суванто. Однако в связи с тем, что расчеты были проведены неверно, произошло следующее: у Кивиниеми образовались пороги, причем скорость водного потока на них достигала 9 метров в секунду, так что ни о каком прямом водном сообщении для судов не могло быть и речи. При этом уровень воды упал не только в самой Вуоксе, но и по всему ее водному бассейну. Естественно, после схода воды земледельцы получили дополнительные земли. Что же касается озера Юрьяпянярви, то оно обмелело особенно сильно и начало заболачиваться. К концу XX века Северное озеро постепенно превращается в сплошное покрытое болотной растительностью пространство.

Вот что рассказал нам петербургский краевед Владимир Иванович Смирнов, участвовавший в 70-х годах в изучении состояния Ракового озера по договору с институтом «Ленгипроводхоз», проводившего изыскательские работы в этом районе:

«В один из августовских дней 1962 г. около 12 часов дня в северной части озера Глубокое прогремел мощный взрыв, который был

Илл. 109. Прорванная паводком плотина, построенная в 60-х годах. Справа — остатки деревянных свай от моста, некогда соединявшего берега протоки. Фото В.И. Смирнова (1988 г.).

виден за 9 км. С этого момента и началась экологическая катастрофа как Раковых озер, так и самого озера Глубокое. Взрывом был углублен исток протоки, соединявшей этот водоем и озеро Охотничье (Муолаанлампи). Кроме того, была расчищена протока, напрямую связывающая это озеро с оз. Большим Раковым.

В результате этих безграмотных гидротехнических работ внешние воды, аккумулировавшиеся в Глубоком и постепенно подпитывающие через Ториковское болото всю систему Раковых озер, стали сбрасываться туда напрямую. Раковые озера быстро обмелели и начали интенсивно зарастать. Падение уровня воды на 1,5 м в озере Глубоком вызвало осушение многочисленных мелких заливов западного берега, служивших природными нерестилищами самых разнообразных рыб. Акция эта была проведена тогдашним руководством совхоза "Заря" с целью осушения заливных лугов в южной части озера Глубокое.

Начиная с 1964 года доктор биологических наук профессор Верещагин, старший научный сотрудник Зоологического института Академии наук СССР, начал пробивать идею восстановления гидрологического режима Раковых озер, которые к тому времени уже

находились под охраной ЮНЕСКО. В газетах «Смена», «Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград» и «Выборг» было опубликовано много статей по этому вопросу, поскольку на Раковых озерах, в частности, весной и осенью, пересекались миграционные потоки перелетных птиц – лапландский (Финляндия), кольско-беломорский, а также карский (островные птичьи базары). В отдельные годы на озерах останавливалось одновременно до 30–40 тысяч птиц, которые поднимали неимоверный гвалт, разносившийся на много километров.

В 1966–67 годах усилиями инспекторов-охотоведов на протоке, соединяющей Большое и Малое Раковые озера (местные жители называют ее почему-то «речка Чапаевка» или «Чапаевская протока»), из списанных железобетонных опор-«пасынков» телеграфных и телефонных столбов была возведена плотина с целью поднятия уровня Большого Ракового (т.е. Южного) озера. Сделано это было потому, что на озерах идет процесс постоянного их зарастания, что вызывает уменьшение площади водяного зеркала, на котором птицы отдыхают и кормятся. Однако в связи с тем, что плотина эта была сооружена наспех, без составления расчетов проекта, она была вскоре прорвана водным потоком, хлынувшим через протоку во время весеннего половодья.

В дальнейшем проблемой восстановления гидрологического режима озер занялся научно-исследовательский и проектный институт водного хозяйства «Ленгипроводхоз», начавший проводить изыскательские работы, которые, однако, не дали каких-либо существенных результатов в плане спасения этого уникального природного объекта.

В конце 70-х годов на Раковых озерах в течение двух лет работала летняя экспедиция ботанического отделения биологического факультета Ленинградского государственного университета. Была проведена гидросъемка (т.е. обмер береговой линии, определение расхода воды и состояния озерного зеркала), промерены глубины и составлен профиль озерного дна. При этом не подтвердилась версия о том, что дно Раковых озер покрыто слоем ила и сапропеля толщиной в несколько метров. Было установлено, что в ряде мест глубина не превышает 1–1,5 м, дно песчаное. С точки зрения гидрологии Раковые озера, имеющие биоактивный придонный слой, относятся к эвтрофному типу, то есть со временем они могут превратиться в болото. Озера можно спасти, если периодически осуществлять выкашивание камышей и тростника, а также очистку дна озера донными бреднями. Кстати, в свое время для выкашивания водной растительности местное охотхозяйство приобрело специальную косилку, которая,

однако, со временем пришла в негодность. В начале 90-х годов ее раскуроченный остов можно было видеть на территории охотничьей базы, что неподалеку от поселка Грибное.

В течение всего советского периода район Раковых озер был лакомым куском для всевозможных партийных и начальственных лиц, для которых местные егеря-охотоведы, будучи людьми подневольными, вынуждены были устраивать грандиозные охоты, в том числе и в периоды пролета птиц. Особенно часто заказник посещали первые секретари Ленинградского обкома КПСС – В.С. Толстикова, а затем сменивший его небезызвестный Г.В. Романов.

Последние годы принесли новую напасть на многострадальную жемчужину природы: ее берега стали застраиваться роскошными особняками «новых русских» и оккупироваться садоводческими товариществами, неочищенные стоки из которых прямококом пошли в Раковые озера».

МУОЛАА И ЭЮРЯПЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Разоренные войной земли Карельского перешейка стали постепенно заселяться новыми жителями, первыми из которых были путейцы-железнодорожники, присланные по мобилизации для восстановления разрушенного железнодорожного хозяйства еще осенью 1944 года. В январе 1945 года Государственный Комитет Обороны издает постановление «О переселении хозяйств колхозников в районы Карельского перешейка, входящие в состав Ленинградской области». На Украине, в Белоруссии, на Псковщине, в Вологодской, Ярославской и других областях появляются уполномоченные по вербовке переселенцев. Людей призывают ехать в новые места, обещая содействие и поддержку при обустройстве. Во многих случаях люди соглашались на это не от хорошей жизни: во время войны многие лишились жилья (в частности, на Украине и в Белоруссии), и предложение переехать в готовые дома такие люди воспринимали довольно охотно. Кроме того, переселяющиеся получали 5000 рублей подъемных на каждую семью (деньги по тем временам немалые), с них списывались все долги по натуральным поставкам, денежному налогу и страховым платежам, каждое хозяйство получало 1 корову, 2–3 овцы и 5–10 кур, были предусмотрены и другие льготы. Переселяли целыми колхозами: по действовавшему в те годы в СССР законодательству члены колхозов не имели паспортов, и поэтому они, соответственно, не имели другого выбора,

за исключением того, который им предлагался. Если партия и великий Сталин сказали «надо» – значит, надо, и попробуй послушаться, особенно когда ты связан с семьей и полностью зависишь от государства!

На отошедшей к СССР бывшей финской части Карельского перешейка было создано 6 административных районов: Выборгский, Кексгольмский, Койвистовский, Каннельярвский (позднее – Райволовский), Раутовский и Яскинский (по названиям районных центров – Выборг, Кексгольм (почему-то шведский вариант названия нынешнего Приозерска был более предпочтительным, чем «Кякисалми»), Койвисто, Каннельярви, Райвола, Рауту и Яски). Бывшие финские волости Муолаа и Эюряпяя в основном вошли в состав Раутовского района, точнее – его западной части. Названия населенных пунктов до поры до времени не менялись, поэтому при составлении отчетных документов – от уровня сельсовета до уровня Исполкома Ленинградского областного совета депутатов трудящихся – с финскими названиями происходили самые разнообразные метаморфозы. Например, название «Мяйттяля» с легкой руки какого-нибудь грамотея от аппарата управления превращалось в «Мистеля» или в «Метеля», «Каннила» – в «Кянила», «Саккалила» – в «Сокколила» либо «Сокколиль», «Сормула» в «Сормоло», «Хаттула» – в «Аттула», «Пяллиля» – в «Пяйло» и т. д. Уже одно это говорило о том, что новым властям все, связанное с финским периодом истории этих мест, было глубоко чуждо и враждебно. Чуждыми и враждебными были для них и люди, которые волею судьбы, под воздействием советской пропаганды или просто по глупости оказались в тылу наступавших советских войск и не ушли, как большинство их сограждан, в Финляндию (о судьбе одного такого человека речь пойдет в конце книги). Политика «великого переселения народов» коснулась и их, как только они оказались во власти сталинских уполномоченных. 7 мая 1947 года Совет Министров СССР издает распоряжение, а уже через неделю, 13 мая Исполком Леноблсовета принимает решение «Об удалении из Ленинградской области лиц финской национальности и ингерманландцев». Это решение обязывало Ленинградское областное управление МВД «в двухнедельный срок удалить в порядке паспортного режима из пределов Ленинградской области возвратившихся к местам прежнего жительства лиц финской национальности и ингерманландцев». При этом в паспорта этих людей проставлялись специальные отметки, запрещавшие проживание «в режимных местностях первой категории».

А как красиво все было поначалу! Сознательно или в силу обстоятельств оставшиеся в 1939 году на оккупированной Красной Армией финляндской

Илл. 110. Герой Советского Союза танкист Н. Русин беседует с оставшейся на месте молодежью финской деревни.

территории местные жители в общем-то не терпели притеснений со стороны советского командования. Более того, во многих случаях им не чинили препятствий, если они желали уйти в Финляндию. Политработники Красной Армии организовывали проведение бесед с этими людьми, разъясняли им то, что предписывала разъяснять официальная пропаганда. И люди верили им, отказывались от финляндского гражданства и принимали советское – в надежде на то, что жизнь их улучшится, не подозревая, что через какое-то время станут людьми второго сорта. В Кремле, как известно, были приняты решения, о которых армейские политруки в начале военных событий не могли и догадываться. Для «отца народов» и его подручных финская национальность являлась «контрреволюционной».

На заседании Военно-исторического общества при Ленинградском доме офицеров, состоявшемся 27 февраля 1996 г. и посвященном событиям Зимней войны, известный советский и российский историк Н.И. Барышников, отвечая на вопросы присутствующих, сказал, в частности, следующее: «Нужно иметь в виду: не мы выселяли, население могло остаться». Интересно, что бы сказал на это кто-нибудь из тех, кто все-таки остался, если бы присутствовал на этом заседании?

Конечно, были и такие финны, которые пользовались определенным расположением советских властей и не подлежали удалению из «мест прежнего жительства», что, кстати, юридически предусматривалось пунктом 1 вышеупомянутого решения: такое исключение делалось для «лиц

финской национальности и ингерманландцев – участников Отечественной войны, имеющих правительственные награды, а также членов их семей».

Понятное дело, этот «гуманизм» проявлялся, скорее всего, для показухи. Таких людей было не так уж и много, и в силу своей малочисленности они не могли способствовать сохранению финского этноса в Ленинградской области. Политика же партии и правительства была непреклонной: чухонскому духу здесь не место!

Новоприбывшие переселенцы из России, из Белоруссии и с Украины восхищались добротностью сохранившихся финских жилых и хозяйственных построек, ухоженностью полей и садов, качеством дорог. Об этом, в частности, повествует в своем рассказе давний хороший друг автора – краевед Владимир Иванович Смирнов, уже упоминавшийся нами выше.

«С 1949 года в течение нескольких лет мне довелось жить с родителями на хуторе Микоян (то есть это было подсобное хозяйство ленинградской фабрики имени А. Микояна, сейчас это поселок Глубокое, а при финнах эта деревня называлась Тааперниemi). Я хорошо помню, что в те годы дороги, оставшиеся от финнов, были ровные и еще не разбитые, однако со временем, поскольку по ним стали гонять наши трактора, они становились все хуже и хуже. Все дома в Тааперниemi сохранились, сохранились и приусадебные участки с вишнями и яблонями, на этих участках было также много ягодных кустов – плодовая разлапистая смородина, а также некий гибрид крыжовника со смородиной. Сохранились сараи, а в домах были финские печи, которыми вполне можно было пользоваться.

Переселенцы, приехавшие в Тааперниemi в 1946–47 годах, были из Ярославской и Вологодской областей, 1 семья (Антоновы) была из Рязанской области. Это были многодетные семьи, в них было по 3, 4 и 5 детей. 3 или 4 дома не были заселены и стояли пустые, и ребята лазали по ним в поисках интересного. Помню, что в одном из колодцев жители нашли швейную машинку «Зингер» и мешок со столовой посудой.

Рядом был соседний хутор, который назывался Монтажный, там было 4 дома, из которых 3 были заселены. Один из домов был очень большой, двухэтажный, его занимала семья Ивановых, в которой было 4 детей.

Недалеко от Микояна находился огромный и ухоженный парк с аллеями, мощеными булыжником. Там было большое разрушенное кирпичное здание, с провалившимся подвалом и красивой березовой аллеей, березы были толщиной в обхват. Местные жители называли эту аллею «аллеей Маннергейма», а разрушенное здание – «дачей Маннергейма» (по всей видимости, речь идет о развалинах бывшей усадьбы князя Салтыкова. – Д.О.).

У финских домов валялось очень много брошенного сельскохозяйственного инвентаря – косилки, плуги, бороны. В воде у берега было до 10 лодок, в том числе больших, некоторые из которых были подняты и отремонтированы. В озере Глубоком (Муолааньярви) было много рыбы – с берега удочкой на червяка ловились судаки весом на 3–4 килограмма и крупная плотва, а на донки ловили лешей весом до 8 кило. Как-то выловили даже огромного судака весом 18 кг. Когда после взрыва (см. главу «Знаменитое озеро Эюряпянярви. Прошлое и настоящее». – Д.О.) озеро обмелело, на удочку стала попадаться только мелочь, а судаки вообще исчезли.

Электричество в Микояне появилось только в конце 60-х годов, а до этого жили с керосиновыми лампами, хотя в домах висели старые патроны для лампочек и были вводы для подключения телефонных аппаратов. Дома были дошато-насыпными, с наполнением межстенного пространства опилками или шлаком.

В конце 50-х годов на берегу озера Большое Кирилловское (Перкьярви) находился колхоз «Заря». Хозяйство его было в упадке, поэтому на базе этого колхоза была создана звероферма, и все хозяйство, в том числе и сенозаготовки, получило название «совхоз Ленинское».

От финнов остался кирпичный завод. Существовала узкоколейная железная дорога до станции Перкьярви, по этой линии на завод доставляли необходимые дополнительные материалы, но в основном вывозили готовый кирпич к главной железнодорожной магистрали, который от станции Перкьярви уже везли дальше по назначению. Во время войны в трубе завода снарядом была сделана выбоина. После войны производство кирпича было возобновлено: жарко полыхали печи, бегали вагонетки с сырьем и готовым продуктом. На заводе в числе местных рабочих трудились и расконвоированные заключенные с условно-досрочным освобождением. По мере истощения местных глиняных карьеров производство кирпича постепенно сокращалось, пока не остановилось вовсе. В настоящее время здесь действует мелкое керамическое производство.

На станции Кирилловское (Перкьярви) была разветвленная система железнодорожных путей, имелся также поворотный круг для разворачивания паровозов. От этой станции начиналась пограничная зона, с проверкой документов (как известно, перенесение погранзоны за Выборг было осуществлено только в 1961 году. – Д.О.). Железная дорога была одноколейной, по ней ходил паровоз с 6–7 вагонами. В каждом вагоне в углу стояла печка, которую пассажиры топили дровами. Освещения в вагонах не было.

К западу от Кирилловского был испытательный полигон реактивного оружия с режимом повышенной секретности. Стрельбы там велись 6 дней в неделю, от взрывов в Микояне дрожали стекла. В дальнейшем этот полигон был преобразован в танкодром.

Южнее Микояна, в поселке Староселье (быв. Кескикюля; эта деревня в свое время состояла из четырех деревень поменьше, а именно Пююккеля, Орола, Яскеля и Норккола), расположенном рядом с озером, находилось правление колхоза «Восход», поэтому и сам поселок среди жителей тоже назывался Восход. Туда мы ходили в магазин – за продуктами и всем остальным, поскольку в Микояне своего магазина не было.

В Восходе был не только магазин, но и клуб, где по субботам устраивали танцы. На танцах иногда случались драки между подвыпившими молодыми людьми, которые вечно что-то не могли поделить между собой. Некоторые из них считали за особый шик заявиться в клуб с винтовочным обрезом под пиджаком – то был весьма серьезный аргумент, особенно если на одну девушку приходилось несколько ухажеров, и тогда бывало и так, что гремели выстрелы. Дело в том, что с окончания войны прошло всего несколько лет, и повсюду было разбросано много оружия, в придорожных канавах валялись патроны, причем в немалых количествах. Местные все это подбিরали и ташили в свои дома. Из винтовок парни при помощи ножовки делали обрезы, чтобы можно было, приняв для храбрости энное количество граммов «огненной воды» и засунув «игрушку» за пазуху, пройтись таким гоголем по деревенской улице или же, заявившись на танцы в клуб, показать соперникам, кто здесь настоящий мужчина. И вот однажды – было это в 1954 году – в клубе произошла очень серьезная потасовка, в результате которой несколько человек получили огнестрельные ранения. Через короткое время поселки Восход, Ленинское и Микоян были окружены милицией, и начались повальные обыски: у населения изымались оружие и боеприпасы. В одном из домов изъяли даже миномет.

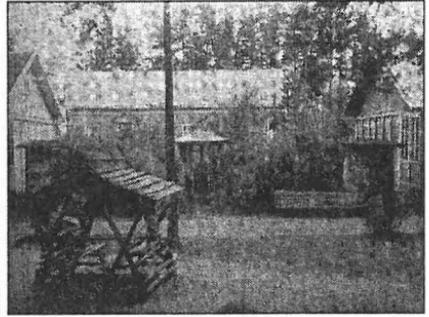
На восточном берегу озера Глубокое были картофельные поля, а когда вышло правительственное постановление об обязательных посадках кукурузы (было это уже при Хрущеве), то все эти поля были засажены кукурузой. Когда урожай созрел, на него больно было смотреть: початки жалкие, стебли низкие, да и вообще весь этот урожай был ни к черту!

Там же, ближе к поселку Стрельцово (финское название – Хотокка) находился детский пионерский лагерь высшего военно-инженерного училища им. Можайского (академии им. Можайского), южнее находились еще 2 пионерлагеря (так называемые «Белые дачи»), один из которых принадлежал Союзу художников.

Примерно в полутора километрах севернее Большого Ракового озера на группе камовых холмов в конце 1940-х – начале 50-х годов располагался засекреченный, с проволочным ограждением, испытательный стенд, где проводили испытания и запуски ракет. Стенд

Илл. 111. Пионерский лагерь «Восток-2» в поселке Овсяное (быв. Илола)

Илл. 112. Пионерский лагерь в поселке Волочаевка (быв. Ханттула).

этот находился в ведении академии им. Можайского, а посему среди местного населения это место так и называлось – «Академия». Там были наблюдательные бункеры, 2 стартовых стола и 2 металлические стартовые мачты-фермы.

В конце 60-х годов совхоз, поля которого находились в районе деревень Кузьминское (быв. Каукила), Зверевое (быв. Мьялькёля) и Барышево (быв. Пёлляккяля), как и большинство сельскохозяйственных предприятий Ленинградской области, своими силами не справляясь с прополкой и уборочными работами, и туда каждое лето и каждую осень направлялись т.н. шефы – рабочие завода им. Козицкого. При этом на 1–2 месяца в цехах завода приостанавливали производство, и людей посылали на сенокос и на уборку урожая (турнепса, картофеля, капусты).

В 1960-е годы по реке Булатной (быв. Салменкайта) было выстроено большое количество баз отдыха различных ленинградских предприятий и учреждений. На Шлюзе Гремучем, который имел также и другое название – Гремячая протока (быв. Паакколанкоски), раз в год проводились соревнования по лову рыбы на спиннинг.

С начала 80-х годов в пос. Барышево был организован летний лагерь труда и отдыха для т.н. «трудных» подростков. Аналогичный лагерь был создан также на восточном берегу озера Правдинское (быв. Кирккоярви) к югу от речки Красной (быв. Хималаноя) (лагерь этот назывался «РВС» – т.е. «Ребята Выборгской стороны»). Пользуясь не всегда достаточно жестким контролем со стороны воспитателей, некоторые из этих подростков, имея уголовные наклонности, совершали различные правонарушения – промышляли кражами и грабежами, доставляя немало огорчений жителям окрестных поселков. Были на совести этих «трудных» даже убийства: в частно-

сти, в начале 90-х годов в поселке Барышево на Вуоксе, у острова Телячий (быв. Васиккасаари) выстрелом из ружья был убит фермер, приплывший туда на лодке искать тех, кто накануне зарезал его корову, пасшуюся на лугу на северном берегу Вуоксы (это тоже было делом рук этих же ребят).

Но вернемся снова к району поселка Микоян, где неподалеку находится озеро Большое Кирилловское (быв. Перкъярви). На этом озере также останавливаются перелетные птицы, для подкормки которых на нем в середине 50-х годов был высажен канадский рис, который обычно произрастает в северных озерах. Однако в результате этого за короткое время этот рис практически заполнил все озеро, которое стало постепенно зарастать».

В конце 1947 – начале 1948 года сверху была организована кампания по переименованию населенных пунктов. Сельсоветам было дано указание в самые короткие сроки провести общие собрания граждан и предложения по новым названиям представить в Исполком Леноблсовета, первое заседание которого, посвященное данному вопросу, состоялось уже 10 февраля 1948 года. Стенограмма этого заседания, хранящаяся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, зафиксировала бурную дискуссию по отдельным предлагавшимся названиям, однако, несмотря на споры между участниками заседания, тем не менее ясно было одно: вопрос «переименовывать или не переименовывать?» на повестке дня не стоял, причем новые названия должны были быть обязательно русскими. На заседании Исполкома Леноблсовета 6 июля 1948 г. отчетливо прозвучала также и установка касательно национального состава населения бывших финских земель: «Мы имеем указание со стороны Центрального Комитета партии, если хотите – лично товарища Сталина, чтобы районы Ленинградской области были заселены прежде всего русским населением. Было специальное указание по линии Обкома партии и Облсполкома о подборе людей с учетом особенностей города Ленинграда».

Однако процесс переименования оказался довольно непростым. Уже принятые к утверждению названия то и дело кому-то не нравились, поэтому вопрос ставился на повестку дня и на последующих заседаниях Исполнительного комитета Ленинградского областного совета. По крайней мере, в 1948 году он обсуждался четыре раза, причем каждый раз некоторые новые названия подвергались повторной замене. При утверждении названий учитывались – помимо предложений из постановлений общих собраний трудящихся и решений сельских и районных советов – также географические и исторические факторы, в отдельных случаях ге-

лался прямой перевод финских названий. Причем переводчики, выполнявшие эту работу, не всегда имели возможность узнать историю происхождения того или иного названия. Если, например, название речки Сааретйоки (*Saaretjoki*), впадающей с северо-запада в озеро Муолаанъярви (Глубокое), еще как-то согласуется с ее новым названием – Островянка, (saari – остров, saaret – острова, хотя, впрочем, не исключено и то, что этимология старого названия совсем иная), то перевод названия «Юрьяпяняярви» (*Äyräpä njärvi*) так «озеро Раковое», конечно же, не лезет ни в какие ворота: теперь, когда читатель знает историю происхождения названия «Юрьяпя», он, конечно же, с этим согласится. А то, что переводчик взял за основу слово *äyriäinen*, означающее «рак, ракообразное существо», лишней раз говорит о незаинтересованности тех, кто им командовал, в правильной передаче смысла старого финского названия, – да это им было, в общем-то, и не нужно: главное – чтобы звучало по-русски!

Что же представляют собой Муолаа и Юрьяпя сегодня? Это прежде всего сельская местность, относящаяся в основном к Выборгскому району Ленинградской области. Часть бывшей финской волости Юрьяпя, находившаяся по другую сторону Вуоксы (деревня Вуосалми с прилегающими землями) относится к Приозерскому району, в состав которого входит также и небольшая часть территории волости Муолаа восточнее озера Правдинское (Кирккоярви). По состоянию на 1989 год это территории Красносельского (ок. 3000 человек населения), Кирилловского (пос. Завогской, Кирилловское, Кирпичное, Лейпясую, Ровное – примерно 1,8 тыс. жителей) и Житковского сельсоветов (по новой «демократической» терминологии их теперь принято именовать волостями), от бывшей волости Юрьяпя к последнему относятся поселки Барышево, Звереве и Кузьминское. Кроме того, 23 октября 1989 г. решением Исполкома Леноблсовета народных депутатов образован Красноозерный сельсовет, в который, в частности, были включены деревни Красноозерное и Силино.

Железная дорога Выборг–Валкъярви до недавнего времени действовала лишь до станции Житково (быв. Ристсеппяля), причем в последние годы поезда из Выборга по причине малого числа пассажиров и связанной с этим нерентабельности перевозок (с учетом наличия автобусного сообщения) ходили только до станции Вещево (быв. Хейнйоки), а дальше идет линия насыпей и выемок, используемая как обычная дорога, на которой, впрочем, кое-где можно встретить ушедшие глубоко в грунт шпалы, а там, где когда-то были станции – заросшие платформы с окаймлением из гранитных блоков. Рельсы и шпалы от Житково до Мичуринского были

Илл. 113. Небольшой семейный мотель (предназначенный в основном для размещения приезжающих посмотреть на свои родные места финнов) на месте бывшей Куусаа.

Илл. 114. Здесь раньше проходила железная дорога.

Илл. 115. Герб прихода Муолаа, созданный уже в послевоенное время.

Илл. 116. Территория Мболаа и Эюряпяя сегодня.

сняты воровским порядком в 50-х годах: движение по этому отрезку пути практически не осуществлялось из-за повреждений мостов и железнодорожного полотна. Дорога проходила тогда по территории пограничной зоны, которая в центре Карельского перешейка начиналась от линии «станция Кирилловское – северный берег оз. Глубокое – Раковые озера – р. Булатная (быв. Салменкайта) – южный берег Вуоксы». Таким образом, движение каких-либо железнодорожных составов от Мичуринского пограничным режимом не предусматривалось.

В советское время в совхозе «Ленинское» (бывший колхоз «Восход», пос. Староселье), помимо зверофермы по разведению пушных зверей, была также крупная свиноферма и несколько сот голов крупного рогатого скота. Когда началась перестройка и стала разваливаться система сельского хозяйства, поголовье скота стало сокращаться. Луга в районе бывшей финской деревни Вяйсянен перестали использоваться для сенозаготовок и постепенно заросли ольхой и ивняком. Несколько лет назад там появились два новых частных домовладения.

В Климово (быв. Ала-Куусаа), где располагалось хозяйство бывшего колхоза им. Жданова, а затем находился совхоз, до 90-х годов держали большое племенное стадо для выращивания молодняка крупного рогатого скота. За время перестройки эта отрасль хозяйства пришла в упадок, и пастбищные земли стали раздавать под дачно-коттеджное строительство.

В Барышево, несмотря на все экономические трудности, продолжают выращивать корнеплоды (здесь находятся поля местного отделения совхоза «Житково», на которых выращиваются картофель, капуста и кормовая свекла. Кормовая свекла идет, в частности, как фуражный корм для коров на расположенную в Житково молочно-товарную ферму, поставляющую молоко на Выборгский молокозавод.

Ни одно из прежних лесопильных предприятий ныне не существует: заводские постройки разобраны, и полученный при этом строительный материал был использован на различные местные нужды.

Крупное частное домовладение появилось на островке у бывшего шлюза Пааккола (ныне это Шлюз Гремучий). Там воздвигнута роскошная вилла, владельцем которой является один из народных депутатов. Будучи к тому же еще и хватким бизнесменом, он также создал предприятие по лесозаготовкам в Выборгском районе и выпуску пиломатериалов на своей пилораме с использованием наемной рабочей силы.

В целом же территории вышеуказанных сельсоветов (волостей) в настоящее время представляют собой зону коттеджно-дачно-садоводческого отдыха со всеми присущими данному явлению атрибутами. Летом и

осенью наблюдается особенно большой наплыв приезжих из Санкт-Петербурга, которые, к сожалению, не всегда относятся к окружающей природе с любовью и вниманием. В лесах все чаще можно встретить свалки бытовых отходов. Новое строительство иногда ведется без учета требований природоохранного законодательства: в современной России, где вопросы решаются наглостью и большими деньгами, главе местной администрации иногда бывает трудно устоять перед соблазном пополнить свои карманы внушительной пачкой «зеленых», поэтому и появляются дорогостоящие коттеджи там, где они появляться не должны.

Таким образом, если в 1939 году советские правители кричали о «безопасности северо-западных рубежей» (в результате чего ввергли СССР в две войны с Финляндией и на три года «обеспечили» блокаду Ленинграда с севера), то теперь на первый план выходят «экономические интересы», поскольку ныне Карельский перешеек – это настоящее «золотое дно» для тех, кто находится у власти и распоряжается судьбой страны.

В последнее время наметились и положительные тенденции в развитии отторгнутых финских земель. К примеру, расположенное на землях волости Муолаа акционерное общество (бывший совхоз) «Смена» после спада начала 1990-х гг. успешно ведет животноводство и работники его имеют по средним сельским меркам довольно приличную зарплату. Открываются новые магазины с широким ассортиментом товаров.

На Раковых озерах в содружестве с университетом Йоенсуу с привлечением средств из фонда Тасис ведутся орнитологические исследования, строятся наблюдательные вышки, ужесточаются природо-охранные меры. Медленно, но ведутся работы по созданию плотин с помощью финских партнеров. Уровень воды постепенно поднимается. Отрадно отметить, что снятие необоснованных запретов на посещение родных мест бывшими жителями привело к возрождению традиционных волостных праздников. Так, в начале лета регулярно приезжает группа волонтеров во главе Ааро Нявяненом для подготовки мероприятия, чистки и уборке территории бывшей церкви Муолаа, а спустя неделю на праздник прибывают сотни семей, выходцев с этих мест. В праздниках принимают участие не только старики, но внуки и правнуки тех, кто в детстве был вынужден покинуть родину. Нынешнее местное население все с большим пониманием относятся к таким гостям, серьезных эксцессов практически не замечено.

ДЕРЕВНИ ВОЛОСТИ МУОЛАА

Хотокка Hotokka [Стрельцово]

Деревня Хотокка (иногда употребляется вариант Хотакка) располагалась вдоль шоссе неподалеку от северо-западного берега озера Муолааньярви. Поселение это нельзя считать очень древним, поскольку его название отсутствует в налоговых книгах за XVI век (тем не менее следы пребывания людей на северном берегу озера Муолааньярви, относящиеся к каменному веку, все же отмечены: отдельные археологические находки, датированные этим периодом, говорят о том, что-какая-то стоянка древних охотников или рыболовов вполне могла находиться там в течение некоторого отрезка времени). Деревня состояла из двух частей – Верхней и Нижней. Известно, что первый дом, если ехать со стороны Выборга, принадлежал семейству Патья, один из представителей которого, Абрам Патья, в конце XIX века в течение 6 лет был председателем волостного собрания и один раз избирался депутатом парламента Великого княжества. В последующее время этот дом принадлежал инспектору жилищного хозяйства по фамилии Марьяла.

Чуть дальше открывались поля дер. Верхняя Хотокка (Иля-Хотокка), в которой насчитывалось около 10 домов. На перекрестке, от которого отходила дорога на Лейпясуо, находилось зажиточное хозяйство семейства Сунинен.

Там, где кончались дома Иля-Хотокка, направо шла дорога – к берегу озера, точнее – к заливу Ламмаслахти (в переводе – «Овечий залив»); она вела к находившейся там в свое время пилораме Ушанова, предпринимателя из Кююрёля (Красное Село). А менее чем в двух километрах от Верхней начиналась Нижняя деревня (Ала-Хотокка) – основная часть населенного пункта Хотокка. Дома и поля располагались по обе стороны шоссе. Здесь находилась школа, здание которой было построено в 1890 году – на живописном холме, откуда открывался прекрасный вид на озеро Муолааньярви. Через деревню протекала небольшая речка Хотойоки, в устье которой на берегу озера был общественный пляж. Далее вдоль берега располагалось несколько гач, построенных до 1917 года. Крайней из них была гача Зиллиакуса, преподавателя одного из учебных заведений. С ее крыльца открывалась великолепная панорама широкой синей глади озера Муолааньярви. В озере было много рыбы, а посему местные жители занимались не только возделыванием полей, но и рыбной ловлей.

В деревне Хотокка на 1917 г. значились следующие дачевладельцы: вдова вице-адмирала София Ивановна Реунов, статский советник Николай Соколов, Генеральный консул Йохан Михал Александр Иванович Фрауэн, девица Жозефина Сетофер.

В период советско-финляндской Зимней войны 1939–40 гг. деревня Хотокка оказалась в прифронтовой зоне. Жители из деревни к тому времени были уже эвакуированы в тыл, и дома стояли заброшенные. В первых числах декабря 1939 года части Красной Армии вышли к передовым укреплениям финской главной полосы обороны и стали предпринимать попытки ее прорыва. Из района Хотокка финны имели возможность периодически наносить артиллерийские удары через озеро Муолаанъярви по правобережному боевым порядкам наступавшей вдоль западного берега 24-й стрелковой дивизии. При этом финнами использовались, в частности, устаревшие по своей конструкции, на жестком лафете, 107-миллиметровые пушки образца 1887 года с боеприпасами раздельного заряжания, что немало удивляло советских артиллеристов и пехотинцев: для них это был уже давно пройденный этап, поскольку сталинское руководство СССР не жалело материальных ресурсов для постоянного совершенствования средств ведения наступательной войны, чего нельзя было сказать о руководстве Финляндии!

В середине февраля 1940 года финская армия была вынуждена начать отступление к Выборгу и к Пёлляккяля, и в Хотокка вошли части Красной Армии. Летом того же года в деревню прибыли первые советские переселенцы. В июле 1941 г. новоселы превратились в беженцев, а в 1942 г. в Хотокка стали возвращаться прежние ее жители. Здание народной школы к моменту их возвращения сохранилось, хотя и имело повреждения. После проведения ремонта в школе с осени того же года были возобновлены занятия. Однако, как впоследствии оказалось, времени было отпущено судьбой совсем немного – до июня 1944 года.

По окончанию боевых действий начинается второй этап советского переселения. В деревне Хотокка разворачивается подсобное хозяйство фабрики «Скорострел». 19 января 1948 г. 2-я сессия Тервольского сельсовета, ссылаясь на постановление общего собрания рабочих и служащих этого хозяйства, присваивает деревне Хотокка наименование «Северная». После рассмотрения дела в Леноблисполкоме название было заменено на «Стрельцово» с обоснованием: «в память погибшего бойца-разведчика Стрельцова К.В., похороненного в д. Хотакка». Топонимический идеологизм закрепили Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 января 1949 г.

Илл. 117. Окрестности Муолаа на карте 1913 г.

13 мая 1949 г. в деревне Стрельцово был организован колхоз им. Бугенного. 5 апреля 1950 г. колхозы им. Бугенного и им. Чапаева влились в укрупненный колхоз «Восход» Кирилловского сельсовета.

В настоящее время Стрельцово – это поселок дачного типа.

Муолаанкюля Muolaankylä [Грибное]

Поселение это возникло, по всей видимости, в связи со строительством в XVI веке «коронной» усадьбы Молагорд, о которой более подробно говорилось выше. Основная часть деревни располагалась вдоль речки Муолаанйюки, соединяющей озера Муолааньярви и Муолаанлампи. У моста через эту речку деревенские женщины обычно полоскали белье. На берегу речки находилась старая мельница, неподалеку от которой был красивый двухэтажный дом Тапонена – старшего заседателя суда. У шоссе и вблизи мельницы можно было видеть зигзагообразные невысокие валы – остатки некогда находившегося здесь старинного фортификационного сооружения – т.н. штерншанца, построенного русскими солдатами в XVIII веке. Следы этих валов, можно видеть там и в настоящее время; правда, зрелище предстает малоотрадное: новострой т.н. «новых русских» основательно испохабил это место, некогда считавшееся памятником истории.

Северо-западнее, куда шли лесная дорога (в сторону Хейнйоки) и тропинки, находилась другая часть деревни – селение Илвес. Там, у дороги на Хейнйоки и на склонах у озера Муолаанлампи находились хозяйства, владельцы которых имели фамилию Сеппянен, а также располагалась зажиточная усадьба Юхо Луукконена. К деревне Муолаанкюля относились также хозяйства поселка Мутаранта, располагавшегося на западном склоне гряды, разделяющей озера Муолаанлампи и Эюряпянярви.

В начале 20-х годов XX века на территории деревни были развернуты масштабные строительные работы по сооружению Главной полосы обороны линии Энкеля. В конце 1930-х эти работы были продолжены. Всего финские фортификаторы возвели здесь 21 железобетонное укрепление. Укрепузел Ми (Муолаа) включал в себя 11 пулеметных и 1 артиллерийский ДОТ, 2 командных пункта и 5 укрытий. В декабре 1939 г. Красная Армия была остановлена в 14 км от этих укреплений на линии Ойнала-Валкьярви. Бои за УР «МУ» начались 17 февраля. Неся тяжелые потери части 8-й и 136-й сд за 10 дней «прогрызли» железобетонный пояс, прикрывавший межозерное дефиле Муолааньярви-Эюряпянярви.

В вихрях двух последних войн прежнее население деревни полностью исчезло. На обжитые ими места переселились выходцы из Советского Союза. В истории деревни наступил коренной перелом.

19 января 1948 г. 2-я сессия Тервольского сельсовета, ссылаясь на постановление общего собрания граждан, присвоила деревне Муолаанкюля наименование «Грибная». Переименование было закреплено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 января 1949 г.

В настоящее время населенный пункт Грибное представляет собой небольшой комплекс коттеджной застройки, а в Илвесе расположено новое одноименное фермерское хозяйство.

Кангаспелто Kangaspelto – Новая Деревня [Искра]

В налоговых книгах шведского периода за 1553 и 1554 годы имя собственное «Кангаспелто» фигурирует как фамилия крестьянина без упоминания о существовании деревни – таким образом, есть основание предположить, что данное поселение появилось до середины XVI века; многие финские деревни на Карельском перешейке образовались с приходом в те или иные места на постоянное жительство крестьян-первопоселенцев с конкретными фамилиями, давшими деревням такие же (или созвучные) названия.

Как уже отмечалось выше, деревни вдоль Старой русской дороги – кратчайшего пути на Выборг – обезлюдели в результате Северной войны, в том числе и Кангаспелто. После расселения в этих местах графом Г.П. Чернышевым своих крепостных крестьян новый населенный пункт стал называться Новой Деревней (впрочем, после отделения Финляндии от России на всех финских официальных картографических изданиях он фигурировал исключительно как Кангаспелто, хотя русское название неофициально все же сохранялось в разговорах среди русских жителей).

Кангаспелто – Новая Деревня – была отстроена по типу старых русских деревень: по обе стороны шоссе стояли серые деревянные дома, фронтонами к дороге. Окна были с наличниками, украшенными резьбой. Жители возделывали свои приусадебные участки, расположенные по другую сторону домов, наделы эти были небольшие, земля была песчаной, однако некоторые селяне имели также участки на наносных (т.е. образовавшихся в результате водоспуска) землях у озера Эюрпяняярви. С левой стороны дороги (при движении по шоссе от Выборга) стояла деревянная церковь Иконы Казанской Божьей Матери, построенная в свое время на средства купца Шилова и перевезенная сюда из Каннельярви. По противоположную сторону дороги находилось старое здание народ-

ной школы. В деревне было два магазина: один принадлежал купцу Шилу, а хозяином второго был финн, Эйно Суокас. Несколько домов стояло и вдоль дороги, отходящей вправо, на Тервола, неподалеку от перекрестка. В частности, одним из дворохозяев в этой части деревни был финн Оскар Харью, его хозяйство всегда было хорошо ухоженным.

Поскольку приусадебные участки у многих были не очень большие, а почва бедная, то жители деревни занимались на малярные, дорожные и прочие работы на стороне. Кроме того, они занимались также и рыболовным промыслом: рыбу ловили как в Муолаанъярви, так и в Эюрпянярви. Некоторые славились искусством вязать мережи, которые пользовались спросом и у рыбаков, живших за пределами волости Муолаа.

В Кангаспелто в 1885 году была открыта церковно-приходская школа. По данным за 1906 год, в ней был 1 учитель и 34 ученика.

Удобное для обороны в случае военных действий межозерное дефиле (между озерами Муолаанъярви и Муолаанлампи) еще в 1920–1930-е годы было перекрыто противотанковыми и противопехотными заграждениями, а также дерево-земляными и железобетонными сооружениями, входившими в систему Главной оборонительной полосы линии Энкеля. На этом участке наступали части 43-й стрелковой дивизии РККА, которые овладели этими укреплениями в феврале 1940 года.

События двух прошедших войн стали причиной трагического исхода прежнего населения. Переселенцы, прибывшие сюда в 1940 году и после 1944 г., не имели ничего общего с теми, кто жил здесь до них. 19 января 1948 г. 2-я сессия Тервольского сельсовета, ссылаясь на постановление общего собрания рабочих и служащих подсобного хозяйства завода «Ильич», присвоила деревне Кангаспелто наименование «Северная». Однако, спустя полгода по предложению комиссии по переименованию деревня получила другое название – «Кучерово» с обоснованием: «в память воина Советской Армии Кучерова Е.Ф., похороненного в д. Кангаспелто». Через некоторое время название «Кучерово» было перенесено на другой населенный пункт (Вейккола), а деревня Кангаспелто по решению исполкома райсовета получила новое название – «Искра». В настоящее время населенный пункт с этим названием официально именуется хутором и представляет собой дачный поселок.

Суденоя Sudenoja – Развоз

Свое старое финское название деревня получила в свое время, по всей видимости, от небольшой протекающей неподалеку речки. Слово «Суденоя» означает в переводе «Волчья канава» – не исключено, что так когда-то могла называться небольшая речка Исяйоки – Ysäjoiki [ныне – р. Искрица], текущая из оз. Искъярви в озеро Эюряпяняярви, мост через нее находился примерно в километре от перекрестка, на котором была расположена деревня. Дома в деревне были такие же, как и в Кангаспелто, однако поля были побольше и земли были более плодородные. Русское название «Развоз» появилось с поселением в этих краях русских крепостных крестьян в начале XVIII века.

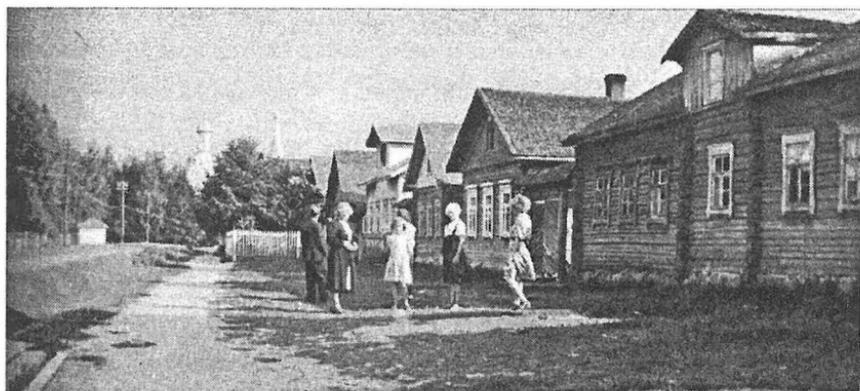
Войны XX века заставили жителей покинуть эти места. Дважды пытались осваивать деревню советские переселенцы, коренным образом изменившие традиционную систему крестьянских угодий.

19 января 1948 г. 2-я сессия Тервольского сельсовета присвоила деревне Суденоя наименование «Среднегорье». Под этим названием деревня просуществовала очень недолго. В настоящее время место это является нежилым.

Кююрёля Куургölä – Красное Село [Красносельское]

Название это появилось еще в шведские времена, очевидно, в XVI веке, от фамилии «Кююрё», уже упоминавшейся выше. С приходом на Карельский перешеек Петра Первого и доставкой на новое поселение русских крепостных появилось название «Красное Село» (см. гл. «Русское население в Муолаа»).

Крайние дома северо-западного конца деревни были видны почти от самой Суденоя, однако сам центр располагался в 4 километрах. От центральной части деревни, которая являлась средоточием русской хозяйственной и торговой жизни на Карельском перешейке, открывался прекрасный вид на озеро Искъярви. Здесь отходили дороги к западу, к деревне Ойнала, что на восточном берегу оз. Муолаанъярви, и к востоку, к лютеранской церкви прихода Муолаа. У второго перекрестка стояли аптека и кооперативный магазин. Рядом горделиво возвышался православный Божий храм – образец русского церковного зодчества, считавшийся в Финляндии самым красивым православным храмом. Его внутреннее убранство отличалось богатой иконописью и обилием ценных, в особенности серебряных, украшений.

Илл. 118. Деревенская идиллия. 1930-е годы.

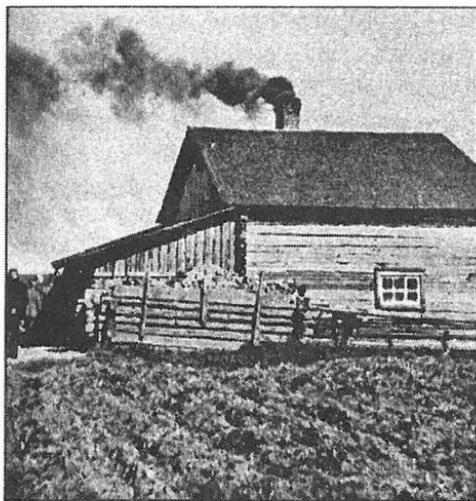
Рядом с церковью стоял дом волостного лекаря. По правую руку находились большое здание школы и здание суда, в котором располагались также почта и телефонный коммутатор, неподалеку, на поле, находились пилорама и мельница, принадлежавшие семейству Ушановых. Согласно данным за 1906 год, в школе работали 2 учителя и было 79 учеников. Между школой и зданием суда находилась усадьба приходского священника. По другую сторону дороги напротив здания суда находилось сохранившееся с царских времен здание бывшей казармы для офицеров-резервистов, которое в свое время построил Назаров – последний владелец поместного имения Кююрёля, уже упоминавшийся выше. Здание это было окружено прекрасным парком. Ближе к берегу озера находилось большое здание центра военной подготовки, принадлежавшее министерству обороны страны. Это была отремонтированная и переоборудованная бывшая казарма для нижних чинов резервной роты.

По данным уже упоминавшегося выше Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге, в Красном Селе (Кююрёля), в дореволюционный период было зарегистрировано 2 дачных участка, владелицей которых была жена коллежского ассессора Альма Эдвардсон Винделбант.

Дома в Кююрёля были аккуратными и ухоженными, фронтонами выходящими на дорогу. Они стояли плотными рядами, на русский манер, по обе стороны шоссе, между ними стояли наглухо закрываемые украшенные деревянной резьбой ворота. Окна домов имели выкрашенные и оформленные резьбой наличники, дворы и дорожки были чисто подметены.

Драматические события 1917–18 гг., развернувшиеся в Кююрёля, подробно описаны в главе «Грозовые годы».

Значительная часть полей деревни находилась на склоне, идущем от шоссе к озеру. Поля были большие по сравнению с теми, которые были в трех других русских деревнях. Помимо выполнения работ на своих полях, жители стремились иметь и побочные приработки. Они занимались, в частности, в маляры, а также на кирпичное производство (в частности, на кирпичный завод князя Салтыкова). Однако основным промыслом, благодаря которому Красное Село (Кююрёля) приобрело широкую известность по всей Финляндии, было, конечно же, гончарное производство.

Илл. 119. Деревянное здание гончарной мастерской.

В 1930-х годах в селе насчитывалось почти 60 обжигных печей-горнов.

Из примерно двух с половиной сот хозяйств деревни в 30-е годы финских было всего 5 или 6, среди них дома Пикканенов: финны, постоянные жители, появившись в Красном Селе только в конце XIX века. В частности, Пикканены содержали постоянный двор.

Войны XX века дважды заставляли жителей деревни покидать свои дома, в которых водворялись советские переселенцы, меняя все вокруг на свой манер. О первых колхозниках 1940 г. сведений не имеется, но известно, что в 1946-47 гг. в Кююрёля было переселено 25 семей из Кировской области. В начале 1948 г. по решению исполкома сельсовета за деревней Кююрёля было закреплено название «Красное Село», которое в дальнейшем трансформировалось в «Красносельское». В данном случае можно говорить о восстановлении русского исторического имени поселения, которое существовало здесь прежде.

В ноябре 1949 г. при разукрупнении Климовского сельсовета Сосновского района был образован Красносельский сельсовет, который просуществовал до ноября 1960 г., когда в ходе последующего объединения сельсоветов, Красносельский был ликвидирован и появился новый – Правдинский. В поселке Красносельское и ныне имеется здание администрации, Дом культуры, почтовое отделение. В местной школе создан небольшой краеведческий музей. Разграбленное в советскую эпоху православ-

ное кладбище частично приведено в порядок потомками бывших жителей Кююрёля, живущих ныне в Финляндии. На фундаменте православного храма воздвигнут деревянный крест.

Паркила Parkkila – Паркино

Деревня (также русская) начиналась практически сразу же за южной околицей Красного Села – Кююрёля. Большая часть домов была расположена вдоль шоссе, поля находились на северо-западной стороне, на склоне, спускавшемся к Паркинскому озеру (Парккиланлампи). Дома были маленькие, земельные наделы также были небольшими, в почве было большое количество камней. В первую очередь в глаза бросались старинный купеческий дом, принадлежавший наследникам купца Лукьянова, магазин «Акционерной торговой сети Карельского перешейка» («Каннаксен Осууслиике»), а также здание школы, располагавшееся на южной окраине деревни.

В дореволюционных списках владельцев дачной недвижимости в деревне значатся агроном Павел фон Сааланг и госпожа Эмилия фон Коллер, жена надворного советника Любовь Алексеевна Сеест, Аглауда Сеест и вдова Пелагея Федоровна Поголокая.

Деревня просуществовала до зимы 1939 г. В начале декабря она оказалась на передовой линии. Именно здесь оборонявшимся финским частям удалось на 2 месяца задержать продвижение Красной Армии вглубь Финляндии. Эту линию фронта финны и окрестили «линией Маннергейма». Никаких долговременных железобетонных сооружений в районе окрестных деревень не существовало. Единственным препятствием была линия противотанковых надолб, сложенная из валунов. Постоянные артобстрелы полностью уничтожили деревню, которая, по видимому, более не восстанавливалась. В настоящее время на ее месте заброшенная пустошь.

Сойттола Soittola [Подгорье]

Примерно в 7 километрах от последней деревни русского района Кююрёля находилась финская деревня Сойттола [ныне на этом месте находится заново отстроенный поселок Подгорье, расположенный на Выборгском шоссе). Деревня появилась предположительно в XVII веке, в период относительного затишья после нескончаемой череды войн и заключения в 1617 году Столбовского мира. В XVIII веке во всей деревне было только 3 дома – это крестьянские хозяйства Кантее (в официальных документах – Cande), Мякеля и Палопоски, к 30-м годам XX века домов было

около двадцати. На холме Вярямяки (букв. «Кривая горка») была развилка, от которой отходила дорога, идущая вдоль северного берега озера Вуотъярви [ныне оз. Волочаевское]; на этом перекрестке находилось здание «Молодежного общества Вуотъярви». Дома деревни были расположены по возвышенным местам. Жители деревни были мелкими земледельцами, поля у них были небольшие, однако в результате проведения работ по водоспуску из оз. Вуотъярви крестьяне получили дополнительные площади под пашни и луга. Мужики деревни в старые времена, т.е. до революции, занимались мелкой торговлей, возили, к примеру, вторсырье (тряпье, вышедшую из употребления одежду) в Санкт-Петербург, где сгавали груз скупщикам.

Рядом с постройками хозяйства Палопоски находилась народная школа. Тут же, у дороги, находился магазин, который держали представители семейства Кантее (последним его владельцем был Йоосеппи Кантее).

Из русских гачевладельцев в деревне Сойттола жили аптекарь Геронимус Казимирович Контрымович и статский советник доктор Василий Федорович Мартынов.

Минуло три десятка лет, три войны и наступила пора коренных преобразований. С приходом советских переселенцев в Сойттола все стало быстро меняться – от системы хозяйствования до названия деревни. В 1946-47 гг. в Сойттола было переселено 8 семей из Кировской области. Решением исполкома Пихлайненского сельсовета депутатов трудящихся от 12 июля 1947 г. селению Мойсангер было присвоено наименование «Подгорье», а деревне Сойттола – наименование «Высокое». При укрупнении хозяйства селение Мойсангер было объединено с селением Харвола под общим названием «Подгорное». Со временем это название переходит на находящееся в стороне селение Вярямяки. Селение Сойттола вскоре также сменило название на «Волочаевку». Какими причинами было вызвано появление такого названия, остается неизвестным. Вероятно, кто-то пытался перевести на русский название протекающей рядом речки Хяркяйоки, которая также получила новое название – Волочаевка. В этом случае буквальный перевод означает – «Бычья» или «Воловьёва река». Переименования были закреплены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 января 1949 г. В ходе укрупнения хозяйства к Сойттола были присоединены соседние селения Кархула и Ханттула, получившие автоматически то же название «Волочаевка». В настоящее время поселок Волочаевка объединяет остатки разрозненных бывших финских деревень.

Ханттула, Кархула *Hanttula, Karhula [Волочаевка]*

Деревня Ханттула существовала во всяком случае уже в XVII веке, поскольку в поземельных книгах этого периода упоминаются фамилии ее жителей – Кархи и Карху. А в деревне Кархула крестьяне с фамилией Карху» жили еще в XVI веке.

Эти деревни располагались у восточной оконечности озера Вуотъярви, по которой проходила административная граница волости Муолаа с волостью Кивеннапа. Поля их были на склоне, спускавшемся к югу, в сторону озера Вуотъярви, а также к востоку, в долину речки Вуотъяйоки (другое название – Хяркяйоки) [ныне – р. Волочаевка]. Жители этих деревень одно время занимались заготовками сена, которое возили продавать, в частности, в Сестрорецк. В предвоенные годы основным их занятием было картофелеводство: почвы (т.е. разогреваемые солнцем поля, расположенные на склонах) были вполне благоприятными для этого вида сельского хозяйства. Помимо раннего картофеля, который возили на рынок в Выборг, выращивали т.н. технический картофель.

В деревне Ханттула находилось, в частности, зажиточное хозяйство Юсси Кархи, который одно время занимал должности в административных волостных структурах. А из деревни Кархула происходил известный в волости род Поутуайненов, некоторые представители которого поселились впоследствии в деревне Каукула; из них наибольшей известностью пользовались Юхо и Туомас Поутуайнены, депутаты финляндского Сейма от волости Муолаа. В Кархула имелся также магазин, которым владел торговец по фамилии Мойсангер. Согласно народному преданию, его дальний родственник в старые добрые времена служил в чине капитана в крепости Нотебург (Орешек).

Из русских гачников, проживавших в Кархула до 1918 г. отметим следующих: представитель голландских, датских и американских фабрик и заводов, владелец Технической Конторы «Т.К. Веше», потомственный почетный гражданин Торвальд Карлович Веше, его брат Йохан Карлович Веше, агент Страхового общества «Россия» статский советник Георг Юльевич Эльстер, Георг Бейльштейн, г-жа Наталья Зелевровски, вдова Эмилия Федоровна фон дер Остен-Дризен.

После 1940 г. в деревне не осталось ни одного человека. Перезаселение велось плановым порядком, 1 августа 1940 г. на территории Раутовского района Ленинградской области был создан Пихлайненский сельсовет, в который в том числе вошли деревни Кархула и Сормула. Этот сельсовет возобновил свою деятельность в 1944 г. В деревне Ханттула был организован колхоз «Красный Партизан», в который в 1946-47 гг. приехали переселенцы из Кировской области.

Илола Ilola [Овсяное]

Местные жители называли эту деревню также «Илокиюля», что в переводе означает «Веселая деревня». Она располагалась в северной части восточного берега озера Сууляярви [ныне оз. Нахимовское], вытянувшись на 4–5 километров. Поля находились на склонах, спускавшихся в сторону озера.

Название деревни дается в документах XVI века с упоминанием о жителях с фамилией Ряттё. В XVIII веке фамилий уже несколько: это Хянинен, Лаало, Луукка, Мяттянен, Сеппянен, Виролайнен.

Народная школа в деревне была открыта еще в 1904 году, первое время она располагалась в арендуемых помещениях, а в 1905 г. было отстроено и само здание для нее – в центре деревни, на краю ровной поляны. Жители, помимо работ на своих полях, занимались также рыбной ловлей на озере.

Из рода Луукка, представители которого жили в этой деревне с XVIII века, наиболее известным выходцем был Эмил Луукка, в 40-х годах XX века – член финляндского парламента, а также активный руководящий деятель созданного в 1940 году «Карельского Союза»*, а представители рода Мяттянен в течение 20 лет занимали должности в местных муниципальных органах власти. Из хозяйств деревни только третья часть были самостоятельными, то есть существующими за счет доходов от воз-

* Эта общепинляндская неправительственная организация, созданная для оказания помощи переселенцам с отторгнутых Советским Союзом в марте 1940 года финляндских земель, в настоящее время осуществляет организационную поддержку культурно-просветительской деятельности волостных землячеств, представленных выходцами с Карельского перешейка и из Приладожской Карелии: при ее содействии организуются фольклорные праздники, культурно-исторические массовые мероприятия, ностальгические поездки по родным местам, выпуск печатной продукции. В Советском Союзе, а ныне в Российской Федерации всегда было принято официально именовать эту организацию «реакционной» и «реваншистской», российские спецслужбы (в частности, ФСБ, а также контрразведывательные структуры Федеральной пограничной службы) занимаются сбором информации о наиболее авторитетных деятелях «Карельского Союза», пытаются вербовать агентов среди имеющих по роду своей исследовательской деятельности деловые контакты в «Карельском Союзе» российских граждан, организуют публикации заказных клеветнических материалов в российской прессе, направленных на компрометацию его деятельности, и так далее. (Д.О.)

дельвания своих полей, содержания скота и занятия рыбной ловлей, а владельцам остальных приходилось искать приработки на стороне.

В Илола существовал также самый крупный в довоенные годы на Карельском перешейке зверопитомник по разведению лисы. Владелец его был Сократес Когевинос – по всей видимости, грек по происхождению.

До революции среди гачников в деревне Илола значились следующие лица: вдова почетного гражданина Августина Федоровна Кинерт, потомственный почетный гражданин прапорщик резервист Евгений Евграфович Сабинин, пот. поч. гражданин Леонид Константинович Белау, вдова Елизавета Николаевна Чековская и Иван Борисович Бакланов, купец Арвид Оттонович Трейблют, архитектор Аксель-Рафаэл Алексеевич Санггольм, купец 1-й гильдии пот. поч. гражд. Густав-Евген-Августин Фрикке, доктор Федор Прокопович, дочь мещанина Антонина Флимоновна Шатерина, г-жа Ольга Миндер и девица Евгения Миндер, протоиерей Василий Иоаннович Поле-таев, на дворный советник Николай Петрович Соловьев.

Коренной перелом в истории деревни наступил в 40-е гг. XX века, когда в ходе известных войн на Карельском перешейке полностью сменилось население. Прибывшие в Илола переселенцы переименовали все на «новый» социалистический лад. В 1944 г. в деревне разместилось подсобное хозяйство Государственного оптического института. Решением исполкома Перк-Ярвского сельсовета от 18 января 1948 г. со ссылкой на постановление общего собрания рабочих и служащих этого хозяйства деревне Илола было определено переводное название «Веселая», но через полгода чиновники ЛенОблсполкома переименовали деревню в «Овсяное».

Перкъярви Perkjärvi

[станция Кирилловское и поселок Кирпичное]

Деревня Перкъярви, располагавшаяся у южной оконечности одноименного озера, от которого и получила свое название (оно происходит, по-видимому, от каких-то старых поверий, связанных с нечистой силой («Перк» – это, по всей видимости, усеченная форма от слова «перкеле» («черт», «дьявол»), и упоминавшаяся в шведских поземельных документах XVI века (в частности, за этот период упоминаются также фамилии жителей – Хянинен, Хенттинен, Мякеляйнен, Маннинен), одно время была ничем не примечательной небольшой деревенькой в глуши Карельского перешейка. Однако с началом гачного строительства в XIX веке и производственной деятельностью князя Салтыкова (в финских текстах его фамилия дается искаженно – «Солтикофф» (Soltikoff), основавшего здесь в 1900 году кирпичное и лесопильное производство, захолустная дерев-

Илл. 120. Станция Перкъярви в начале XX века. Репродукция со старой открытки.

ня постепенно начинает превращаться в довольно оживленный центр. Этому также немало способствовало и открытое в 1870 г. железнодорожное сообщение Санкт-Петербург – Гельсингфорс (Хельсинки): была построена станция, получившая название Перкъярви, вокруг которой началась интенсивная застройка, и со временем образовался станционный поселок, в котором к концу 30-х годов было более 200 домов.

В самой же деревне Перкъярви домов к этому периоду насчитывалось 94. Среди жителей возвышенные участки местности, на которой располагались хозяйства, было принято именовать «мяки» (т.е. «горка»): Йоросмяки, Лайхасмяки и Хяннисмяки (то есть от фамилий Йоронен, Лайханен и Хяннинен). С южной окраины были леса Саарикорпи и Оякорпи, а также болото Йоммассуо.

Список владельцев дачной недвижимости в дореволюционный период был довольно солидный: директор петроградской ссудной Казны действительный статский советник Анатолий Иванович Пукарев, купец Дмитрий Николаевич Сухов, вдова титулярного советника Альбертина Кнох, Яков Хаген, Прасковья Васильевна Семенова, вдова Эмилия фон дер Остон Дриезен, корабельный инженер и владелец Пгр. Технохимического завода «Якорь» генерал-майор Константин Яковлевич Аверин, лейтенантша Екатерина Яжковски, вдова тайного советника Александра Ипполитовна

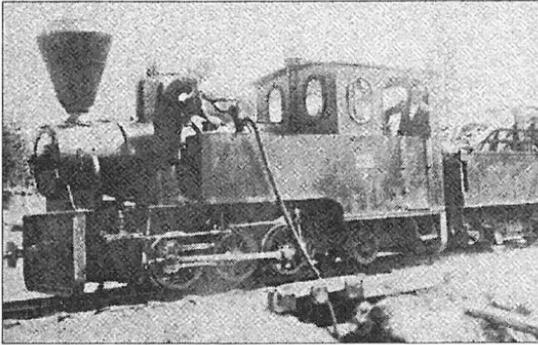

Илл. 121. Вид на карьер Виеруста

Сент-Илер, купец Отто Спеннеман, дворянка Анфиса Гавриловна Нехлюдова, дворянин Александр Александрович Нехлюдов, дворянка Пелагея Михайловна Яковлева, действительный тайный советник Николай Георгиевич Колоколов, Лео Йоганн Эрдман фон Вулчиховский, кандидат юриспруденции присяжный поверенный Александр Вильгельмович Блотнер, мещанки Глафира Степановна и Анна Васильевна Ушаковы, Александр Лаврентьевич Федоров, акушерка Евдокия Игнатьевна Васильева.

Кирпичный завод, основанный, как уже говорилось выше, князем Салтыковым в 1900 году и работавший, по рассказам послевоенных новопоселенцев, некоторое время и после войны, был соединен со станцией узкоколейной железной дорогой (в основном для подвоза материалов и отправки готовой продукции). В настоящее время рельсов на узкоколейке нет, и эта линия используется как обычная лесная дорога.

Кроме того, от станции Перкъярви отходила тупиковая ветка на запад, к карьере Виеруста (Виерустенмяки), использовавшемуся в том числе и для военных целей. Дело в том, что западнее, уже на территории волости Уусикиркко, располагался крупный военный полигон, где велись, в частности, артиллерийские стрельбы, а в августе 1939 года были проведены большие военные маневры, завершившиеся торжественным прохождением войск, проведенным в Выборге. К этому карьере подго-

Илл. 122. Паровой локомотив для узкоколейного полотна. Два таких паровоза использовались в 1930-е годы на кирпичном заводе «Савикко» для транспортировки грузов по заводской узкоколейке.

няли эшелоны с военными материалами, там производилась как выгрузка, так и погрузка.

Полигон, созданный в районе Каукъярви – Бобошино еще в 1913 году для нужд царского военного ведомства и называвшийся до революции «Николаевский артиллерийский полигон», функционирует и в настоящее время: в тех местах расквартирована 138-я отдельная мотострелковая бригада особого назначения (миротворческая), сформированная на базе 45-й гвардейской дивизии (бывшая 70-я стрелковая дивизия) – то есть регулярно организуются боевые стрельбы, в том числе из тяжелого вооружения, проводятся обучение танковых экипажей вождению техники по пересеченной местности и другие военно-учебные мероприятия.

К концу 30-х годов население станционного поселка Перкъярви насчитывало почти 1000 человек. В поселке работал магазин «Акционерной торговой сети Карельского перешейка» («Каннаксен Осууслиике»), имелись также 3 частных магазина (фамилии хозяев – Кекки, Химанен и Суокас), почтовое отделение, телефонный коммутатор, аптека, Дом шюцкора, спортивная площадка. Недалеко от станции находилась фабрика макаронных изделий. Было также две народные школы – одна с западной от железной дороги стороны, а другая с восточной. Был также молитвенный дом, а недалеко от западной части северной оконечности озера Перкъярви располагался детский дом с прилегающими постройками, получивший название «Ластенкюля» – «Детское село». Рядом находилась православная церковь, относившаяся к православному церковному приходу Кююрёля. На небольшом расстоянии от церкви находилась известная в округе мастерская по производству конской упряжи, хозяином которой был А. Хяликкя. Очевидно, в том же районе находилась частная санатория, где последние годы своей жизни провел композитор А.С. Аренский. Он скончался там 13.02.1906. Неподалеку от стан-

Илл. 123. Хор Перкьярвинского отделения «Лотта Свард» на Празднике песни в Хельсинки. Снимок сделан на Сенатской площади в 1931 году.

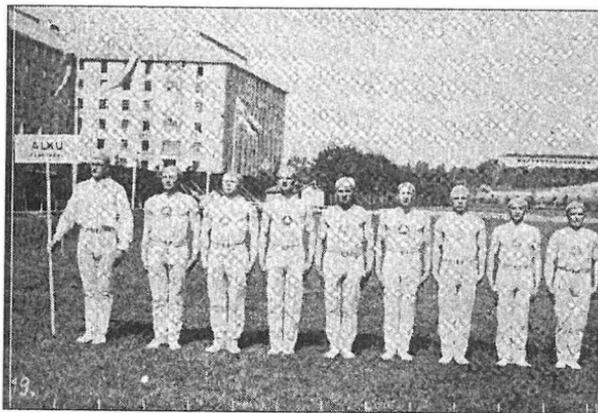

ци с западной стороны от железной дороги было небольшое озеро Перкойсенъярви (в переводе «Чертенячье») – очень удобное для местных жителей место для купания, а также плавание на лодках.

В 1920 г. в Перкьярви была создана своя территориальная единица общешляндской организации «Охранный корпус» («Шюцкор», «Суойелускунта»). Ее первым руководителем (местным начальником – *raikallispä ilikkö*) был начальник станции А. Ловен. В дальнейшем руководителями были младший лейтенант («вянрикки») запаса Э. Халтиавуори, мл. лейтенант запаса А. Кекки, сержант шюцкора Э. Толванен и мл. сержант шюцкора Э. Эрякорпи. В том же 1920 году было образовано также и Перкьярвинское отделение женской организации «Лотта Свард». Перед началом Зимней войны его руководящее звено представляли: Хельви Хямяляйнен (председатель), Катри Кекки (заместитель председателя), Эльса Холопайнен (секретарь), Линда Хямяляйнен (казначей), Тильда Кекки (начальник снабжения), Мартта Хяликкя (начальник медсанчасти), Айно Куйвалайнен (начальник снабжения), Эльса Паарто (начальник канцелярии).

Перкьярвинское отделение общества домохозяек «Мартта» было создано относительно поздно, лишь в 1937 году, однако, как отмечают авторы используемой нами в качестве основного источника книги «Муолаа и Юряпяя», работа его за оставшиеся до начала войны два года была довольно активной.

В 1921 г. было создано также спортивное общество «Алку» («Начало»). В нем были секции легкой атлетики, борьбы, бокса, лыжного спорта, гимнастики и бейсбола. Наибольшей известностью пользовалась, однако, команда гимнастов, выезжавшая на соревнования и чемпионаты, в частности, в Хельсинки, а такие гимнасты, как Хейкки Саволайнен, Эйнари Терясвирта и Эса Сеесте, стали олимпийскими чемпионами.

Илл. 124. Команда гимнастов спортивного общества «Алку» на соревнованиях в Хельсинки в 1930 году.

Летом 1937 года на станции Перкьярви работала съемочная группа киностудии «Суоми-Фильми», которая в течение недели проводила съемки рабочего материала для создания художественного фильма «Невеста егеря» (в главных ролях – известные в Финляндии тех лет актеры Куллерво Калске и Тууликки Паананен) по сценарию известного финского кинорежиссера Ристо Орко. Кстати упомянуть, что Ристо Орко неоднократно бывал в Советском Союзе, в том числе и в предвоенные годы, его имя известно нашим кинозрителям по советско-финской экранизации романа М. Лассила «За спичками» (1980 г.), в работе над которой он принимал участие с финской стороны.

Сюжет фильма повествует о любви прибалтийской девушки Сабины Тамм, танцовщицы Варшавской императорской оперы (ее роль исполняет Тууликки Паананен), которая во время Первой мировой войны оказывается среди большого количества беженцев на станции Тукум (ныне эта станция на территории Латвии называется Тукумс), и случайно увидевшего ее финского добровольца-егеря из 27-го Королевского Прусского Егерского батальона германской армии капрала Мартти Кари. Лирические мотивы фильма перемежаются с суровыми военными буднями. Присутствует и детективный сюжет: русский разведчик царского Генерального штаба по фамилии Мерович, выдающий себя за барона Лихтенштейна и создавший на этом участке Восточного фронта разветвленную агентурную сеть, в конце концов оказывается схваченным; задержать его помогает именно Сабина, выбравшая себе в спутники жизни Мартти Кари, образцового финского воина, олицетворяющего идеал порядочности и бескомпромиссности – таким, как он, предстояло в 1918 году бороться за независимость Финляндии.

Илл. 125. Актриса Т. Паананен на станции Перкьярви.

тельных рубежей в 7-8 километрах северо-западнее. Вот о чем рассказал несколько лет назад хороший знакомый автора, ветеран советско-финской войны (ныне уже покойный) Игорь Александрович Шидловский: «В районе станции Перкьярви финны много разломали и попортили, однако некоторые дома сохранились. Наше подразделение связи разместили в одном из

На время съемок, которые проводились также в Выборге и в окрестностях г. Лаппеенранта, станция Перкьярви поменяла свое название на «Туккум», на прилегающей территории были воспроизведены сцены 1916 года: масса беженцев на станции, воинский эшелон, солдаты в германской военной форме, здесь же суетится Исаак – связник Меровича. Любопытные жители станционного поселка приходили поглазеть на дивное зрелище, а по окончании съемок те, кто постелее, подходили к актерам за автографами.

С началом советско-финской Зимней войны район Перкьярви к 8 декабря был занят частями Красной Армии. Сюда стягивались войска, направляемые для прорыва финских оборони-

Илл. 126. Станция Перкьярви во время киносъемок. Лето 1937 г.

домов и велели ждать дальнейших указаний. Уже стемнело, кое-кто стал укладываться на отдых, и вдруг неподалеку послышался сильный взрыв. Через какое-то время – еще один. Взрывы были очень мощные – по всей видимости, по нам били откуда-то из тяжелых орудий. Перепугавшись, мы уже собрались бежать искать поблизости какое-нибудь укрытие, однако больше взрывов не последовало».

В период финской войны и последовавшей за ней войны «продолжения» как в пристанционном поселке, так и в самой деревне Перкъярви многие дома, в том числе и два из трех школьных зданий были полностью уничтожены, многие строения получили повреждения.

1 августа 1940 г. был образован Перкъярвский сельсовет Каннельярвского района Ленинградской области с центром в пос. Перкъярви. К тому времени в нем уже были расселены выходцы из Советского Союза. С появлением последних облик деревни стал быстро меняться. С июля 1941 по июль 1944 г. сельсовет по понятным причинам не действовал. Затем в Перкъярви вновь потянулись переселенцы. Решением исполкома Перк-Ярвского сельсовета от 18 января 1948 г. пристанционному поселку Перкъярви I присвоили наименование «Кириллово», которое позднее трансформировалось в «Кирилловское». Обоснованием служила фраза: «В память героя финской кампании младшего воентехника Кириллова, похороненного в Перкъярви». Тем же решением (со ссылкой на постановление общего собрания рабочих и служащих подсобного хозяйства завода им. Кирова) деревне Перкъярви II было присвоено название «Кирпичное». Обоснованием служило нахождение вблизи деревни старого кирпичного завода «Савикко» (на современной карте этих мест значится название «Заводской»). Все переименования закрепили Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 января 1949 г.

В 1959 г. в Кирпичном организовали зверосовхоз «Заря». Для работников совхоза были построены кирпичные жилые дома, столовая, магазины. В настоящее время предприятие превратилось в акционерное общество.

Кескикюля *Keskikylä* [Староселье]

Это название (в переводе означающее «Средняя деревня») охватывает располагавшиеся рядом небольшие деревеньки Пююккёля (упоминается в документах XVI века), Орола (упоминается в документах XVIII века, фамилии жителей в тот период – Колкканен и Кауранен), Яяскеля (фами-

ли жителей в XVIII веке, когда деревня упоминается впервые, Кутилайнен и Суокас) и Норккола (в налоговых книгах XVIII века упоминается только одна фамилия – Пююккё). Помимо этого, археологические находки, выявившие наличие в грунте отдельных изготовленных руками человека предметов, относящихся к периоду каменного века, указывают на вероятность стоянок древних людей в этих местах. В указанных деревнях в общей сложности было около 40 домов. Поля хозяйств располагались на склоне, ведущем в сторону озера Муолаанъярви. В деревне Яскеля стоял старый хутор Тойвола, где в свое время жил становой пристав (начальник полиции) по фамилии Круук, которого все в округе очень боялись. После него дом перешел во владение Юхо Эломаа. Этот человек, имевший высшее образование, по роду своей работы занимался оформлением частных ходатайств. Недалеко от этого дома начиналась деревня Норккола, в которой дом, принадлежавший Юхо Хятёнену, считался самым большим и самым добротным во всей волости Муолаа.

В дореволюционный период гачевладельцами были: в Норккола – мешанка Мария Ивановна Фолькман, в Орола – Иван Алексеевич Типшев, в Яскеля – книготорговец Альберт Аугуст Рихард Хеннингер.

В 1936 году в Кескикюля была основана народная школа, по 1940 год учительствовал в ней Вальдемар Каннас. Жители деревни носили фамилии Ахтиайнен, Маюри, Вихолайнен, Синтонен, Лейпонен, Липсанен, Хятёнен, Пююккё, Пасури, Хуухка, Хелениус, Кариринне, Каукинен, Мякеляйнен, Муона, Эломаа, Хёмппи, Карху, Коисте, Хайконен, Вепсяляйнен, Кауковуори, Калтомаа, Калтоярви, Кулмаярви, Коивулампи и Кангаслампи.

Грядущая война 1939–1940 гг. заставила жителей покинуть деревню. На их место прибыли советские переселенцы. Но летом 1941 г. и новых хозяев постигла та же участь. Окончательно переселиться в Яскеля советским гражданам удалось только в конце 1944 года. 2 апреля 1947 г. в деревне был организован переселенческий колхоз «Восход». Решением исполкома Перк-Ярвского сельсовета от 18 января 1948 года деревне Яскеля присвоили наименование «Восход» (по одноименному колхозу), но спустя короткое время название деревни было изменено на «Староселье». Переименование закрепили Указом Президиума ВС РСФСР от 13 января 1949 г. Под этим наименованием населенный пункт существует и до сих пор.

Таапериemi Таарperiemi [Глубокое]

В налоговых книгах XVI века это название не значится, а в регистрационных записях, сделанных в XVII веке, отмечено хозяйство Тойкка. По

мере дальнейшего застраивания в XVIII веке появляются и новые хозяева – Буллер, Маюри, Маннинен, Никканен, Лифляндер, Бюскотт (как мы видим, некоторые имели шведские фамилии). В 30-е годы XX века в деревне можно было встретить людей с фамилиями Липсонен, Пююккё, Мякеляйнен, Никканен, их дома были наиболее известными в округе.

Дачи в Тааперниеми имели довольно именитые господа: это были, в частности, дворянин Вячеслав Петрович фон Гагман и вдова тайного советника Александра Ипполитовна Сент-Илер.

Здание народной школы располагалось на высоком месте, учительствовал в ней Вильям Кокка, выходец из Ингерманландии. Был он, кроме того, прекрасным музыкантом, хорошо знал премудрости садоводческого дела, да и за словом в карман не лазил, когда рассказывал разные анекдоты и прибаутки. Невдалеке от школы стоял дом семейства Пююккё, известного тем, что среди представителей этого рода были, в частности, коммерсанты, судьи, а также работники дипломатических служб.

К Тааперниеми еще относился небольшой поселок хуторного типа Метсякюля, а также постройки хутора Суурниеми, принадлежавшие роду Вяйсянен, представители которого жили там, занимаясь рыбной ловлей, охотой, ездили они на хороших лошадях и, кроме того, сами изготавливали конскую упряжь – в частности, хомуты.

Среди нескольких предположений относительно истории названия «Тааперниеми» (в переводе на русский язык – «Мыс Таапера») наиболее вероятным считается происхождение от фамилии «Табер» (по другой версии – «Таберман»): как считают некоторые выходцы из района Перкъярви, этот человек пользовался в тех местах определенным влиянием. В устах жителей деревни это название, под влиянием тенденции усечения и сокращения слов, свойственной диалектам Карельского перешейка, в частности, диалекту волости Муолаа, звучало как «Тапрниеми».

В Тааперниеми было около 50 хозяйств, жителей же было около двухсот. Строения были бревенчатые и досчатые, некоторые покрашенные. В жилых домах обычно имелись общая комната (гостиная) и 1-2 каморки-спальни, а также прихожая и чулан (помещение для хранения продуктов). Кроме того, при каждом доме были хозяйственные постройки, среди которых основным было помещение для скотины, каковые обычно строили из крупных каменных блоков – для долговечности. Кроме того, были также конюшни, загоны для свиней и для овец, амбары, бани (сауны), погреб и т.д. Сельское хозяйство было главным занятием у жителей, хозяйства имели свои поля, а также сады, люди держали коров, свиней,

кур, овец и лошадей. Часть пахотных угодий изобиловала камнями, однако селяне могли довольно неплохо обустроить свой быт за счет доходов от ловли рыбы на озере Муолаанъярви, а также благодаря обилию лесов. Хозяйства были в основном натуральными, деньгами пользовались мало, необходимые хозяйственные предметы в основном старались изготавливать из подручных материалов. Супруги Иивари и Хетти Никканен держали на дому небольшую лавку, где можно было купить кофе, сахар, соль и курево.

Живя в таких условиях, люди вынуждены были самостоятельно решать всевозможные хозяйственные вопросы, а посему многие имели самые разнообразные профессиональные навыки: практически каждый мужчина был и плотник, и столяр, и каменщик. Наиболее ответственные работы, связанные с кладкой печей, выполнял Тассу (Тапио) Мякеля, изготовлением и ремонтом радиоприемников занимался Ойва Маннинен, самостоятельно освоивший радиотехнику.

Из сельскохозяйственной техники в конце 1930-х годов в деревне была только одна конная и две моторные молотилки. А вот конные косилки были почти во всех хозяйствах и использовались также на заготовке сена, но тем не менее во время уборки хлебов широко использовали косы и серпы. Средний размер угодий составлял порядка 20-30 га, из них на посевные площади приходилась примерно одна треть.

В районе хутора Суурниemi (Вяйсянен) незадолго до начала Зимней войны финнами были построены 7 железобетонных сооружений (5 огневых точек и 2 командных пункта) для прикрытия дефиле между болотом Суурсуо и озером Муолаанъярви. На этом участке в начале декабря 1939 года было остановлено продвижение 24-й стрелковой дивизии Красной Армии под командованием комбрига П.Е. Вещева и фактически обеспечен срыв планов советского военного командования занятия Выборга еще в декабре 1939 года.

Летом 1940 г. в Таапериemi прибыли первые советские переселенцы. Через год им пришлось стать беженцами, но в августе 1944 г. в захваченной советскими войсками деревне появилось подсобное хозяйство фабрики имени Микояна.

Решением исполкома Перк-Ярвского сельсовета от 18 января 1948 г. со ссылкой на постановление общего собрания рабочих и служащих п/х вышеупомянутой фабрики деревне Таапериemi было присвоено название «Глубокое». 18 мая 1949 г. при деревне Глубокое был организован и колхоз им. Микояна, который через год вошел в укрупненный колхоз «Восход».

Тервола Tervola

Деревня располагалась на восточном берегу озера Муолааньярви. В Финляндии приобрела известность благодаря жившим в ней и вошедшим в историю знаменитым людям. В частности, во второй половине XIX века в деревне было имение, угодьями которого распоряжались представители рода Сёдерйельм: Вернер Вольгемар Сёдерйельм (1832–1904) был заседателем в Выборгском надворном суде*, с 1897 г. занимал должность прокурора, а его сын Ярл Вернер Сёдерйельм (род. в 1859 г.) был исследователем истории литературы, культуровед и языковед, профессор романской филологии; один из их потомков в конце 1930-х годов XX века был министром юстиции Финляндской Республики. Известен в Финляндии и род Алафузовых, к представителям которого впоследствии перешло имение до того, как стало общинной собственностью волости Муолаа. Вдова статского советника Лидия Андреевна Алафузова и дочь Людмила Ивановна, унаследовавшие основной пакет акций Торгово-промышленного общества «Алафузовских фабрик и заводов» (сукно, полотно, холст, кожа), в 1917 г. владели гачным особняком в Тервола. По соседству с ними жила и другая русская гачница – Александра Петровна Тарасова. Из русских знаменитостей, квартировавших в летний период на дачах, построенных до революции в Тервола, следует назвать А.С. Суворина – книгоиздателя, владельца самой крупной российской газеты «Новое время».

В Тервола находился волостной дом престарелых – расположенное между озером и дорогой здание с декоративно оформленной верандой, окруженное большим садом, в котором насчитывалось около сотни яблонь и несколько десятков ягодных кустов. Было там и принадлежавшее волости огородное хозяйство с двумя теплицами.

Деревня Тервола фигурирует в поземельных книгах начиная с XVIII века, в записях даются фамилии жителей – Хиетанен и Патьяс.

В предвоенные 1930-е годы XX века собственно крестьянских хозяйств в деревне было немного – всего 6 домов, ибо место это было прежде всего гачным. Здесь находилась также и гача Лумме, мэра (бургомистра) города Выборга.

30 ноября 1939 г. грянула советско-финляндская война и местное население вынуждено было бежать от надвигающейся угрозы красного «освобождения». Для селения Тервола началась новая эпоха «социалистического» строительства. 1 августа 1940 г. образован Тервольский сельсовет Каннельярвского района Ленинградской области с центром в по-

* Суд второй инстанции.

селке Тервола. Это административное образование действовало до середины лета 1941 г. и было воссоздано в конце 1944 года. В состав совета кроме Тервола входили селения Илвес, Кангаспелто, Ойнола, Сугеноя и Хотакка. Решением 2-й сессии Тервольского сельсовета от 19 января 1948 г. поселку Тервола присвоено наименование «Чапаевка», поскольку в это время на его территории действовал колхоз им. Чапаева. 5 апреля 1950 г. этот колхоз перестал существовать, влившись в укрупненный колхоз «Восход». 16 июня 1954 г. перестал существовать и сам Чапаевский сельсовет, слившись с Кирилловским с/советом. Вскоре после этого исчез и поселок Чапаевка.

Ойнала Oinala

Дорога, которая шла со стороны Тервола, у северной околицы деревни проходила у самого берега озера, а затем поворачивала к востоку. Дома в деревне были расположены по обе стороны дороги. Поля на песчаном грунте находились с юго-западной стороны, в солнечную погоду они хорошо разогревались. Наиболее известными в 30-е годы XX века хозяевами были Тааветти Куяла и дворовладелец по фамилии Кукконен. На южной окраине деревни у самой дороги стоял двухэтажный дом с прекрасным садом, принадлежавший купцу Линдфорсу, которого хорошо знали как человека неумной энергии: он активно участвовал в руководстве деятельностью местного молодежного общества, земледельческого общества, был председателем строительной комиссии, а также организовывал подряды на строительные работы.

У южной окраины дорога снова подходила к самому берегу и на протяжении более чем километра шла вдоль прибрежного песчаного пляжа Ниеменхiekка. В жаркие летние дни сюда приезжали на автомобилях аж из Выборга – настолько популярным было это место среди любителей позагорать, к тому же отсюда открывался прекрасный вид на озеро Муолааньярви.

Известно, что еще в XVIII веке в деревне Ойнала было несколько хозяйств, жители были с фамилиями Кююрё, Паттинен (?), Хенттинен, Пююккё, Тинтунен, Ванханен. Кроме того, на некоторых картах название «Ойнала» значилось на перекрестке дорог у Хотокка, от которого отходила дорога на Лейпясую, и, кроме того, недалеко от станции Лейпясую было хозяйство, также называвшееся Ойнала.

Из русских дачевладельцев в деревне Ойнала проживали статский советник Герман Карлович фон Кайзер, жена купца Мария Ильинична Пантелеева и мещанка Прасковья Ивановна Трубникова.

В начальный период Зимней войны 1939–40 гг. у деревни Ойнала проходила главная линия финской обороны. Советские войска простояли здесь более двух месяцев. 16 февраля 1940 года в советских газетах была опубликована очередная Оперативная Сводка Штаба ЛенВО, которая сообщала следующее:

«В течение 16 февраля на Карельском перешейке продолжали развиваться успешные действия наших войск. Противник пытался контратаковать наши части, но с большими потерями был отброшен на всех участках...

Наши части заняли город Ойнала (на северном берегу озера Муола-Ярви), станцию Сяинио – в шести километрах юго-восточнее Выборга, укрепленный узел Кархула – западнее района Сумма и города Нярья и Мурила в Приморском районе».

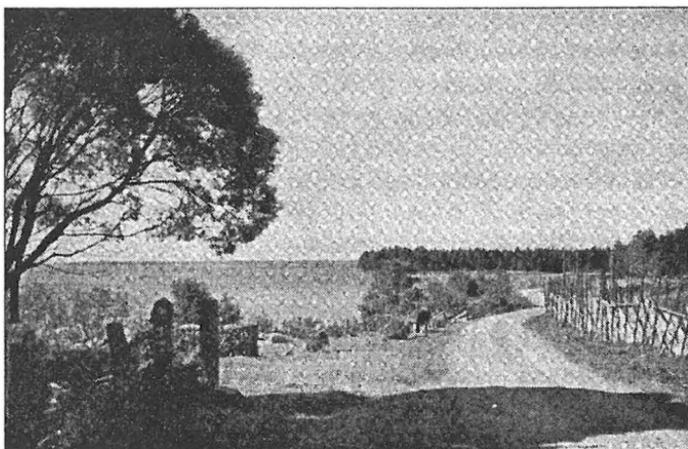
Можно представить какое важное значение придавала, очевидно, советская пропаганда небольшим затерянным в карельских лесах деревням, называя их городами. Конечно, в ходе боев переходившая из рук в руки деревня, была частично уничтожена. Оставшиеся дома деревни Ойнала были поделены между образованными 1-го августа 1940 года Перкьярвским и Тервольским сельсоветами. В дальнейшем снова последовали военные события, однако они не так сильно коснулись данной деревни, как в период первой войны.

К осени 1944 г. в Ойнала разместилось подсобное хозяйство военно-морского политического училища. По постановлению общего собрания рабочих и служащих этого хозяйства зимой 1948 года Ойнала была переименована в «Островки», а через несколько лет социалистического эксперимента над сельским хозяйством и вовсе исчезла. В настоящее время это место представляет собой зону дачного строительства.

Вихола Vihola

В XVI веке в деревне было одно хозяйство (в документах упоминается фамилия Вихолайнен). В XVIII веке фамилий жителей уже несколько – Ахтиайнен, Киуски, Ванханен, Вяйсянен.

В XIX веке в Вихола началась интенсивная дачная застройка, и перед началом первой мировой войны здесь насчитывалось около 30 дач. Из русских дачевладельцев в Вихола обитали также коммерческий советник Василий Андреевич Таратин, архитектор Василий Иванович Варанкеев, протоиакон Николай Иванович Остроумов, жена полковника Капитолина Темковская, капитан Петр Соловьев, Тимофей Соловьев, жена тайного советника Мария Николаевна Четыркина, статский советник ба-

Илл. 127. Вид на озеро в деревне Вихола.

рон Бернгард Ребингер, жена капитана София Реунова. После революции большая часть дачных строений пришла в запустение, поскольку хозяева здесь уже не появлялись. Одними из последних дачевладельцев были, в частности, Флиттнер (известно, что сыновья его получили хорошее образование) и генерал Облаков.

Дома в деревне Вихола располагались у дороги. Поля, как и в Ойнала, были расположены на юго-западном склоне, идущем к озеру Муолааньярви, их качество было таким же. Однако помимо песчаных и суглинистых полей жители имели дополнительные участки у речки Руотсиноя (это ручей, ныне не имеющий названия, вытекающий из Паркинского озера (об этом небольшом озере есть упоминание выше, в рассказе о деревне Парккила), на которых почва была более благоприятной. Но поскольку наделы были небольшие, некоторые хозяева были вынуждены искать заработки на стороне. Так, известно, что многие работали в Перкьярви на предприятиях акционерного общества «Саха я Тиули» («Пила и Кирпич»), где основным был кирпичный завод «Савикко», расположенный сравнительно недалеко. Кроме того, многие мужики нанимались на плотницкие и каменотесные работы.

На северной окраине деревни располагалась народная школа, в которой учились также дети из Ойнала и Тервола. Недалеко от нее стоял дом Хейкки Куйсма, известного во всей волости Муолаа фермера, который в течение многих лет был председателем «Земледельческого общества Пюхяристи».

Здесь находился также дом молодежно-общества деревни, построенный на специально выделенном для этого участке площадью более 6 гектаров. Он был покрыт жостью, стоял недалеко от берега, и к нему через двор, уютно затененный густыми деревьями, шла от дороги липовая аллея. В центре деревни располагался магазин, владелец которого имел фамилию Стигель. Этот человек в свое время создал деревенское молодежное общество и много сделал для организации досуга подростков.

В период финской войны деревня Вихола, расположенная в двух километрах южнее Ойнала, также оказалась в зоне боевых действий и сильно пострадала. 1 августа 1940 г. деревня была включена в состав вновь образованного Перкъярвского сельсовета. На короткое, как оказалось, время в ней поселились первые советские переселенцы. В августе 1941 г. деревню освободили части финской армии. Вихола частично восстановили прежние жители, вернувшиеся в 1942 г. Летом 1944 г. Вихола вновь была захвачена Красной Армией, а к осени там разместилось подсобное хозяйство завода «Промет». Зимой 1948 г. по постановлению общего собрания рабочих и служащих хозяйства деревня Вихола получила наименование «Каменка», которое не устроило партийное руководство, ответственное за переименование. В итоге деревне присвоили новое имя – «д. Малыгино» в память ст. политрука Малыгина, погибшего на территории Перкъярвского сельсовета.

В настоящее время деревня эта представляет собой небольшой гачный поселок без названия, здесь расположена также детская летняя база отдыха (пионерлагерь).

Илл. 128. Хейкки Куйсма

Лавола Lavola [Нагорное]

По состоянию на XVIII век в деревне значились две семьи – Хяннинен и Синтонен. К концу 30-х годов деревня продолжала оставаться небольшой, насчитывая всего не более 15 хозяйств. Поля и луга располагались ближе к южной оконечности озера Муолаанъярви. Сельскохозяйственные угодья были небольшие, но тем не менее хозяйства были самодостаточными. Образцовыми хозяевами считались Юхо Синтонен и Вилле Синтонен. Помимо их, эту фамилию носило подавляющее большинство жителей деревни.

В Лавола была своя кузница, в которой работал известный во всей волости Муолаа кузнец Туомас Вайттинен. Был здесь и магазин, в котором торговал Тойво Суокас.

Боевые события финской войны 1939-40 гг. не оставили значительного следа в истории деревни, которая оказалась в тылу советской передовой. 1 августа 1940 года деревня Лавола вошла в состав Перкъярвского сельсовета. Пршлое население дважды менялось в зависимости от военно-политической ситуации. К осени 1944 года в Лавола организуется подсобное хозяйство завода № 206. Зимой 1948 года по постановлению общего собрания рабочих и служащих этого хозяйства деревне Лавола присвоили наименование «Нагорная», которое позднее трансформировалось в «Нагорное».

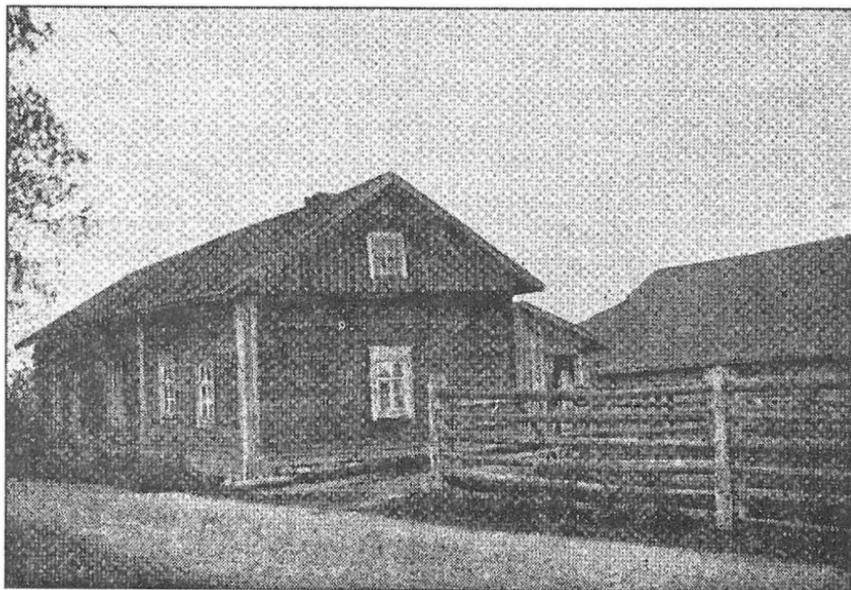
Сормула Sormula [Синишыно]

В XVII веке в деревне был один дом, хозяин которого имел фамилию Сойкка. К XVIII веку деревня разрастается, в ней появляются хозяева с фамилиями Халонен, Кишски, Лайханен, Липсонен, Мононен, Палопоски, Парикка, Рокка, Тапонен, Вайттинен. Деревня находилась по другую сторону Выборгского шоссе (Старой русской дороги), ближе к озеру Искъярви [ныне оз. Вишневское]. Русские жители из расположенных неподалеку деревень Парккила (Паркино) и Кююрёля (Красное Село) называли ее на свой манер – Сормолово. При въезде в деревню сразу бросалась в глаза хорошо ухоженная усадьба купца Эсы Мононена, известного во всей волости. Следующим был добротнo отстроенный дом с хорошо ухоженными угодьями братьев Халонен, за которым, поднявшись на следующую горку, можно было увидеть дом семейства Инкинен, представители которого с давних лет занимались торговлей, совершая дальние поездки. Старшее поколение Инкиненов вело, например, торговлю живым скотом, также возили на продажу шкуры и шерсть – в частности, в Петербург. Когда с 1918 года свободный въезд в Россию, ставшую советской, был закрыт, это хозяйство вынуждено было перейти в основном к возделыванию земли – здесь очень пригодились навыки, полученные одним из бывших торговцев, Юхо Инкиненом, в земледельческом обществе, в работе которого он принимал самое активное участие во время перерывов в своей коммерческой деятельности. А Ууно Инкинен, верный своему призванию торговца, до самой второй мировой войны держал бакалейную лавку. У Инкиненов были также коровы, молока хватало не только на свои нужды, но и на продажу.

Южнее была лощина, за которой стояли крепко сработанные дома Хяниненов, Парикка и Вайттиненов. Отдельно стояла группа домов, получившая название Остола. Поля этих хозяйств были довольно каменными, а сами дома были менее просторными. С холма Остола была видна находившаяся ближе к берегу озера Искьярвенская народная школа (названная так по названию озера), одиноко стоявшая на границе деревень Сормула и Харвола. Эта школа была основана в 1906 году по распоряжению губернатора, само здание было выстроено в 1907 г., однако через год случился пожар, так что школу пришлось отстраивать заново, повторно она была открыта в 1909 году. Школьный округ Искьярви охватывал деревни Сормула, Харвола и Весиккала. С 1906 по 1929 г. учителями работали женщины (Хельма Ражкила и Элизабет Лоттанен), а с 1929 по 1940 г. учителем был Юхани Пёлля. Занятия в младшей группе в 1936–1939 гг. вела Йенни Куккола (Кокконен). Учитель Юхани Пёлля рьяно пропагандировал перед учащимися, а также жителями деревни преимущества здорового образа жизни и отказа от употребления спиртного, а Рауха Купаринен (Кокконен), работавшая в школе вторым преподавателем в 1932–1940 гг., много времени уделяла общественной деятельности – работала в обществе домохозяек «Мартта», а также принимала участие в деятельности местной ячейки организации «Лотта Свярг».

Начавшаяся в ноябре 1939 г. война лишила деревню коренного населения. В августе 1940 года новые власти включили эту деревню в состав Пихлайненского сельского совета Раутовского района Ленинградской области. О переселенцах этого периода почти ничего не известно, сведения имеются лишь на 1945–47 гг., когда в Сормула было переселено 15, а затем еще 10 семей из Кировской области. В то время Сормула относилась уже к Алкусскому сельсовету.

Зимой 1948 г. местные власти присвоили деревне Сормула переводное наименование «Пальцево». Топонимическую кальку пытались образовать от финского слова *sormi* («палец»), так как других аналогов в словаре, очевидно, не нашлось. Но такая калька с финской основы не устроила организаторов кампании по переименованию, и поэтому вскоре деревне Сормула дали другое название – «Синицыно», которое было образовано от фамилии погибшего советского воина. Топонимический идеологизм закрепили Указом Президиума ВС РСФСР от 13 января 1949 г.

Илл. 129. Дом старой постройки в деревне Харвола.

Харвола Harvola

В налоговых материалах за 1553 и 1554 годы в деревне Харвола значилось 30 хозяйств (это крестьяне с фамилиями Харвонен, Утуйнен, Ланкинен, Коски, Корккинен, Олкконен, Папунен, Кююрё, Кярстинен и другие). Затем, по всей видимости, деревня обезлюдела в связи с постоянными военными действиями, поскольку в записях XVII века в деревне значился один житель, фамилия которого была Мэро. А в материалах за XVIII век отмечено уже 8 фамилий.

На окраине деревни находились пилорама и мельница, владельцем которых был Ушанов, предприниматель из Кююрёля. Поля местных крестьян славились обильными урожаями, но лесных угодий у них было меньше, чем у их соседей из деревень Сормула и Весиккала. Однако были у них богатые травмами сенокосы на болоте Эймисуо, которое находилось западнее деревни Сойттола. В Харвола жили дворохозяева с фамилиями Тоуккари, Пайя, Сеппянен, Куханен. Кроме того, в деревне был магазин, которым владел торговец по фамилии Ряйккёнен.

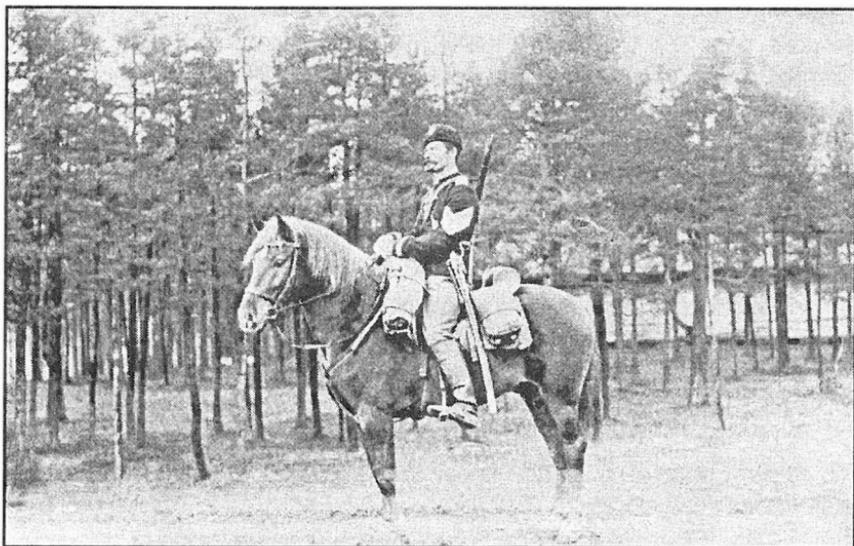
Серьезный ущерб нанесли деревне Харвола боевые действия войны 1939–40 гг., по окончании которых территория деревни была включена в

состав новообразованного Пихлайненского сельсовета. Война 1941–44 гг. лишь добавила разрухи, поэтому, очевидно, за самостоятельную деревню Харвола не посчитали, а включили ее в состав селения Мойсандер, которое в 1948 г. было переименовано в «Подгорье». В настоящее время на месте деревни Харвола не осталось камня на камне.

Весиккала Vesikkala

Жители с фамилиями Лескинен и Виролайнен отмечены уже в XVIII веке как поселившиеся здесь постоянно. В XX веке деревня располагалась на холме, с которого, от домов Пайя и Виролайненов, открывался широкий обзор местности. В частности, можно было видеть Кююрёля, а также расположенную по другую сторону озера Искьярви деревню Пяллия.

Среди старых жителей деревни особым уважением и авторитетом пользовался Эса Пайя – многолетний член церковного совета, бывший драгун старой финляндской армии, т.е. национальных воинских формирований, созданных в 1878 году по высочайшему повелению императора Александра II (драгунский полк был создан в г. Лаппеенранта в 1889 г.) и упраздненных Николаем II в 1901 г.

Илл. 130. Драгунский унтер-офицер в полном снаряжении.

В условиях вспыхнувшей советско-финляндской войны местное население спешно эвакуируется в тыл. Советские войска, захватившие деревню, проводили в этих местах подготовку к прорыву укреплений финской Главной оборонительной полосы, проходившей в 7–8 километрах. 1 августа 1940 года Весиккала включается в состав Пухлайненского сельсовета, а в августе 1944 г. финские войска освобождают деревню. Новое советское освоение начинается лишь с осени 1944 г. Весиккалу вместе с местечком Кивюя включают в состав селения Вярямяки, которое зимой 1948 года получает новое наименование – «Поляна». В настоящее время эта деревня не существует уже ни под каким названием, а ее прежние угодья используются для сельскохозяйственных нужд и дачного строительства.

Куркела, Хейккиля, Лейриля **Kurkela, Heikkilä, Leirilä [Вишневка]**

Жители числятся в этих деревнях с XVIII века, а в Лейриля еще в XVII веке значился крестьянин по фамилии Карху. Местность, на которой располагались эти деревни (вдоль восточного берега озера Искьярви), называлась Нурми (в переводе это слово означает «травяное поле»). Сами деревни были маленькие, примерно по десять домов в каждой. Наделы у крестьян были в основном также небольшие. Дома располагались по обе стороны дороги, ведущей в Пяллиля – деревню, расположенную севернее. Поскольку дорога проходила недалеко от берега, некоторые дома стояли практически у самой воды. Наибольшей известностью в округе пользовались хозяйства крестьян-дворохозяев с фамилиями Тойкка, Котилайнен, Палса и Маюри. В деревне Лейриля работал магазин Юхо Рямё, отец которого, Матти Рямё, в свое время был известен тем, что занимался заготовкой тряпичного вторсырья, которое вывозил на реализацию потребителям главным образом в область Саво.

Из русских гачевладельцев в этих деревнях проживали дворянка Эвелина Генриховна фон Денффер и заводчик Владимир Кузьмич Мальгин.

Зимой 1939–1940 гг. территория этих деревень оказалась в зоне передовой и находилась под постоянным обстрелом. От домов остались лишь остовы печей.

В августе 1940 года при проведении административно-территориального переустройства на советский лад эти расположенные в непосредственной близости друг от друга деревни под общим названием «Куркела» были отнесены к территории Алакусского сельсовета (с центром в

деревне Ала-Кууса) Раутовского района Ленинградской области. Зимой 1942 года все деревни оказались вновь во владении прежних хозяев. Но через три года их сменили новые советские переселенцы. В то же время деревня Куркела была включена в состав д. Пяллиля Пухлайненского сельсовета.

В послевоенное время все прежние финские деревни на восточном берегу озера Искьярви [ныне оз. Вишневокое] были фактически объединены в один населенный пункт, переименованный зимой 1948 г. в «Вишневку». В настоящее время эта территория представляет собой в основном дачную зону, где ведется активное коттеджное строительство.

Пяллиля Pällilä [Вишневка]

Деревня Пяллиля, находившаяся на восточном берегу озера Искьярви, получила свою известность в связи с тем, что начиная с первой четверти XVIII века она стала центром самого крупного по площади на Карельском перешейке помещичьего имения (более подробно об этом было рассказано в главе «Под властью русского царя», см. выше), причем деревянные строения центральной усадьбы сохранились вплоть до начала Зимней войны 1939–1940 гг. Деревянное бывшее главное здание усадьбы находилось у северной околицы, где начиналась проселочная дорога, которая вела к лютеранской церкви прихода Муолаа.

Деревня уже существовала и в допетровские времена. Некоторые данные из налоговых документов свидетельствуют о наличии в деревне в XVII веке хозяйства Пююккё, а в XVIII веке – хозяйств Кююря и Кянкянен. К 30-м годам XX века в деревне были, в частности, хозяйства Тобиаса Кянкяненя, который был профессиональным рыбаком, известным на всю волость, Кюлястинена, других представителей рода Кянкяненов, а также хозяйство Пююккё. Отдельно стояли строения хозяйства Кююря, расположенные рядом с народной школой. Школа эта была самой первой в волости Муолаа. Решение о ее создании было принято на первом волостном собрании, состоявшемся 22 сентября 1870 г. Само здание школы было готово к осени 1876 года, в нем сразу же начали проводить уроки. Построено оно было по подобию старинной господской усадьбы. Землю под строительство и для создания пришкольного участка выделили из государственного земельного фонда по распоряжению губернатора Выборгской губернии. Эта т.н. «пустошь» включала примерно 4 га поля, 2 га лугов, а также большой участок леса площадью 22 га – таким образом, общая площадь всего участка составляла 28 га.

Занятия в школе вел один учитель. Поначалу округ школы был довольно большой, и подчас учитель должен был вести занятия аж с 60 учениками, однако впоследствии его нагрузка была доведена до нормативной, так как были построены школы в Сормула (Искьярвенская), Койрала и Хаттула.

За все время существования этой школы в ней в течение 63 лет отработали всего 2 учителя – Юхо Линдгрэн (сменивший впоследствии фамилию на Ниинеля), а после него – Микко Мякиринне, который, помимо работы в школе, был также председателем собрания волостных уполномоченных (т.е. сельского совета) и по совместительству – финансовым инспектором от волостной конторы Сберегательного банка Финляндии.

Земли в деревне Пяллия были очень плодородными, поскольку почва была глинистой, поэтому и хозяйства были в основном самодостаточными.

В 1939–40 годах деревня оказалась фактически на передовой, многие дома, были уничтожены. Здание школы, как и многие другие деревянные постройки, в том числе и красивое здание бывшей помещицкой усадьбы, были сожжены в самом начале советско-финляндской войны, 2 декабря 1939 года.

В послевоенные годы в эти места были доставлены новые переселенцы и был организован колхоз «Красный Партизан». Зимой 1948 года деревня получила свое нынешнее название. В настоящее время здесь также ведется новое дачно-коттеджное строительство.

Кирккоранта Kirkkoranta [Правдино]

Полное название деревни – «Кирккораннан кюля», т.е. «Деревня на берегу у церкви». Кроме того, она еще называлась «Муолаан киркко» или «Муолаан кирконкюля», т.е. «Приходский центр Муолаа». В вышедшем в 1941 году в СССР двухтомном сборнике воспоминаний участников «освободительного» похода в Финляндию этот населенный пункт именуется как «Кирка Муола».

Деревня была небольшая, и прежде всего потому, что земли вокруг церкви относились к усадьбе священника, а население составляли мест-

Илл. 131. Микко Мякиринне

Илл. 132-133. Место, где стояла церковь, для бывших жителей Муолаа свято.

ные бывшие арендаторы-торпари, в дальнейшем получившие права на самостоятельное ведение хозяйств. Остальными жителями деревни были: служащие волостной и церковной администрации, заведующий кооперативным магазином, полицейский и почтальон. До революции в этих местах также были гачные владения, принадлежащие нагворному советнику А. Вогак, доктору Константину Константиновичу Хейнриксен, действительному статскому советнику Николаю Павловичу Доброумову, действительному статском советнику медуку Анатолию Алексеевичу Шепилевскому, кандидату математики А. Ван гер Клысту.

Дома деревни были расположены недалеко от берега озера Курккоярви [ныне оз. Правдинское]. Основной достопримечательностью была лютеранская церковь, построенная архитектором Э. Лорманом в 1849–1852 гг. За церковной оградой стоял памятник воинам белой гвардии, погибшим во время гражданской войны 1918 года, а также находился один из двух (после 1918 г.) древних ритуальных «священных камней Пюхяристи» (о церкви и «священных камнях» см. выше, в главе «Лютеранская церковь на территории Муолаа»). По другую сторону каменной ограды у берега была пристань для лодок, куда причаливали жители расположенных по другую сторону озера деревень, прибывавшие на лодках на богослужение.

Напротив церкви находилось здание волостной администрации (т.е. сельского совета), где решались административные вопросы и составлялись распоряжения, касающиеся жизни обширной волости Муолаа. В этом же здании находилась также и контора сберегательного банка. По другую сторону дороги находилась почта. Тут же неподалеку был магазин «Акционерной торговой сети Карельского перешейка» («Каннаксен

Осушличке»). Усадьба пробста, настоятеля прихода, находилась примерно в полукилометре от церкви на северо-запад, у самой дороги.

На полях деревни Кирккоранта выращивали картофель, поскольку почвенные условия для произрастания этого корнеплода были очень благоприятные. Возделыванием картофеля на полях, принадлежавших усадьбе священника, занимался Эмил Вайттинен – крупный специалист по картофелю на всем Карельском перешейке. Угодья, за которыми он ухаживал, были вполне образцовыми, и прогрессивные методы картофелеводства, применявшиеся здесь, постепенно получали распространение и в других районах волости.

В период советско-финской Зимней войны через деревню проходила линия фронта, постоянно простреливавшаяся с обеих сторон, в результате чего сильно пострадали или же были уничтожены многие жилые и хозяйственные постройки, а здание церкви, построенное архитектором Э. Лорманом в середине XIX века и капитально отремонтированное в 1934 году, было фактически стерто с лица земли артиллерийским огнем. В период 1941–44 гг. крупных боевых операций в этих местах не было.

В конце 1940-х годов здесь существовал колхоз «Оборона».

По постановлению общего собрания граждан зимой 1948 г. деревня Кирка Муола (Кирккоранта) была переименована в «Никитино» в честь погибшего красноармейца-сапера Николая Никитича Никитина, погибшего в декабре 1939 г. при подрыве здания церкви Муолаа. Через короткое время решение изменили, и деревне присвоили название «Правдино», образованное, очевидно, от фамилии погибшего воина, сведениями о котором мы не располагаем.

Турулила Turulila

В полутора километрах на северо-запад от церкви стояла небольшая деревенька Турулила. Первый житель по фамилии Никканен упоминается в налоговых записях XVIII века. В самом начале деревни дорога пересекала небольшой ручеек, рядом было озеро Кирккоярви, куда он впадал. Когда-то здесь был магазин, а также располагалась кожевенная мастерская, которую держал хозяин по фамилии Линдстрём. Местные жители хорошо знали заядлого рыбака Роберта Лехмусвирта, часто сидевшего с удочкой на берегу, и его образ органично вписывался в местный озерный ландшафт. Был в деревне также магазин, который держал торговец по фамилии Ментула. Большой известностью пользовался также Туомас Кирьявайнен: в свое время он поставлял из западных районов Финляндии на Карельский перешеек сено и овес в больших количествах.

В период советско-финской Зимней войны эта деревня находилась в тылу финских войск в непосредственной близости от линии фронта, проходившей до февраля 1940 года у церковного холма в деревне Курккоранта. После второй войны (1941–1944 гг.), в период которой серьезных боестолкновений в этом районе отмечено не было, деревня эта была объединена с соседней деревней Коирала, которым было присвоено одно общее название – «Борки». Этот населенный пункт с расположенными вдоль дороги как старыми сохранившимися, так и уже послевоенными домами, существует и поныне.

Коирала Koirala [Борки]

Деревня Коирала начиналась почти сразу же за деревней Турулила, на другом конце разделявшего их поля. Первое упоминание о жителе с фамилией Пёнккя есть в налоговых записях XVII века. В XVIII веке в деревне жили крестьяне с фамилиями Курку, Лейпонен, Мьяттянен, Нюкянен, Сипулайнен, Тондер. Домов здесь к концу 30-х годов XX века было побольше, чем в Турулила. В деревне была народная школа, основанная в 1922 году, но само здание для нее было построено только в 1929 г., так что в течение 7 лет учительница вела занятия в арендуемых помещениях. В эту школу ходили дети из Коирала, Турулила и Курккоранта. Учительницами работали Йоханна Кильюнен (в 1922–1924 гг.), Элли Хасинен (в 1924–1925 гг.) и Эстер Инкинен (в 1925–1940 гг. и в 1942–1944 гг.).

По соседству со школой находились дома, хозяевами которых были Костиандер, Рямё, Рому, Муеттинен и Тонтери. На землях деревни были места, где имелась качественная глина, вполне пригодная для изготовления гончарных изделий, поэтому ее целыми возами отправляли в Кююрёля, где она пользовалась большим спросом у местных гончаров в качестве отменного сырья. Сами же сельскохозяйственные угодья у крестьян были небольшие, и поэтому в зимний период люди вынуждены были ходить на заработки, в основном это был извозный промысел, связанный с транспортировкой грузов.

После советско-финской Зимней войны 1939–40 гг. деревня Коирала была причислена к Алакусскому сельсовету.

По постановлению общего собрания граждан в январе-феврале 1948 г. деревня Коирала вместе с присоединенными к ней селениями Турулила и Мьяттянен была переименована в «Борки». Окончательно переименование было закреплено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 января 1949 г.

В ходе укрупнения к Койрала были присоединены расположенные рядом селение хуторного типа Мьяттянэн и деревня Турулула.

В сентябре 1950 г. селение Борки было переведено в состав Красносельского сельсовета.

Каннила, Пейкола, Пассила Kannila, Peikola, Passila

Эти деревни располагались по восточную сторону озера Курккоярви, у самой его северной оконечности. Из деревни Койрала туда когда-то можно было попасть, свернув на дорогу, отходившую вправо, через мост на р. Канниланьйоки (ныне р. Пчелинка), вытекающей из озера Курккоярви. Сами деревни находились, таким образом, по другую сторону речки. Вдоль ее правого берега, а также в районе этих деревень были найдены отдельные мелкие предметы, относящиеся к периоду каменного века, так что нога человека ступала там задолго до образования постоянных населенных пунктов.

Согласно сохранившимся налоговым записям, население в этих деревнях было начиная с XVIII века (Хююттяйнен, Кииски, Курьявайнен, Равантти (Бравант), Хиетанен, Ярвеляйнен, Куйсма, Лайханен, Суси, Тоуккари, Эйкяс, Каяндер, Миеттинен, Торккелю). Деревни были расположены на солнечной стороне озера, что благоприятствовало земледелию. После водопуска из озер Курккоярви и Пуннусьярви (ныне оз. Красное), произошедшего в связи с прорывом перешейка у Кивиниеми в 1857 г. (подробнее об этом сказано ниже, в главе «Знаменитое озеро Эюряпяняярви. История и современность»), жители получили дополнительные сельскохозяйственные площади. В 30-х годах XX в. наиболее известными земледельцами были здесь Юхо Хююттяйнен и Юхо Тоуккари, причем последний был известен прежде всего своими богатыми урожаями картофеля. Помимо работы на полях, люди также занимались ловом рыбы на озере. В старые времена известностью пользовались, например, Вильппи Курьявайнен, который возил продавать рыбу на рынке Санкт-Петербурга, а также его брат Тахво, переселившийся из Каннила в Пейкола и тоже в основном занимавшийся рыбной ловлей. В Пейкола делали еще и лодки, знаменитым местным мастером по этой части был Матти Каяндер.

В Пейкола работал магазин Вилле Хююттяйнена, а также имелись моторная мельница и циркулярная пила (круглопильный станок), хозяин которых имел фамилию Сихво. Была также школа, построенная в 1921 году у дороги, ведущей в деревню Пуннус. В ней учились дети из Каннила,

Пейкола и Пассила. Учительницей в школе от начала и до конца ее существования (с 1918 по 1940 г.) была Майя Вяйсянен (Левонен). Здание школы сгорело во время Зимней войны.

Дороги к этим деревням были не очень хорошие, поэтому в 30-х годах планировалась прокладка новой дороги к поселку Пуннус, чтобы жителям их было легче добираться до железнодорожной станции, однако разразившаяся Зимняя война нарушила эти планы. Во время этой войны здесь шли упорные бои, поскольку вдоль неширокой речки Хималаноя (ныне р. Красная), соединявшей озера Пуннусъярви и Кирккоярви, проходила главная линия финской обороны, остановившая на этом участке фронта продвижение частей 43-й стрелковой дивизии Красной Армии, пытавшихся прорваться через это межозерное дефиле.

Через несколько месяцев после ее окончания территория этих расположенных рядом деревень под общим названием «Пейккола» (почему-то с двумя «К»!) была отнесена к Алакусскому сельсовету.

Во время войны 1941–44 гг. каких-либо значительных военных событий в этих местах не было, линия фронта с сентября 1941 г. по 10 июня 1944 г. проходила почти в 50 километрах юго-восточнее.

В 1946 г. в деревню Каннила было переселено 20 семей из Калининской области. После переименования в 1948 году этот укрупненный населенный пункт стал называться «Большое Заозерье», на землях которого располагались угодья созданного здесь колхоза «Путь Ильича». В дальнейшем Большое Заозерье вошло в состав поселка Красноозерный (прежнее финское название – Пуннус), который впоследствии был включен в состав Красноозерного сельсовета, образованного 23 октября 1989 г. решением Исполкома Леноблсовета народных депутатов.

Хаттула Hattula

Деревня образовалась, по всей видимости, в XVIII веке, поскольку налоговые записи этого периода фиксируют двух первых хозяев (фамилии – Култанен и Ряйсяляйнен). Она располагалась примерно в 4 километрах юго-восточнее Кирккоранта, на той же дороге, которая шла вдоль западного берега оз. Кирккоярви. В 30-е годы XX в. при въезде в деревню со стороны приходского центра первыми стояли дома, хозяева которых имели фамилию Синтонен. Дома эти были расположены на холме, с которого была видна находившаяся вдальке, по другую сторону озера, деревня Тельккяля (сейчас на ее месте стоят постройки поселка Силино).

Синтонены в свое время занимались сбором и транспортировкой тряпичного вторсырья, а один из них – Туомас Синтонен – во время этих поездок, которых было не счесть, даже научился говорить по-шведски, частенько бывая в шведоязычных районах Ловиуса и Порвоо. В деревне имелась также народная школа, выстроенная из белого кирпича. Школа начала работать с осени 1921 года, поначалу в арендуемых помещениях, в собственное же здание она переехала только в 1930 г. В ней учились дети не только из Хаттула, но также и из деревень Латтула и Ретукюля, расположенных южнее. Рядом со школой находилось хорошо ухоженное хозяйство и добротный дом Отто Химанена, образцового служителя при церкви, активного деятеля церковного прихода, у которого к тому же были хорошие лошади. Место это среди жителей называлось Раси. В деревне имелся также магазин, хозяином которого был Эса Тойкка.

Во время Зимней войны многие дома в тех местах были разрушены либо сожжены, сгорело и здание школы. В 1941–44 гг. по этим местам снова прошли финские и советские войска, однако каких-либо значительных боевых операций в районе деревни Хаттула не было. Зимой 1948 г. селение Хаттула Пихлайненского сельсовета получило наименование «Озерки». В настоящее время это место представляет собой пустошь.

Латтула, Ретукюля Lattula, Retukylä

О деревне Латтула есть упоминание в материалах XVII века (фамилия первого хозяина этого периода – Суокас), а в XVIII веке уже существовала и Ретукюля. Помимо дворохозяев с фамилией Суокас, в этих местах также жили семейства Ярвеляйнен, Пука, Алхайнен, Ээрикаянен, Майгелл, Пуртси, Рому. Накануне второй мировой войны эти деревни насчитывали в общей сложности около 20 домов, хозяева которых имели фамилии Йоронен, Пуртси и Пююккё. В дореволюционные времена жители занимались торговлей гончарными изделиями и заготовкой тряпичного вторсырья, а в более поздние годы перешли в основном к возделыванию своих сельскохозяйственных угодий и занятию рыбной ловлей на озере Курккоярви. Некоторые также откармливали скотину и продавали ее на мясо.

В период боевых действий 1939–40 гг. деревни эти были сожжены. Очевидно в 1942–44 гг. Латтула была частично восстановлена, так как в 1945 г. в ней размещается подсобное хозяйство «Текстильстрой», а зимой 1948 г. она получает последовательно новые названия «Ельнецы», «Свобода» и, наконец, «Авдеево». С последним она вскоре и умирает.

Лехтокюля Lehtokylä

Эта деревня находилась в юго-восточной части волости. Дорога туда от деревни Ретукюля шла через долину речки Вуотъяоки (Хяркяйоки) [ныне р. Волочаевка], а затем поднималась в гору (тот же рельеф местности в этих местах сохранился и поныне). Эта и другие юго-восточные деревни Муолаа не имели поблизости никаких озер, дома стояли на склонах и вершинах холмов. Следует сказать, что в этих местах были самые высокие во всей волости отметки над уровнем моря. Первые крестьяне (семейство Парикка) упоминаются в налоговых книгах XVII века. В XVIII веке в деревне были жители с фамилиями Ланкинен и Койсти.

На окраине деревни, там, где был глинный холм Рапахарью, стояло здание одной из первых народных школ в волости: основана школа была в 1889 году, а уже через год размещена в собственном здании. Находилась она у шоссе, ведущем в Валкьярви [ныне пос. Мичуринское], на опушке соснового леса. Среди учителей (в школе была одна учительская ставка) наиболее известным и популярным не только в Муолаа, но и за ее пределами был Антти Сихво (работал в школе в 1897–1920 гг.) – его сыновья, Аарне Сихво и Юсси Сихво стали известными финскими военачальниками, а еще один сын, Самули Сихво, стал известным писателем и композитором.

Деревня эта пользовалась известностью среди жителей Муолаа еще и потому, что в конце XIX века здесь построил крупную скотоферму очень инициативный хозяйственник по фамилии Ихо. Хозяйство это со временем, однако, пришло в упадок, но в память об усердии этого неутомимого труженика и организатора остались длинные заборы из камня, а также внушительных размеров развалины коровника. Усадьба его впоследствии была продана и разделена на несколько мелких участков, однако бывшим старым постоялым двором и магазином еще в 1930-х годах распоряжался добродушный по характеру коммерсант Армас Лаукканен.

До революции в Лехтокюля на собственной гаче жил потомственный почетный гражданин купец Иван Николаевич Сериков и Митрофан Васильевич Федоров, занимавшийся в Петербурге хлебной и яичной торговлей.

Большая часть домов была расположена у шоссе, ведущем в Валкьярви, а также у дороги, отходящей от него в сторону. Лишь хутор Ууменомяки, где находились хозяйства Рауттайнена и Койсти, располагался поодаль от дороги. Дома и уголья Мойсангера и Хуухтанена славились добротностью и ухоженностью. Поля деревни Лехтокюля были черноземные, многие хозяева высаживали в больших количествах ранний картофель, который возили продавать на рынок в Выборг.

В военные годы жители деревни были эвакуированы, дома частично пострадали, главным образом в период Зимней войны. Зимой 1948 года деревня получила новое название – «Ключи» с которым вскоре и исчезла вовсе.

Ярила Jaarila

Первое упоминание о деревне имеется в налоговых записях 1553 и 1554 годов, в ней в то время уже имелось 6 хозяйств (в частности, Васселнпойка (фамилия явно русского происхождения) и Пууснекка). В XVII веке отмечены фамилии Кагге (Какки) и Рямё, в XVIII веке появились жители с фамилиями Хятёнен, Кайко, Койвисто, Курппа, Никкинен и Суси. В 30-х годах XX века в деревне жили, в частности, семьи Лемметтю и Койсти, дома их были довольно добротными и стояли у самой дороги. Деревня Ярила стояла отдельно, у самой административной границы с волостью Кивеннапа. Местность здесь была более холмистая, чем в Лехтокюля, и с высоких мест видно было очень далеко, аж до самого озера Муолааньярви. Наделы у крестьян были небольшие, поэтому для поддержания хозяйств многие уходили на заработки. Кроме Лемметтю и Койсти, в деревне жили также семьи Нярьянен, Сеппянен и Какки (последняя фамилия происходит от шведского варианта «Кагге» – такую фамилию в XVI веке носил начальник крепости Киванеббен (Кивеннапа). Что касается рода Нярьяненов, то среди них издавна встречались портные, в 30-е годы портняжным ремеслом занимались два брата, прославившиеся своим профессионализмом на всю волость.

В годы Зимней войны деревня оказалась в ближнем тылу советских частей, штурмовавших межозерные дефиле у Курккоранта («Курка Муола») и Пуннус. В дальнейшем, в 1941–44 гг. ее судьба аналогична судьбе деревни Лехтокюля. К сожалению, более подробной информацией об этом периоде истории деревни мы не располагаем. Весной 1945 г. в Ярила прибыло 16 семей из Кировской области для работы во вновь организованном колхозе «Сталинский путь». При проведении в 1948 году кампании по переименованию населенных пунктов деревня получила новое название – «Александровка». В дальнейшем как неперспективная она была ликвидирована, и сейчас там можно видеть только отдельные сельскохозяйственные строения.

Каллайнен (Каллайстен) Kallainen (Kallaisten)

В XVIII веке в деревне жили люди с фамилиями Алуиска, Юурайнен и Койсти. Кроме того, раньше, по данным авторов книги «Муолаа и Эюря-

пяя», деревня называлась Тоуккари, и сейчас нет четкого объяснения, когда и почему это название поменялось на Калайнен. В XX веке среди жителей довольно известными были Никканены: Тойво Никканен изготавливал прекрасные колеса для гужевого транспорта и пролетов, пользовавшиеся успехом в волостях Муолаа и соседней Валкъярви. В деревне были также пилорама и мельница, принадлежавшие братьям Тайпале, – здесь те, кто жил по соседству, находили для себя рабочие места. Тайпале владели самыми крупными наделами в деревне, им же принадлежали и самые большие лесные угодья из тех, которые были в собственности жителей деревни. Поля были в основном каменистые и у большинства жителей небольшие. Хозяйств в деревне было примерно полтора десятка.

В конце 1930-х – начале и середине 1940-х годов деревня эта пережила ту же судьбу, что и расположенные поблизости Лехтокюля и Ярила. Зимой 1948 г. деревня получила новое произвольно переведенное имя «Рыбное», но затем название изменили на «Авгеево», используя фамилию погибшего бойца. На одной из советских карт выпуска первой половины 1950-х годов данный населенный пункт значился как «бараки», но в настоящее время он уже давно не существует.

Хеймала, Селола, Пихкала, Саккалила Heimala, Selola, Pihkala, Sakkalila

В налоговых записях по этим деревням XVII – XVIII веков фигурируют фамилии Папунен, Виролайнен, Янгер, Ихю, Хююттяйнен, Карху, Ряттё, Репо, Талпонен, Вайникка, Вайттинен, Лоппо, Сипулайнен. В 30-е годы XX века это были небольшие деревеньки, расположенные на самой границе с волостью Валкъярви. На маленьких холмистых наделах вели свои хозяйства представители старого крестьянского рода Вайттиненов. В деревне Хеймала содержал магазин в своем добротном доме переехавший сюда из Харвола коммерсант Альберт Пайя. Из давних известных жителей можно упомянуть коммерсанта Пекку Ихю, который еще в начале XX века перевел свое торговое предприятие в волость Терийоки. Очень набожным человеком, регулярно посещающим церковь, был Пиетари Вайттинен, у которого был большой яблоневый сад. Вообще в этих деревнях было очень много фруктовых деревьев, собранный осенью урожай частично отвозили в Выборг для продажи на тамошнем рынке. Кроме того, жители сажали много раннего картофеля, поскольку картофельные поля располагались на склонах, обращенных к солнцу.

В период Второй мировой войны эти деревни в некоторой мере пострадали от военных действий. В конце 1940-х годов их земли, получившие общее название – «Дубровка», были отнесены к угодьям совхоза «Гранит», а затем были объединены с землями совхоза «Коробицыно», на территории которого, в самом поселке Коробицыно (названного в честь советского героя-пограничника), имеется крупная птицефабрика, там же можно увидеть и отдельные старые сельскохозяйственные постройки, сохранившиеся с финских времен.

Тельккяля Telkkälä [Сирино]

Из сохранившихся учетных записей следует, что в XVII веке здесь жил крестьянин по фамилии Виролайнен (по другим данным – Виуру). В XVIII веке здесь получают распространение фамилии Карху, Куйсма, Рому и Эйкяс. Крестьянский род Рому фактически был основным в этой деревне, которая получила известность благодаря хорошим черноземным полям, а также людям старших поколений, совершавшим некогда в старые времена дальние поездки по торговым делам. Посевных площадей у крестьян стало больше после проведенных водоспусков из озер Курккоярви и Пуннусъярви. Кроме того, жители активно занимались рыбной ловлей. Из рыбаков наиболее известным был Йоосеппи Куйсма, который ездил также и торговать. Кроме того, многие представители его рода тоже были известными торговцами, некоторые со временем становились коммерсантами и переселялись в город.

Мужики Тельккяля были известны еще и как кооператоры: например, на протяжении более чем 20 лет в деревне функционировала кооперативная машинно-хозяйственная артель, которой принадлежали, в частности, мельница и круглопильный станок.

Во время боев в период войны 1939–40 гг. здесь, перед главной финской оборонительной полосой, проходившей вдоль северного берега речки Хималаноя [ныне р. Красная], в полосе наступления 43-й стрелковой дивизии Красной Армии накапливались советские подкрепления, поступавшие для поддержки наступления передовых частей.

В 1946 г. в Тельккяля прибыло 15 семей колхозников-переселенцев из Кировской области для работы в колхозе «Красная Горка». А зимой 1948 г. по постановлению общего собрания этих новых жителей Тельккяля была переименована в «Бережок». Однако столь идилическое название не могло удовлетворить ответственных чинов из комиссии по пе-

реименованию, поэтому неудивительно, что деревне снова пришлось поменять название – на «Силино». Последнее образовали от фамилии погибшего воина, сведения о котором отсутствуют.

В настоящее время это место на Карельском перешейке известно также и как участок, где проводились археологические раскопки и были обнаружены следы стоянки древних людей, относящиеся к периоду каменного века (см. главу «Из древней истории»).

Химала Himala

О деревне Химала есть упоминание в налоговых записях 1553 и 1554 годов, в них, в частности, указано 7 хозяйств (в частности, отмечены фамилии Химанен, Репо, Сааванен). Вероятнее всего, деревня получила свое название от фамилии Химанен.

Земли деревни представляли собой сплошные посевные площади. В 30-е годы XX века у самой окраины жил искусный портной Юхо Суокас. Далее следовал добротный дом Сеппянена, который вел торговлю, а также занимался возделыванием своих сельхозугодий; следующим был дом, в котором жили сыновья Вилле Суокаса. У самого озера Пуннусъярви находилось возвышенное место, которое жители называли «Хималан мяки» – «горка Химала».

В деревне занимались возделыванием полей и скотоводством, причем дела год от года шли все лучше. Дополнительную прибавку к крестьянскому благосостоянию давали рыбные уловы на озере Пуннусъярви, среди рыбаков наиболее известным был Людвиг Химанен. В деревне была своя водяная мельница, которую держал Юхо Куйсма; при мельнице были также гонторезный станок и циркулярная пила. Имелась также и своя народная школа, построенная в 1910 году на сухом возвышенном месте на границе между Тельккяля и Химала. Туда ходили дети не только из этих деревень, но также и из Мюхкюрия, Оравала и Саавола. Поначалу в школе работал один учитель, а в 1926 г. в связи с возросшим количеством учеников школе была выделена вторая ставка.

Расположенная в непосредственной близости от дер. Тельккяля, Химала также оказалась в ближнем тылу частей 43-й стрелковой дивизии Красной армии, в первых числах декабря 1939 г. вышедшей к речке Хималаноя [ныне р. Красная], по которой на этом участке проходила главная полоса обороны финских войск. Как известно, финские части, отступая, старались уничтожать постройки, чтобы затруднить пребывание противника на открытой местности в условиях зимы, однако данными о том, что

конкретно было уничтожено и что сохранилось как в этой, так и в соседних деревнях, мы не располагаем. В послевоенные годы эта деревня фактически была объединена с соседними небольшими населенными пунктами Мюхкюрия, Оравала и Саавола, носящими ныне общее название «Лебедевка». В настоящее время данный участок местности представляет собой район интенсивной гачной застройки.

Мюхкюрия, Оравала, Саавола Myhkyriä, Oravala, Saavola [Лебедевка]

На существование населения в этих местах уже в XVI веке указывает, в частности, упоминание фамилии «Саавонен» в регистрационных записях 1553 и 1554 годов (несомненно, деревня Саавола получила свое название от этой фамилии). Кроме того, деревня Мюхкюрия, ранее называвшаяся Саустала, также отмечена в записях XVI века с приведением фамилии «Сеппя». Деревня Оравала была отмечена как жилая в XVIII веке (в документах приводится фамилия «Антонен»).

В XX веке в этих деревнях, расположенных фактически одна за другой у самой административной границы с волостью Валкъярви, было уже много домов – в частности, дом Илмари Химанена, а также хозяйство Суокаса. Здесь жил также известный евангелист-проповедник Вилле Сеппянен со своей большой семьей, которому довелось поехать с проповедями по разным районам Финляндии.

Некоторые хозяйства в этих деревнях были бедные, однако существенное подспорье давало озеро Пуннусъярви с его богатыми рыбными запасами. Некоторые дворохозяева деревни, равно как и жители Тельккяля, занимались торговым промыслом, совершая поездки на рынки.

Судьба этих деревень во время войн 1939–40 гг. и 1941–44 гг. фактически повторяет участь соседних финских деревень. Зимой 1948 года деревня Оравала получила вначале новое название «Заозерная», но вскоре передумали и поменяли имя на «Коммунарку». Это название тоже чем-то не устроило чиновников и окончательно деревне присвоили наименование «Лебедевка» в память о погибшем воине. Полуразрушенные селения Мюхкюрия и Саавола плотно примыкали к Оравала и поэтому получили то же наименование. Этот участок местности сейчас является зоной интенсивной коттеджно-садоводческой застройки.

Пуннус Punnus [Красноозерное]

Деревня Пуннус была своего рода достопримечательностью восточной окраины волости Муолаа. Ее земли и леса были разбросаны от северного берега Пуннусъярви до самой Вуоксы. Об этой деревне ходило такое сравнение: «это все равно что полволости».

Основная часть деревни располагалась у северо-западного берега озера Пуннусъярви. Название появилось предположительно во второй половине XVI века. Согласно народному преданию, оно происходит от имени шведского военачальника Понтуса де ла Гарди, воевавшего с Россией в 80-х годах XVI века. Из поколения в поколение жителями деревни передавались рассказы о строительстве им в этом районе дорог с бревенчатым настилом – это были т.н. «Понтусовы гати» – для прохода своих войск через болотные участки; кроме того, согласно этому же преданию, Понтус де ла Гарди три года квартировал в этих местах, говорили также, что стук колес его кареты иногда можно было слышать доносящимся со дна озера Пуннусъярви.

Известно, что в деревне Пуннус (еще существует и другое ее название – Пуннусниemi, в переводе означающее, надо полагать, «Понтусов мыс») в XVII веке жил крестьянин по фамилии Ванханен, а в XVIII веке было зафиксировано уже большое количество фамилий жителей: Халонен, Хенттинен, Хельтте, Хямяляйнен, Икявалко, Яяскеляйнен, Кауранен, Нярьянен, Паавилайнен, Парикка, Рикконен, Сорвари, Сюсмяляйнен. Таким образом, население постепенно прибавлялось, и к 30-м годам XX века к деревне относилось в общей сложности 120 хозяйств и более 1100 гектаров пахотных угодий. После того как в 1857 году уровень воды в озере опустился и, кроме того, в дальнейшем были проведены еще дополнительные работы по водоспуску, земель и лугов у крестьян прибавилось, в результате чего в Пуннусе были самые хорошие сельскохозяйственные угодья. Урожаи были большие, ибо почва была жирной и глинистой. Кроме того, многие держали коров и регулярно возили на продажу молоко. Держали и свиней, уделяя главное внимание разведению поросят. Основная часть деревни находилась, таким образом, у озера Пуннусъярви, шоссейной дорогой она была соединена с железнодорожной станцией Корпиоя, построенной в 1929 году и находившейся на территории волости Валкъярви. А вот станция Пуннус, расположенная на этой же ветке северо-западнее, относилась к волости Муолаа. В связи с тем, что после 1857 года уровень воды в водоемах бассейна Вуоксы упал,

а в конце XIX века были построены лесопильные предприятия в Пёлляккяля, некоторые жители Пуннуса переселились поближе к Вуоксе, где в устье реки Салменкайта возник посёлок Пуннусйокисуу (в дальнейшем это название сократилось, и деревня стала называться просто Йокисуу (в переводе это слово означает «Устье реки»), в каковой форме название и фигурировало на довоенных финских картах).

Школа была открыта в деревне Пуннус в 1889 году, здание построено через год. Оно стояла на склоне небольшого холма, откуда открывалась широкая панорама озера Пуннусъярви. С 1915 года в школе уже работали 2 учителя вместо одного. Это здание сгорело во время событий гражданской войны 1918 года. После было отстроено новое здание, которое, однако, также было уничтожено – на этот раз во время Зимней войны.

Кроме того, у станции Пуннус, которая со временем стала важным центром транспортного сообщения, была построена ещё одна народная школа – для детей из посёлков Йокисуу и Метсякюля (посёлок Метсякюля был расположен примерно в двух километрах к северу от основной части деревни Пуннус, чуть южнее железной дороги), и, таким образом, в Пуннусе накануне Зимней войны было две школы. Эту школу местные жители называли «школой Йокисуу» (т.е. по названию посёлка, расположенного в устье реки Салменкайта). Основана она была в 1934 году и работала в арендованных помещениях в Йокисуу, а в 1939 году переехала в собственное здание, выстроенное из белого цементного кирпича перед самой войной. Во время боевых действий 1939–1940 гг. деревня оказалась в самом пекле боев, она было так сильно разрушено, что 1 августа 1940 г. в состав вновь образованного Алакусского сельсовета была включена только железнодорожная станция Пуннус.

Илл. 134. Осень 2001 г. Строительство новой деревянной православной церкви в пос. Красноозерное (быв. Пуннус).

В 1941 году с началом боевых действий против СССР на Карельском перешейке финские войска прошли район Пуннус фактически безостановочным маршем, и до июня 1944 года каких-либо серьезных военных операций в этих местах не было.

О первых советских переселенцах сведений, к сожалению, не имеется. Несомненно, что они прибыли осваивать деревню не позднее 1946 г. Зимой 1948 г. по постановлению общего собрания переселенцев деревне Пуннус было придумано новое имя – «Краснозерная». Возможно, переименование было осуществлено путем перевода: слово «rippus» («гиря»), появившееся в свое время под влиянием т.н. «народной этимологии» с преобразованием имени собственного «Pontus», созвучно слову rupa – «красное».

В конце 1940-х годов здесь был организован колхоз «Победа», в дальнейшем, при его разукрупнении по решению Леноблсовета от 5 ноября 1949 г. был создан Красноозерный сельсовет, центром которого стал поселок Краснозерное. В настоящее время здесь ведутся как различные виды сельскохозяйственных работ (связанные в первую очередь с обработкой земли, сенозаготовками и животноводством), так и дачное строительство.

Сокиала Sokiala

Деревня Сокиала, находившаяся у северо-западного берега озера Пуннусъярви и значившаяся в учетных материалах еще в XVII веке с упоминанием жителя по фамилии Сорвари, к 30-м годам XX века фактически стала частью основной деревни Пуннус, и иногда человеку, приехавшему в те места, трудно было определить, где кончается Сокиала и где начинается Пуннус. К деревне Сокиала относилось около десяти домов, из них наиболее добротные, с образцово ухоженными полями, принадлежали Юхо Сеппянену и братьям Куйсма.

Эта деревня, как и деревня Пуннус, также оказалась в самом пекле боев зимой 1939–40 гг. В настоящее время является составной частью населенного пункта Красноозерное.

Куусаа Kuusaa [Климово, Папоротниково, Дубки]

Название это фигурирует в документах начиная с середины XIV века, когда шведский король Магнус подарил эти земли кафедральному собору города Або (Турку). В XVI веке, как уже упоминалось выше (см. главу «Из древней истории») они перешли в качестве гарованного феодального поместья к крупному государственному чи-

новнику Якобу Хэстеско. Местные жители носили фамилии Кянкянен, Лейно и Рямё, в XVII веке появились крестьяне с фамилиями Мэро и Рааска, а в XVIII веке – Кауппи, Тоурунен, Пааянен и Сууси.

Деревня состояла из двух частей – Верхней (Иля-Куусаа) и Нижней (Ала-Куусаа). Главной достопримечательностью была построенная уже упоминавшимся выше Александром Масалиным (см. главу «Под властью русского царя») красивая, с колоннами и башенкой, усадьба имения. В этой усадьбе бывала в детские годы известная соратница В.И. Ленина Александра Михайловна Коллонтай, внучка А. Масалина. Усадьба была окружена пышным парком с очень старыми деревьями, среди которых были древние дубы, ясени и другие благородные древесные породы. Со временем – после освобождения крестьян от крепостной зависимости и выкупа их земель финляндским государством с передачей им в собственность – за усадьбой осталась только небольшая часть угодий с парком, которые в 1918 году приобрел земледelec Матти Саволайнен, а в середине 1930-х годов усадьба с участком площадью 8 гектаров перешла в собственность Земледельческого общества Выборгской губернии, и в здании по инициативе нескольких земледельческих и просветительских организаций был создан Музей истории донационных земель и помещичьего землевладения на Карельском перешейке, просуществовавший вплоть до начала Зимней войны.

Кроме того, в дореволюционный период крупной гачевладельцей в Иля-Куусаа значилась, по данным Выборгского архива, «жена полковника Евгения Константиновна Корнбут-Дашкевич».

Озеро Эюряпяняярви (подробнее о нем см. ниже в главе «Знаменитое озеро Эюряпяняярви. Прошлое и настоящее»), изобиловавшее пернатой дичью, еще в царские времена привлекало русских господ, которые наезжали в эти места поохотиться. Для них у порога Куусаа, что на речке Каннланйоки, был построен охотничий домик (на участке, принадлежавшем Тойво Тоурунену), в котором охотники иногда устраивали разгульные пиршества. С обретением Финляндией независимости власти стали налагать ограничения на отстрел дичи, а к 1930-м годам на озере был введен строгий природоохранный режим. Смотрителем заповедника стал вышеупомянутый Тойво Тоурунен – отличный знаток птичьего царства озера Эюряпяняярви и лучший помощник орнитологов, проводивших исследования среды обитания озерной дичи.

В Верхней Куусаа было примерно 170 домов. К ней относились также небольшие хозяйства (около 20-ти), располагавшиеся в стороне, ближе к реке Салменкайта, и образывавшие поселок Мойниему. Раньше

Папоротниково, Дубки

этот поселок был самостоятельной деревней, которая впоследствии, однако, была включена в состав Куусаа. Деревня Нижняя Куусаа (Ала-Куусаа), располагавшаяся у дороги, которая вела в приходский центр Кирккоранта, насчитывала около двух десятков домов.

Основными занятиями населения были сельское хозяйство и рыбная ловля (наиболее известными рыбаками были Эса Пааянен, Йоосеппи Рааска, Эса Суси, а также жители поселка Мойниемеи братья Рямё).

У порога Куусаанкоски (на р. Канниланйоки) находилось здание пожарной команды. Имелось также несколько магазинов (с учетом большого количества хозяйств в Куусаа), самым первым был открыт магазин, которым владел Пекка (Петр) Тюрин, ранее державший также постоянный двор, где в конце 1930-х годов находилась остановка пассажирских автобусных маршрутов, проходивших через Куусаа. «Акционерная торговая сеть Средней Вуоксы» также имела в Куусаа свою торговую точку. Кроме того, в деревне было две кузницы, а также 2 школы – по одной в каждой из двух частей деревни (построены в начале XX века).

Во время советско-финской Зимней войны 1939–40 гг. Куусаа до середины февраля 1940 г. находилась в ближайшем тылу финской обороны. С началом общего наступления советских войск и выходом частей 13-й армии к тактически важной гряде Эюряпяянхярю в районе Пёлляккяля Куусаа оказывается в тылу у Красной Армии. Через несколько месяцев после окончания Зимней войны в связи с доставкой из глубинных районов СССР на Карельский перешеек новых жителей и созданием низовых административных сельских органов власти 1 августа 1940 года создается Алакусский (так в советских отчетных документах) сельсовет с центром в деревне Ала-Куусаа. Этот сельсовет просуществовал до середины июня 1941 года и прекратил свою деятельность, когда финские войска освободили Карельский перешеек от советской оккупации. Затем вплоть до июня 1944 года Куусаа находится на расстоянии порядка 50 километров от линии фронта, сюда возвращаются эвакуированные финские жители. Мирный труд в условиях войны прерывается в июне 1944 года с началом нового советского наступления.

В середине 1944 года на отвоеванных землях советские власти снова приступают к проведению переселенческих мероприятий и восстановлению деятельности созданных в 1940 году сельсоветов. В состав Алакусского сельсовета вошли также колхозы «Искра», «Ударник», «Путь Ильича», им. Жданова.

С июля 1947 по январь 1948 г. повсеместно проводятся общие собрания граждан, новых жителей Карельского перешейка, с повесткой «О

Илл. 135-136. Обелиск павшим красноармейцам, родина которых находится далеко от этих мест.

переименовании населенных пунктов». Соответствующими постановлениями деревня Большая Куусаа была переименована в дер. «Дубки», а поселок Ала-Куусаа получил наименование «Климовка», которое вскоре трансформировалось в «Климово». Обоснованием послужило пояснение: «в честь погибшего гвардии сержанта И.А. Климова». Поселку хуторного типа Меронмяки было присвоено название «Березовка». Несколько позднее это название было заменено на «Папоротниково». Что означает это название, остается загадкой. Возможно, оно образовано от фамилии погибшего советского воина, сведениями о котором мы не располагаем. 1 октября 1948 года Алакусский сельсовет переименовывается в Климовский с центром в пос. Климово. Все эти переименования закрепили Указом Президиума ВС РСФСР от 13 января 1949 г.

Ныне Климово представляет собой относительно крупный населенный пункт. С востока на запад через поселок проходит асфальтированная дорога, ведущая в поселок Лосево (быв. Кивиниеми), такая же асфальтированная дорога идет на север, в поселок Барышево (быв. Пёлляккяля), дорога на юго-восток, в сторону Правдино (быв. Куркккоранта) имеет грунтово-песчаное покрытие. На незначительном расстоянии от главного перекрестка в глубине деревьев можно увидеть то, от чего сжимается сер-

це и хочется кричать – взору предстает обезображенный скелет главного здания бывшей помещичьей усадьбы, в которой когда-то, в старые времена, бывала Александра Михайловна Коллонтай. Здесь в послевоенные годы, когда Карельский перешеек полностью перешел к СССР, был открыт летний пионерский лагерь от завода «Пирометр», который в середине 1990-х годов был закрыт и фактически заброшен. Этому также способствовал указ Ельцина от 1997 г. который означал снятие статуса охраняемого государством памятника. В настоящее время территория его представляет собой удручающее зрелище: полтора десятка строений, возведенных в разные периоды времени, порушены и разграблены, та же судьба постигла и главное здание бывшего именина. Не тронули его ни революция, ни войны, но вот пришло время новых реформ – и все пошло прахом!

Мянттяля Mä ttälä [Пчелино]

Жители Кемппи, Пааянен, Пуса значились в этой деревне начиная с XVIII века. Деревня фактически примыкала к Верхней (Иля-) Куусаа, как Сокиала (см. выше) примыкала к деревне Пуннус. Деревня состояла из трех десятков домов. Поля деревни прежде были в основном каменистые и песчаные, однако, после падения уровня воды в озере Эюряпяняньярви появились новые и более качественные сельскохозяйственные площади под пашню и луга (вместе с полями Верхней Куусаа общая площадь пахотных земель в 30-е годы составляла 1420 га, а также было около 2000 га лугов на наносных землях). В хозяйстве Матти Торккели выращивалась отличная капуста, а также огурцы на открытом грунте – этими успехами он прославился на всю волость, равно как и другой специалист по капусте и огурцам, Юхо Куккамьяки из соседней Куусаа.

В военные годы судьба Мянттяля складывалась так же, как и судьба Куусаа. В дальнейшей, «по постановлению общего собрания граждан», зимой 1948 г. деревня Мянттяля была переименована в «Поречье» с обоснованием: «по географическим условиям». Не прошло и полгода, как название вновь изменили – на «Пчелино». Последнее, вероятно, образовано от фамилии погибшего советского воина, сведения о котором у нас отсутствуют.

Пейппола Peipola

Располагалась напротив Нижней (Ала-) Куусаа, по другую сторону речки Канниланйоки. Земли, принадлежавшие хозяйствам деревни, гра-

ничили с угодьями деревни Каннила. Домов было около десяти, жители имели в основном фамилию Торккели (она упоминалась в учетных записях еще XVIII века). Наиболее известными земледельцами были хозяева Лахтела, а также братья Йоосеппи и Эмели Торккели. Йоосеппи Торккели был, помимо прочего, очень активным участником деятельности по совершенствованию методов ведения сельского хозяйства, одно время он даже выполнял обязанности секретаря и казначея Земледельческого общества Муолаа.

В военное время Пейппола пережила те же невзгоды, что и основная деревня – Куусаа. В послевоенные годы ее территория была фактически объединена с деревней Ала-Куусаа (впоследствии – Климово).

Паакели Paakeli

Эта небольшая деревушка была расположена у проселочной дороги, которая вела из Нижней (Ала-) Куусаа напрямую в Кююрёля. В ней было всего несколько домов, хозяева которых имели в основном фамилию Кауранен – представители этого рода издавна селились в разных местах Карельского перешейка. Лишь один дворохозяин имел другую фамилию – Ихо. Благодаря расчистке русла речки Искюоки (другое название – Исяйюки (*Ysäjoki*)) сельское хозяйство в деревне существенно улучшилось за счет появившейся возможности использовать прежде заболоченные участки (луга Йоппила, а также некоторые места на болоте Суурсуо). Наиболее известным среди жителей деревни был Йоосеппи Кауранен, который, в частности, состоял членом совета волостных уполномоченных, а также был депутатом финляндского Сейма (Парламента).

Сведения о более поздних периодах истории этой деревни практически отсутствуют. Известно лишь, что на советской карте выпуска первой половины 1950-х годов в том месте значилась маленькая деревенька под названием Климово (возможно, она тогда считалась частью основного поселка Климово). В настоящее же время данный населенный пункт уже не существует.

Илл. 137. Йоосеппи Кауранен

Лейпясуо Leipäsuo

Земли в районе нынешней железнодорожной станции и поселка Лейпясуо (в переводе это слово означает «хлебное болото» – так рабочие, строившие железную дорогу, называли эти места, куда они приехали со всей Финляндии на заработки) в XIX веке относились к донационному имению Куусаа, и на них находились дальние угодья крестьян, приписанных к данному имению. Если подобные угодья имения Пяллиля, как правило, изымались и переводились в разряд государственного лесного фонда, то крестьяне имения Куусаа получали возможность иметь эти участки в своей собственности. В связи с этим у речки Перонйоки [ныне р. Перовка] возникло новое поселение – деревня Килтее (чуть западнее нынешней станции Лейпясуо), относившаяся к деревням Верхняя (Иля-) Куусаа и Мяттяля. Новопоселенцы, расчистив русло р. Перонйоки, осушили некоторые доселе заболоченные места и получили, таким образом, дополнительные сельскохозяйственные земли. Первооснователями этого нового поселения были братья Ристо и Калле Йоэнсуу, которым помогали в работе их уже возмужавшие сыновья.

Участок строящегося полотна железной дороги от Санкт-Петербурга до Выборга проходил по частным владениям князей Голицыных, которые безвозмездно уступили свои земли под строительство. Первая железнодорожная станция близ озера Муолаан-ярви получила название Голицыно. К усадьбе Пяллиля от станции была проложена

Илл. 138. На станции Голицыно. Репродукция со старой открытки.

лесная дорога. Рядом со станцией были построены жилые и хозяйственные здания лесничества – для смотрителя местных лесных угодий и его помощников. Позднее в окрестностях озера были построены и другие усадьбы, которые на старых картах обозначены как мызы. В числе их владельцев были господа Алафузовы, Таратины, Снессаревы. Огню из усадеб в 1905 г. приобрел некто П.П. Бекель и назвал ее «Павлушино».

После отделения Финляндии от России большая часть русских владений лишилась своих хозяев. Станция Голицыно была вскоре переименована в Эюряпяя по названию одного из близлежащих озер. В 1929 году (после того как была образована волость Эюряпяя и было решено присвоить это название новой станции на железнодорожной ветке, строившейся от Выборга на Валкъярви) станция получила новое название – Лейпясуо. В 30-х годах, после того как арендаторы земельных участков получили возможность оформить эти угодья как свою собственность и были проведены официальные землемерно-землеустроительные мероприятия, на карте волости появилась новая отдельная деревня Лейпясуо.

Государственные леса, окружавшие деревню, изобиловали возвышенностями, болотами, ручьями и речками, среди них были речки Перонйоки, Сааретйоки и Каттилаоя. На юго-восток от Лейпясуо, между железной дорогой и озером Муолаанъярви, находилась цепь небольших озер Таасионламмет (сейчас они называются «озера Подгорные», а неофициальное название – почему-то «Гнилые озера»).

Домов в деревне Лейпясуо было около двадцати. Хозяйства большей частью были небольшими, и их владельцам приходилось заниматься работами на стороне – в частности, наниматься на разгрузку и погрузку товарных составов, а также работать на лесозаготовках. В деревне был постоянный двор, содержатель которого имел фамилию Пеухкури. Была здесь также и своя народная школа, построенная в 1925 году, для детей из Лейпясуо, поселка Килтее, а также небольшой деревеньки хуторного типа Каттилаоя (находившейся у дороги, примерно на полпути между Лейпясуо и Иля-Хотокка). В 1928–1940 гг. и в 1942–1944 гг. учителем в этой школе работал Калле Ямсянен.

Еще задолго до начала советско-финской Зимней войны примерно в трех километрах южнее Лейпясуо были построены несколько небольших готов, перед которыми по речке Перонйоки прошла линия оборонительных сооружений: в частности, недалеко от железной дороги была построена бетонная плотина для искусственного затопления местности перед финскими окопами, а с восточной стороны от железной дороги в 1937 году были

воздвигнуты два крупных дота т.н. «миллионного» типа – Ле-6 и Ле-7 (по двум первым буквам названия района – Лейпясую). На этом участке с декабря 1939 г. по февраль 1940 г. происходили отдельные боевые операции местного значения, а в феврале 1940 г. местность здесь стонала от разрывов, когда Красная Армия начала общий штурм финской обороны.

В годы «войны-продолжения» в районе Лейпясую, который был тыловым, проводились, в частности, лесозаготовки и складирование лесоматериалов – главным образом дров.

Деревня Лейпясую была одной из немногих, сохранивших свое финское название до настоящего времени. Хотя в начале 50-х годов было принято решение Исполкома Леноблсовета о переименовании железнодорожных станций, однако фактически относительно Лейпясую (для нее сперва было придумано название – Приветная), а также некоторых других станций (Кархусую, Яппиля и др.) это решение реализовано не было. Как вариант станцию Лейпясую предлагали переименовать в «Казаково» с обоснованием: «в память инженер-капитана Казак С.Н., похороненного на ст. Лейпясую». Это предложение также было отвергнуто чиновниками из МПС. Так бумажная волокита спасла прежнее, хотя и не первоначальное, название станции и поселка.

В настоящее время Лейпясую – это небольшая железнодорожная станция в 30 минутах езды на электричке от Выборга. Северо-восточнее находится заболоченный участок местности, на котором размещено огромное садоводство.

ДЕРЕВНИ ВОЛОСТИ ЭЮРЯПЯ

Рахкола *Rahkola*

Название происходит от крестьянской фамилии Рахконен, упоминающейся в налоговых записях за XVI век. В 1930-е годы это была небольшая деревня в западной части волости Эюряпя, в которой насчитывалось всего около 20 домов. Дома, однако, были добротные, а сельхозугодья, расположенные на ровной местности, хорошо ухоженные. Примерно половина их одно время находилась в собственности Поуттайненов – представители этого рода некогда преселились в соседнюю деревню Каукила с озера Вуотъярви. Правда, постепенно их земли перешли к нескольким другим владельцам.

Самым образцовым в деревне Рахкола было хозяйство Эйно Каукинена (площадь его составляла более 100 гектаров, из которых 43 га занимали пахотные поля, некогда возделывавшиеся Поуттайненами).

Упоминаниями о каких-либо заметных событиях, связанных с этой деревней, мы не располагаем. В настоящее время деревни как таковой фактически не существует.

Каукила *Kaukila* [Кузьминское]

Деревня Каукила, к которой первоначально относились и хозяйства расположенной западнее и впоследствии официально отделенной от нее деревни Рахкола, о которой сказано выше, появилась, по всей видимости, где-то в XVII веке, поскольку в налоговых документах за этот период имеются упоминания о крестьянах с фамилиями Хятёнен и Каукиайнен, проживавших в этих местах. В Муолаа и в Эюряпя, в том числе и в Каукила, в более поздние периоды времени проживали также люди с фамилией Каукинен – надо полагать, что от фамилий Каукиайнен и Каукинен деревня и получила впоследствии свое официальное название.

В XX веке в Каукила насчитывалось порядка 50–60 дворохозяев, имеющих пахотные земли, каковых (относящихся к данной деревне) было в общей сложности около 800 гектаров. Деревня не являлась единым и компактным поселением, а делилась на три части – центральную часть (*keskikylä*), т.н. «верхний конец» (*ylipuoli*), расположенный к югу, и Харвакюля («Редкую деревню»), расположенную севернее. «Верхний конец» находился по другую сторону залива, относящегося к озеру Эюряпяньярви, и вплоть до первых лет независимости страны он не имел прямого

дорожного сообщения с центральной частью деревни, куда обычно добирались через станцию Ристсеппяля [ныне поселок и железнодорожная станция Житково], относившуюся уже к другой волости – Хейнйоки. В 30-е годы XX века домов в «верхнем конце» было около десяти, жители в основном имели фамилии Кянкянен и Поутиайнен. Здесь обрабатывал свои угодья Эса Хятёнен – известный в волости деятель местного молодежного общества и писатель. Харвакюля, т.е. северная часть деревни Каукила, была отделена от центральной части высоким холмом Ревонмяки (в переводе означает «Лисья горка»), с которого открывался хороший обзор – панорама озера Юрьяпяняярви, долина речки Канниланйоки, была видна даже церковь Муолаа в Кирккоранта. На склоне Ревонмяки находилось здание народной школы деревни Каукила, построенное в начале XX века (решение об образовании своего школьного округа Каукила (с включением в него также деревни Рахкола) было принято на собрании жителей волости Муолаа, состоявшемся 23 сентября 1899 года, одним из участников которого был известный дворохозяин Туомас Поутиайнен, избиравшийся также в финляндский сословный Сейм).

Илл. 139. Туомас Поутиайнен

Северо-восточнее Каукила, по обе стороны проложенной к 1930 году железной дороги, находилось громадное болото Хятясуо (букв. «Спасительное болото»): в стародавние времена, когда шли войны, люди уходили за это болото и скрывались от неприятеля на расположенном среди трясин островке Лаутсаари. Еще севернее было озерцо Саарлахденлампи, рядом с которым было несколько домов. Там жил, в частности, известный земледелец Вилхо Маннинен, который прославился своим упорным трудом, расчистив не один гектар земель под пахотные угодья, проложив километры сточных канав и возведя добротные и крепкие жилые и хозяйственные постройки. На сельскохозяйственной выставке, проводившейся в 1935 году в Кивиниеми [ныне пос. Лосево], ему была присуждена медаль Центрального союза сельскохозяйственных обществ (*Maatalousseurojen Keskusliitto*).

В деревне Каукила, уголья в которой были и так довольно неплохие, были проведены работы по расчистке речки Хиийоки (ныне р. Кузьминка), в результате чего были осушены заболоченные участки у оз. Хииярви и получены качественные по почвенным условиям дополнительные площади под сельхозуголья.

В Каукила (в центральной деревне) также жил Матти Мякеля – самый известный во всей волости Эюряпяя земледелец. У него были великолепно ухоженные поля и хорошая скотина. В его хозяйстве были также мельница и циркулярная пила. Здесь находился также дом Тауно Поутуайнена – представителя известного рода Поутуайненов (среди которых, как уже упоминалось, были и члены финляндского Сейма) в третьем поколении. Соседом Мякеля был также Тахво Химанен – известный коневод, земледелец и скотовод-селекционер, переселившийся в Каукила из деревни Химала, что в волости Муолаа у озера Пуннусьярви.

В Каукила была торговая точка по продаже потребительских товаров, относившаяся к кооперативному магазину деревни Мялкёля. За товарами, которых в этой лавке было не купить, жители ездили в Выборг и в Пёлляккяля. С ноября 1928 года для этих целей люди уже могли воспользоваться услугами железной дороги: был пущен в эксплуатацию участок от Выборга до станции Эюряпяя.

С началом Зимней войны через деревню Каукила двинулись массы беженцев, эвакуируемых из близлежащих населенных пунктов. Железной дорогой удалось вывезти в Выборг и далее лишь часть людей и имущества, однако вскоре, по свидетельству упомянутой нами выше бывшей жительницы волости Эюряпяя Лайлы Ювонен, эвакуационные перевозки по железной дороге были прекращены в связи с разрушением полотна советской авиацией, и люди были вынуждены уходить проселочными и лесными дорогами.

После аннексии весной 1940 года этих земель у Финляндии и появления здесь власти бериевского НКВД, культа личности Сталина и прочих атрибутов советской действительности тех лет, в Каукила была создана центральная усадьба т.н. Каукильского сельсовета, к ведению которого были отнесены – согласно имеющимся архивным сведениям – 20 населенных пунктов, частично относившихся ранее к волости Эюряпяя, а частично – к соседней с ней волости Хеййюки. Каукильский сельский совет, образованный 26 сентября 1940 г., вошел в состав нового советского административно-территориального образования – т.н. Яскинского района Карело-Финской ССР.

В период «войны-продолжения» 1941–44 гг. деревня Каукила располагалась в стороне от военных событий, хотя летом 1941 г. через нее про-

ходили части 18-й дивизии финской армии, форсировавшие Вуоксу у дер. Кюляпааккола. Затем вплоть до июня 1944 г. здесь было относительное затишье. Из эвакуации возвращались прежние жители этих мест, велись строительные и ремонтные работы по восстановлению разрушенного.

В июне-июле 1944 г. Каукила оказывается в тылу частей Советской Армии, штурмовавших расположенную в 7 км восточнее гряды Эюряпяня-рю. В дальнейшем сюда, как и на другие аннексированные у Финляндии земли Карельского перешейка, снова, как и в 1940 году, завозятся массы переселенцев. Снова возобновляется работа Каукильского сельсовета, центром которого, правда, на этот раз стала соседняя деревня Ристсеппяля.

Зимой 1948 года деревне Каукила присвоили наименование «Горная», как объяснялось в обосновании – «по географическим условиям». После вмешательства комиссии по переименованию деревне было присвоено название «Кузьминская», с обоснованием: «в память сержанта Кузьмина, погибшего под Алатало в 1944 г.»

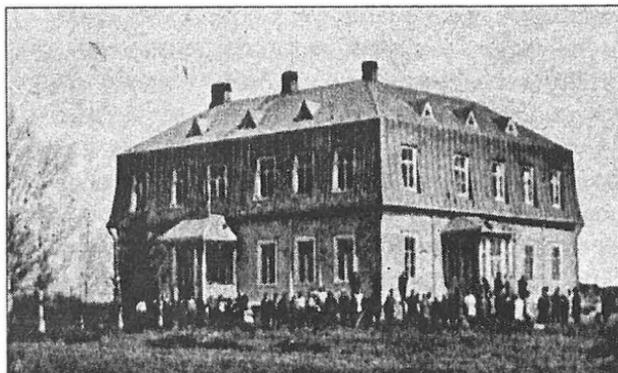
В ходе укрупнения хозяйства к деревне Каукила были присоединены соседние селения хуторного типа – Алатало, Курмяки, Хамарниemi и Кармяки. Дальнейшее развитие деревни шло по нисходящей и к настоящему времени она превратилась в гачный поселок.

Мялькёля Mälkölä [Зверев]

Эта деревня, находившаяся впримерно в 3 километрах от Каукила, упоминается в переписных материалах 1553 и 1554 годов, когда в ней значились 6 домов, фамилии крестьян – Пёнккё (Пёнккя), Ихамойнен и Мялькёнен (скорее всего, от последней и пошло название самой деревни). В материалах XVII века упоминается фамилия Каннинен, а в записях XVIII века – Ахвонен, Ювонен, Пекканен, Ряхянен, Рямё, Рёткё, Салакка, Варус и Весалайнен.

Перед второй мировой войной деревня делилась на две основные части – собственно деревню Мялькёля и Саломялькёля (букв «Лесная Мялькёля»), расположенную у реки Салменкайта. Обе части деревни считывали в общей сложности 130 хозяйств. Посевных площадей у жителей было около 1000 гектаров, помимо этого у многих дворохозяев были угодья на наносных землях у озера Эюряпяня-рюви, на которых росли хорошие травы и были качественные почвы для возделывания посевов.

В старые времена в Мялькёля находилась т.н. дальняя усадьба помещика Вентеля. Ныне Вентеля – это участок местности по дру-

Илл. 140. Народная школа деревни Мялькёля.

вую сторону Вуоксы, за Вуосалми, находящийся у шоссе неподалеку от поселка Новая Деревня (прежнее название – Уусикюля). Перед Зимней войной здесь еще можно было видеть отходящие от главной дороги длинные березовые аллеи, в конце которых находился скотный двор этой усадьбы. Усадьбу впоследствии купили фермеры Лайханен, Химанен и Липсонен. Центральная часть этой дальней усадьбы в дальнейшем принадлежала Липсоненам, у которых были также большие сельхозугодья на наносных землях у озера Эюряпянярви.

Мялькёля располагалась на перекрестке дорог: одна шла в деревню Пёлляккяля и далее к парому на протоке Вуосалми, а другая, проложенная уже позднее, вела к лесопильному заводу. Дороги, отходящие на юг и на юго-восток, вели, соответственно, в Куусаа и к железнодорожной станции Пуннус.

В Мялькёля имелась двухэтажная школа, в которой работали 3 учителя. Школа эта была самой первой в «малой губернии», она была основана в 1884 году. Но поскольку Мялькёля была относительно густонаселенной, в 1927 году была основана вторая школа – в Саломялькёля (здание ее было построено в 1932 году).

На большой поляне недалеко от школы в Мялькёля находилось здание Дома молодежи. Недалеко от школы был и кооперативный магазин Мялькёля (центральная торговая точка), у которого имелись филиалы (дальние торговые точки) в Каукила и в Саломялькёля. В Мялькёля имелись также мельница и циркулярная пила, хозяином которых был Ээнокки Пеннанен. И в Мялькёля, и в Саломялькёля имелись также кузницы.

Основным занятием жителей деревни и прилегающих хуторов было земледелие. Тем не менее те, кто проживал в Саломялькёля (которую называли также Вариксенкюля – «деревня Варис» (название это образовалось от одной из фамилий местных жителей) и расположенном чуть в

стороне хуторном поселке Рутасаари, занимались также ловом рыбы в Вуоксе и в реке Салменкайта.

Судьба деревни Мьялкёля в 1939–40 и в 1941–44 годах сравнима с судьбой деревни Каукила, поскольку располагалась она всего в четырех километрах от последней. В сентябре 1940 г. она была включена в состав Каукильского сельсовета (с октября 1948 года – Житковского).

Зимой 1948 г. по решению сельсовета деревне Мьялкёля было присвоено наименование «Звереве». В основе переименования лежит фамилия погибшего воина, но развернутое обоснование отсутствует. Звереве сегодня – обычный гачный поселок.

Пёлляккяля Pölläkkälä [Барышево]

Первое упоминание о поселении с названием Пёлляккяля, что на берегу Вуоксы, мы встречаем в шведских налоговых переписных материалах за 1553 и 1554 годы, хотя археологические находки свидетельствуют о том, что стоянки обитателей Карельского перешейка в этих местах были и в более ранние периоды: в частности, на территории волости Эюряпяя в районах Пёлляккяля, Пааккола и Вуосалми были найдены отдельные рукотворные предметы, относящиеся к периоду каменного века. Следует помнить, что здесь в свое время пролегал удобный водный путь из Выборгского залива к крепости Кексгольм (быв. Кякисалми) [ныне г. Приозерск Ленинградской области], который далее шел через Ладогу к реке Волхов. Несомненно, узкие проливы и бухточки, а также многие острова на этом водном пути были удобными местами для стоянок жителей каменного и железного веков, поскольку условия позволяли ловить рыбу даже самыми примитивными снастями, и, кроме того, на сухих возвышенных грядах, поросших лесами, было огромное изобилие всевозможной лесной дичи. Поскольку в те времена этот путь представлял собой довольно полноводную цепь озер и проливов, большие площади, на которых ныне растут леса, были затоплены водой, и, к примеру, окрестности Пёлляккяля в период каменного века были большим островом. Указанные налоговые записи середины XVI века указывают, что в Пёлляккяля было 10 дворов и жили крестьяне с фамилиями, в частности, Хинтсанен и Пёлляккя (последняя фамилия, вне всякого сомнения, и дала название этой деревне). В XVII–XVIII веках официальные регистрационные записи содержат такие фамилии крестьян, как Рому, Каукинен, Сеппянен, Парьянен, Рааска, Каннинен, Хюютия.

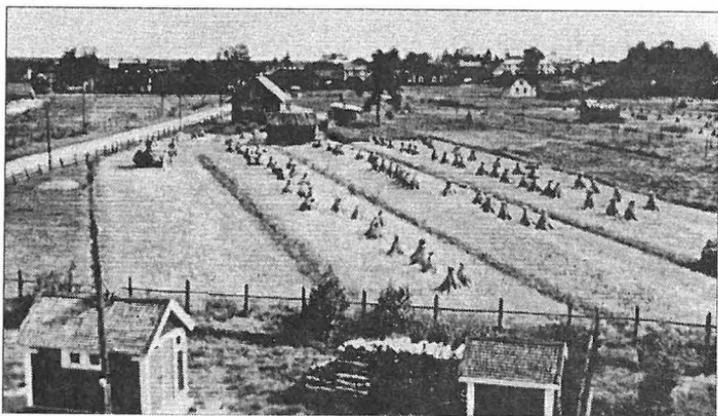
Спокойная и размеренная жизнь поселка, основными занятиями населения которого, как и в большинстве деревень Карельского перешей-

ка, были сельское хозяйство и рыболовство, резко изменяет свой темп, когда в самом конце XIX века в нем появляются лесопильные предприятия. Со временем лесопильный завод «Альстрем» (или, как его называли, лесопильный завод Суурсаари) стал крупнейшим во всей Карелии предприятием по выпуску пиломатериалов, что, в свою очередь, способствовало росту численности населения поселка Пёлляккяля, которое к 30-м годам XX века увеличилось до двух с половиной тысяч человек. В поселке строились новые деревянные дома для работников лесопильных предприятий. Таким образом, внешне поселок Пёлляккяля сочетал в себе и сельскую идиллию, и черты промышленного центра.

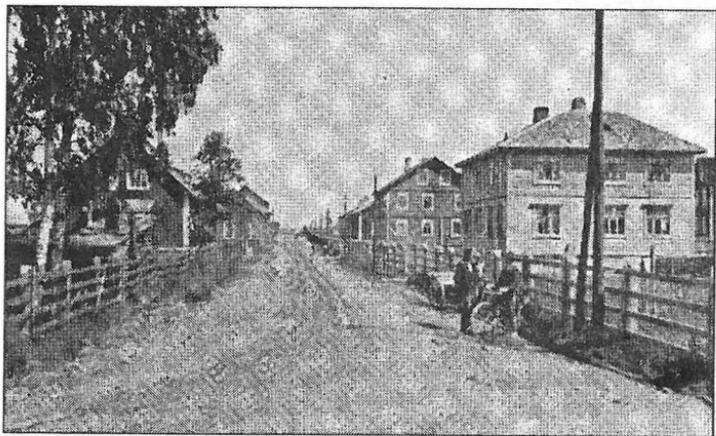
Таким образом, Пелляккяля становится самым густонаселенным поселком не только в Эюряпяя, но и по отношению к волости Муолаа, и именно по причине создания здесь крупных промышленных предприятий и большого наплыва людей, переезжавших сюда из других мест в поисках работы, и было принято летом 1925 года правительственное решение о создании самостоятельной волости Эюряпяя.

В 30-х годах в Пёлляккяля имелаcя масса двух- и даже трехэтажных деревянных жилых строений. Работало большое количество магазинов, наиболее известными из них был головной магазин «Акционерной торговой сети Средней Вуоксы» (*Keski-Vuoksen Osuusliike*), «Хозяйственный магазин Эюряпяя» (*Äyräpä n Talouskauppa*), а также магазины Ронту и Рююппё (фамилии владельцев). Каждую вторую пятницу устраивались базарные дни, когда в Пёлляккяля прибывали торговцы из других мест, в том числе и из Выборга, за покупками приезжало много народу из соседних волостей – Муолаа, Хейнйоки, Вуоксела, Валкъярви. В Пёлляккяля были хлебопекарни, небольшие предприятия по производству прохладительных напитков, банковские конторы, телефонный коммутатор, аптека, больница, молитвенный дом, а также 2 народные школы (объединенные затем в одну) и школа совместного обучения Средней Вуоксы (*Keski-Vuoksen yhteiskoulu*)

Самой крупной школой была т.н. народная школа заводов Пёлляккяля (созданная на базе основанной в 1898 г. лесопильным предприятием Суурсаари («А. Альстрем») школы и школы, открытой в 1902 г. заводом пиломатериалов «Хакман и К°»), в которой к концу 30-х годов работало 10 учителей. Учебный процесс осуществлялся в четырех разных школьных зданиях. Кроме того, были мастерские для обучения ручному труду и металлообработке. С 1926 года все расходы, связанные с ее содержанием, оплачивал завод акционерного общества «А. Альстрем». С 1935 года муниципалитет

Илл. 141. Вид на поселок Пёляккяля, открывавшийся с крыши здания одноименной железнодорожной станции. Снимок 1939 г.

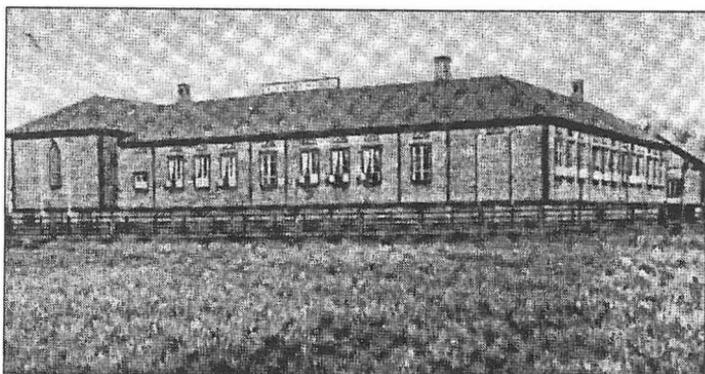

Илл. 142. Улица в Пёляккяля.

волости Эюряпяя перечислял предприятию компенсацию, исходя из расходов, приходящихся на одного ученика в среднем по школам волости.

Школьные здания лесопильного завода Суурсаари были построены к 1915 году на гряде, возвышавшейся между улицей Харьюкату и Вуоксой.

Здание школы, до объединения принадлежавшее лесопильне «Хакман и К°», было отстроено еще в 1904 году, пришкольный участок находился в окружении красивой березовой рощи прямо напротив здания предприятия.

Илл. 143. Школа совместного обучения Средней Вуоксы.

Илл. 144. Состязания по бегу с барьерами на стадионе «Ура» в Пёлляккяля.

Учителями в начальных классах народной школы заводов Пёлляккяля работали в разные годы Йенни Валкама, Анна Осанен, Лидия (Лююдия) Харью и Лаура Вяйсянен. В старших классах работали Катри Норо, Йенни Вайвио, Текла Луукканен, Аапо Нуора, Фанни Стооле, Фабиан и Айно Каскинен, Оскар Пиккарайнен, Антон Уски, Лаура Салонен, Эльса Копонен, Илта Куорикоски, Импи Таннер, Пеллерво Лейму, Пааво Таммивуори, Вилхо Хяннинен, Олави Мюллюля и Вихтори Васко.

Илл. 145. Вид на Вуоксу, открывавшийся с колокольни церкви Эюряпяя.

Школа совместного обучения Средней Вуоксы, основанная при поддержке Общества вспомоществования (*Kannatusyhdistys*) в 1924 году, уже в следующем году получила новое собственное здание, также было отстроено и жилое здание для учителей. Школа эта также располагалась недалеко от лесопильного завода Суурсаари. Школа была пятиклассной. Учились в ней не только дети местных жителей, но были также мальчики и девочки из других волостей, в том числе из Ряйсяля и Кивеннапа. Учителями в школе работали, в частности, Эльса Уотила, Аулис Рекола, Кертту Стенберг, почасовые занятия закона божьего проводил сам настоятель прихода Яакко Марккола.

В 1921 году на лесопильных предприятиях Пёлляккяля было основано спортивно-гимнастическое общество Уга («Путь»). Первым его председателем был выбран учитель Антон Уски. Большую организационную помощь обществу оказывали конторщик Нильс Нильссон и начальник работ Лаури Лайси.

Первую спортивную площадку построили при участии добровольной рабочей силы на территории, относящейся к лесопильному предприятию. Впоследствии сделали более солидный стадион – на участке, бесплатно выделенном предприятием у дороги, ведущей в деревню Мьялкёля; на этом стадионе в дальнейшем проводились не только местные, но и более серьезные соревнования: в частности, в 1936 году здесь проводился чемпионат Финляндии по легкой атлетике, причем команда «Ура» завоевала пер-

Пёлляккяля представляла собой также оживленный транспортный узел. Железной дорогой поселок был связан с Выборгом и Валкьярви, паромом на протоке Вуосалми, примерно в километре от церкви, постоянно перевозились с одного берега на другой грузовые и легковые автомобили, пассажирские автобусы и множество другого транспорта. Кроме того, по Вуоксе ходили пароходы (см. главу «Водный транспорт»), и в Пёлляккяля были пристани у парома, у мыса Ламмасниemi и у лесопильного завода.

Во время военных событий район Пёлляккяля, а также расположенная на противоположном берегу большая соседняя деревня Вуосалми стали ареной ожесточенных боев – в феврале – марте 1940 г. и в июле 1944 г. (подробнее см. в гл. «Годы грозовые»). С сентября 1940 г. по июнь 1941 г. поселок входил в состав Каукильского сельсовета, возобновившему свою работу в 1944 г. В послевоенное время происходило укрупнение хозяйств, результатом которого стало слияние селений Пааккола, Ояпелто, Сеппяля и Пелляккяля в единое целое. А поскольку селение Пааккола в 1948 году было переименовано в «Барышево», то это наименование распространяется и на все остальные части поселка. На полях, прилегающих ныне к поселку Барышево, располагаются угодья совхоза «Житково». В настоящее время это населенный пункт сельского типа, в котором, впрочем, можно увидеть также и некоторые сохранившиеся с довоенных времен постройки.

Вуосалми Vuosalmi

На территории деревни Вуосалми, располагавшейся на обширном пространстве вдоль левого берега одноименного пролива (в переводе это слово означает «протока», «проточный пролив») были обитатели еще в каменном веке (об этом свидетельствуют найденные там, равно как и на правом берегу пролива, отдельные относящиеся к этому периоду предметы материальной культуры). В XVII веке переписные книги фиксируют фамилии местных жителей – Ваари, Пасури, Рямя, Ванханен, в XVIII веке – Ювонен, Карьялайнен, Карванен, Кисел, Киуру, Ляявери, Рауттайнен, Рямё, Ряттё. Есть и более ранние данные: уже упоминавшиеся налоговые книги 1553 и 1554 годов отмечали наличие в деревне Вуосалми 6 домов, а также фамилии жителей – Копра, Кайпиайнен и Иэлинту (*Yölintu*); последняя фамилия довольно забавная, поскольку ее перевод звучит как «Ночная птица».

Деревня Вуосалми вошла в состав волости Эюряпяя при территориальном размежевании и передаче ее из состава располагавшейся за Ву-

оксой соседней волости Вуоксела в связи с образованием новой административной единицы Эюряпяя в 1925–1926 годах. Причины для этого были прежде всего практического характера: деревня располагалась в непосредственной близости от Пёлляккяля – промышленного и административного центра волости Эюряпяя, с которым была хорошая транспортная связь. Сама деревня была довольно огромной по площади относившихся к ней сельскохозяйственных и лесных угодий: по ширине она простиралась вдоль левого берега протоки на 15 километров, некоторые ее отдельно стоящие дома находились на удалении нескольких километров от береговой линии. Домов в деревне было более 100 (если точнее, то, по данным схемы, выпущенной в Финляндии в 2002 году «Обществом деревни Вуосалми», на этой территории по состоянию на 1939 год насчитывалось 162 земельных участка, принадлежавших разным владельцам – супругам Суло и Сьюльви Карвонен (участок Лехмккаллио), супругам Эмели и Хилье Ляяверу (участок Курениеми), наследникам Тахво Карванена (участок Сулатсаари), супругам Юхо и Ииге Ювонен (участок Ниемеля) и т. д. Под номером 87 на схеме значится участок с усадьбой, принадлежавший компании «А. Альстрем», где жил управляющий по фамилии Косола.

Рядом с берегом Вуоксы находилась пилорама Пасури (фамилия владельца), который имел также мельницу, а примерно в двухстах метрах находилось небольшое войлочно-прядельное предприятие, которое держали супруги Туомас и Йосефина Ювонен.

Пахотных угодий в Вуосалми было 1070 гектаров – больше, чем в любой другой деревне Эюряпяя. Почва на полях, расположенных ближе к Вуоксе, была глинистой, а подальше от берега, ближе к центральной части деревни, шла параллельно Вуоксе каменистая грядка, на которой почвенные условия были значительно хуже.

В целом же угодья деревни Вуосалми были хорошо ухожены, жители были очень трудолюбивые. Образцовыми считались хозяйства, в частности, у Вяйнё Пюкяля, Симо Коркка, Юхо Раутуайнена и Эсы Карванена. Кроме того, дополнительные доходы, способствовавшие улучшению благосостояния жителей, давал относившийся к угодьям деревни общественный (общинный) лесной фонд.

В пяти километрах от парома на дороге, которая вела в волость Вуоксела, в старые времена крепостного права располагалась усадьба Вентеля. В 30-х годах XX века она находилась в собственности наследников Юхо Ляяверу.

Под номером 67 на вышеупомянутой схеме значится место недалеко от берега Вуоксы, где до войны находилась народная школа. Решение о необходимости построить свою школу было принято на собрании жителей деревни, которое состоялось в 1901 году. Дворохозяева пообещали выделить из своих угодий бесплатный участок под строительство, повезти 140 бревен и собрать некоторое количество денег. В 1902 году школа начала работать в доме Вилле Пасури. Со строительством здания были некоторые трудности касательно выбора наиболее подходящего места. Например, если в начале XX века был выбран участок с названием Раутола, то через 30 лет возникла необходимость в переносе места расположения школы. Кроме того, школьное здание было построено на участке деревни, называвшемся Каллиола (эта школа, находившаяся на берегу пролива Вуосалми напротив скалистого островка Тойкка, значится на упомянутой схеме деревни под номером 22; открыта она была в 1928 году, учителями в ней работали Пааво Таммивуори, Т. Силвеннойнен, А. Лейму и Мангу Виркку), однако через какое-то время эта школа стала испытывать нехватку учеников. Кроме того, планировалось также проведение переноса границы школьных округов, в связи с чем предполагалось опять же перенесение местоположения школы Вуосалми, что, однако не устраивало жителей близлежащих домов. Эти организационные неурядицы продолжались вплоть до начала Зимней войны, в период которой советские войска в конце февраля – начале марта 1940 г. вели здесь упорные бои с целью создать плацдарм на левом берегу протоки (см. раздел «Годы грозовые»). Лишь в период 1942–44 гг., когда вернувшиеся из эвакуации жители Вуосалми снова стали обустраиваться в родных местах, для школы было окончательно определено местонахождение – на участке с холмом, где находилось хозяйство Ааппола (правда, с началом советского наступления в июне 1944 года эта школа фактически прекратила свое существование). Учителями в народной школе Вуосалми работали в разные годы, в частности, Оскар Пиккарайнен, Антти Хонкасало, Эмиль Паррас, Мария Паррас, супруги Рейно и Сюльви Парккинен.

После окончания в сентябре 1944 года военных действий между СССР и Финляндией на месте этой деревни практически ничего не оставалось (главным образом в прибрежной ее части); все, что оставалось неразрушенным во время ожесточенных боев 4–11 июля 1944 года, было разобрано и вывезено поближе к укрупняемым населенным пунктам, а места эти приобретали популярность прежде всего среди как

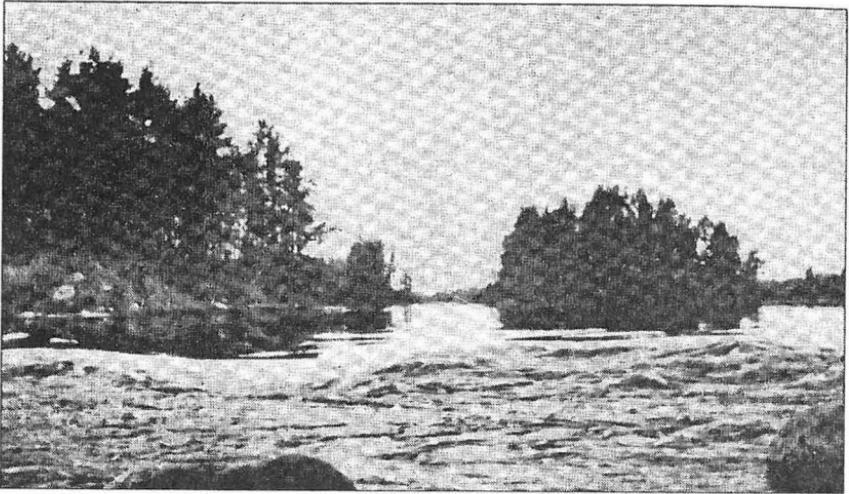
местных, так и заезжих охотников и рыболовов. Большие земельные площади, прилегающие к протоке, распахивались и засеивались сельскохозяйственными культурами.* Паромная переправа в послевоенные годы была ликвидирована, так что с одного берега на другой новые местные жители перебিরались на гребных или на моторных лодках. Вдоль берега, как и прежде, идет грунтовая дорога на поселок Озерское (прежнее финское название – Вуоксенранта).

Пааккола Paakkola [Шлюз Гремучий]

В налоговых записях 1553 и 1554 годов в деревне Пааккола значилось 9 домов (Пухканен, Курки, Паакконен и др.). Фамилия «Паакконен» была, по всей видимости, определяющей при закреплении официального названия деревни. Однако еще в период каменного века в этих местах были поселения древних людей (следы одной из таких стоянок были обнаружены археологами на мысу Касенниеми, образующем северный берег порога Паакколанкоски и расположенном между островом Витсаари [ныне о. Геройский] и заливом Реухуселькя [ныне оз. Луговое]. Кроме того, на некоторых островах на Вуоксе имелись укрепления, служившие укрытием для местных жителей при набегах неприятеля. В финских источниках упоминается также о существовании небольшой крепости на острове Линнасаари («Крепостной остров»), который в результате опускания уровня воды в Вуоксе соединился с материком и превратился в вышеупомянутый полуостров. По всей видимости, поселение здесь стало формироваться как постоянное в связи с удобным местоположением на важном водном пути.

В XX веке деревня Пааккола представляла собой разбросанное по обширному пространству (порядка 12 километров) селение, в котором к концу 30-х годов насчитывалось около 60 домов. Деревня делилась на три основные части – Салопааккола («Лесная Пааккола»), Рантакюля («Береговая деревня») и Кюляпааккола («Деревня Пааккола»). Две последние

* После Зимней войны, несмотря на гремевшие здесь жестокие бои, от деревни Вуосалми еще сохранялась какая-то часть, и новые власти после занятия этой финляндской территории сделали эту деревню аж центром т.н. Вуосалмского сельсовета, к которому были причислены 15 населенных пунктов. Вуосалмский сельский совет, отнесенный к упоминавшемуся выше Яскинскому району Карело-Финской ССР, был образован 26 сентября 1940 г., а 01.10.1948 Вуосалмский сельсовет переименовали в Джатиевский с центром в пос. Джатиево (быв. Каскиселькя).

Илл. 147. Порог Паакколанкоски до строительства шлюза для прохода судов.

располагались в непосредственной близости от Вуоксы, а Салопааккола располагалась чуть западнее, в лесу. В дореволюционные времена сообщение по суше с этой деревней оставляло желать лучшего, однако с обретением Финляндией независимости власти стали уделять внимание также и этому вопросу, и в 1930-е годы к Пааккола уже вели три хорошие дороги: одна шла от станции Эюряпяя, другая отходила от шоссе на участке между деревнями Каукила и Мялькёля и шла к Кюляпааккола через урочище Палокангас, третья дорога соединяла Салопааккола с железнодорожной станцией Ристсеппяя [ныне Житково], что в волости Хеййюки. В деревне имелись также две паромные пристани – одна находилась в Рантакюля, у речки Сяюняйюки (рядом с народной школой и кооперативным магазином), а другая была расположена недалеко от шлюза, построенного в 90-х годах XIX века (см. раздел «Водный транспорт») и ставшего, таким образом, главной достопримечательностью деревни.

Чуть выше порога Паакколанкоски находится остров Витсаари [ныне о. Геройский, уже упоминавшийся выше; новое название связано с событиями второй мировой войны, когда в июле 1944 года здесь шли кровопролитные бои), который в старые добрые времена в летние месяцы служил местом выпаса молодых жеребят; со временем остров почти полностью перешел в ведение Коневогческого союза Южной Карелии (*Etelä-Karjalan Hevosjalostusliitto*). Живописные берега у деревни Пааккола привлекали сюда отпускников из Выборга, дачное строитель-

Илл. 148 Фрагмент довоенной финской карты с указанием расположения деревни Пааккола. ство стало развиваться здесь, когда через Кюляпааккола прошла новая железнодорожная ветка.

Своеобразной достопримечательностью деревни была также и ветряная мельница в Рантакюля, принадлежавшая хозяину по фамилии Карьялайнен, куда местные жители привозили зерно для помола. Кроме того, недалеко от Салопааккола находился небольшой аэродром.

Жители деревни в основном носили фамилии Ванханен, Кильюнен и Лииконен. Наиболее известными дворохозяевами были братья Рааска, а также Матти и Юхо Кильюнен из Салопааккола – у последних, в частности, было много яблонь. В Салопааккола проживал также и Северус Кильюнен, известный в округе своими успехами на литературном поприще.

Народная школа в Пааккола начала работать в 1906 году. Как уже было сказано выше, она располагалась на самом берегу Вуоксы напротив острова Витсаари. После вступление в силу закона об обязательном школьном обучении производилось разграничение школьных округов, в связи с чем школа была перенесена поближе к середине деревни, на участок, расположенный рядом с хозяйством Марьяниemi. Учителями в школе работали Хеллин Калавайнен, Тьюне Хуйкконен, Клаудиа Ванханен, Анни Колхо, Кертту Хуухка, а также был преподаватель с фамилией Пиипаринен.

В период Зимней войны 1939–40 гг. этот участок местности находился на удалении нескольких километров от района ожесточенных боевых действий (Эюряпя – Васиккасаари – Вуосалми). Затем, в сентябре 1940 г., эта территория была передана новыми властями в ведение Каульского сельсовета.

В августе 1941 г. здесь форсировали протоку наступавшие части финской 18-й пехотной дивизии. После стабилизации в сентябре того же года линии фронта здесь велись восстановительные работы, к местам своего проживания возвращались из эвакуации жители. Когда летом 1944 года советские войска начали наступление на Карельском перешейке и к концу месяца фронт подкатился к Вуоксе, боевые действия на гряде Эюряпяняхарью развернулись от станции Эюряпяя до острова Витсаари. На участке у дер. Пааккола финским войскам удалось удержать свои позиции на левом берегу.

После окончания военных действий и включения этих территорий в состав СССР была восстановлена административная структура Каукильского сельсовета, прекратившего свою деятельность в летом 1941 года.

По решению сессии Каукильского сельсовета в январе-феврале 1948 г. деревня Пааккола была переименована в «Орловку». В июле 1948 г. комиссия по переименованию присвоила деревне название «Барышево» с обоснованием: «в память мл. лейтенанта Барышева*, погибшего под Кюляпааккола вблизи от д. Пааккола в 1944 году». Окончательно топонимический идеологизм был закреплен Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 января 1949 г.

В ходе укрупнения хозяйства к деревне Пааккола были тогда же присоединены соседние селения Сеппяля (русская калька – Кузнечное), Ояпелто (русская калька – Ручьево поле) и Пёлляккяля. Через пару десятилетий все эти деревни зачали и были ликвидированы на корню. Позднее на их месте появилась зона неприступных частных владений.

ДОЛГАЯ ДОРОГА К ДОМУ

Это было в августе 1983 года. Они приехали в Ленинград на финском автобусе с группой туристов и разместились в гостинице «Европейская».

С Лайлой Ювонен я познакомился еще в 1981 году. Она приезжала с группой финских туристов, и я, временный (т.е. внештатный) гид-переводчик «Интуриста», сопровождал их в поездке в один из южных городов СССР. Когда мы прибыли в гостиницу, я собрал, как и полагалось, паспорта группы и, передавая их работнику гостиницы, оформлявшей размещение, обратил внимание на то, что в одном их паспортов в пункте «Место рождения» было указано: *Ä ugäpä* («Яюряпяя»).

* Барышев Леонид Александрович, 1925 г.р., 60-й артполк 92 сд, погиб 7 июля 1944 года и похоронен на берегу р. Вуокса.

На следующий день после окончания экскурсионной программы, во время ужина, мы разговорились. Я стал рассказывать о себе и о своем увлечении историей Карельского перешейка. Надо было видеть глаза этой уже немолодой женщины, когда я перечислял и описывал словами места, которые, как оказалось, она очень хорошо помнит еще с детских лет. «Я не была там с 44-го года, – задумчиво произнесла она. – Когда ваши начали наступать, нас в середине июня, это было 15-го или 16-го числа, вывезли в тыл, мне тогда было всего 13 лет. Это была уже вторая эвакуация, первую-то мы пережили еще в начале декабря 39-го. Пришел отец – он был шюцкоровцем, начальником группы, которая несла охрану железнодорожного моста через речку Салменкайта, у деревни Йокисуу (сейчас этого моста и железной дороги там нет, а на месте деревни Йокисуу находится одна из баз отдыха – Д.О.) – и сказал, что всем велено немедленно собираться и уходить. Вернулись мы обратно только в 1942 году. Везде виднелись следы боев, церковь была разрушена, разрушения были и в нашем родном поселке Пёлляккяля, но дом, где наша семья жила до Зимней войны, к счастью, сохранился. Начали было уже обустриваться – и вот опять ... – Лайла помолчала, в глазах у нее я увидел блеснувшие слезы. – Теперь вот живем недалеко от города Тампере. Там у нас много таких, кто родом с Карельского перешейка. Сколько раз мы обращались в наши туристические бюро с просьбой организовать поездку в Эюряпяя, да и не только туда. Желающих очень много. Но документы шли в советское посольство в Хельсинки, ответы оттуда приходили однообразные и невразумительные: таких туров у нас, в СССР, для иностранцев не предусмотрено. Пожалуйста, поезжайте в Москву, Ленинград, Киев, Тбилиси, выбор большой, жаловаться-то не на что! Но только я хочу в родную Пёлляккяля, а туда, выходит, нельзя ...»

Лайла много рассказывала мне о том, как они жили в Эюряпяя до войны. Отец ее был одним из довольно известных в волости людей, одно время даже состоял членом местного муниципалитета. «На том берегу Вуоксы, это уже в волости Вуоксела, было белое здание народной школы. Во время Зимней войны в нее попал снаряд, и в 42-м году я видела ее уже разрушенной, с огромной пробоиной в стене. А недалеко от этой школы, ближе к берегу, это тоже на той стороне, был дом, где жила моя бабушка».

И школу эту, и дом (вернее, остатки развалин и стоящий в лесу фундамент, рядом с которым – заброшенный бетонный погреб), и все то, о чем рассказывала Лайла, мне довелось видеть во время моих путешествий – как по Вуоксе на надувной лодке в мае 1979 года, так и на велосипеде,

причем ездил я туда не один раз. И я пообещал, когда группа Лайлы уже уезжала в Финляндию, что буду поддерживать с ней связь и, в конце концов, органирую ей с братом поездку в Эюряпяя. Мы обменялись телефонами и адресами, – правда, при этом я настоял, чтобы соблюдалась определенная конспирация: сейчас уже не секрет, что и международная телефонная связь, и переписка с зарубежными адресатами подвергались контролю со стороны известного всесильного советского ведомства, поэтому до поры до времени предстояло не афишировать намерения куда-то поехать. Глаза и уши были практически везде, и из «Интуриста» меня вполне могли за это дело под каким-нибудь предлогом запросто выставить и работы больше не давать, это уж точно! Даже в Кодексе РСФСР об административных правонарушениях в Главе 14 («Административные правонарушения, посягающие на установленный порядок управления») в Статье 184 («Нарушение правил пребывания иностранных граждан в СССР, а также транзитного проезда через территорию СССР»), в частности, было сказано следующее: «Предоставление гражданами иностранным гражданам и лицам без гражданства жилища, транспортных средств или оказание им иных услуг в нарушение установленных правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в СССР и правил транзитного проезда их через территорию СССР влечет предупреждение или наложение штрафа в размере от десяти до пятидесяти рублей». Конечно, 50 рублей, хотя в те годы деньги все же значительные – это не так страшно, но вот по части продолжения работы по специальности действительно могли возникнуть осложнения. Тем более что я уже имел печальный опыт: в 1978 году мне закрыли работу переводчиком в Бюро международного молодежного туризма «Спутник» за поездку в Финляндию по частному приглашению. Поскольку данная акция партийной мафии носила явно негласно-противозаконный характер, я считал, что имею полное моральное право не соблюдать те дикие и бесчеловечные подзаконные акты, которые, подобно уголовным «понятиям» и «неписаным законам», регулировали жизнь советского общества вместо официальных законов и официальной Конституции.

К тому времени я уже имел и сомнения относительно целесообразности и тем более законности приобретения Советским Союзом «новых районов» в 1944–47 годах: личные наблюдения, сделанные на Карельском перешейке, чтение «сомнительной» литературы, хоть изредка да попадавшей мне в руки и дававшей некоторые ответы на массу вопросов, которые стали возникать у меня после 1978 года – все это укрепляло во мне убеждение в том, что Зимняя война – что бы о ней сейчас ни вещали официальные записные историки и их ан-

гажированные ассистенты, то бишь карьеристы-конъюнктурщики – была масштабной разбойной акцией с целью «ваше сделать нашим». Конечно, рассуждал я про себя, наивно полагать, что КГБ оставит этот контакт без внимания, тем более если таких походов в Эюряпяя будет сделано не один, а несколько, но попытаться все же стоит (как потом оказалось, такое «внимание» мне было все же уделено, но это уже отдельный разговор).

Итак, сообщив накануне о своем приезде с братом (которого зовут Мартти) в Ленинград, они наконец-то прибыли. Я встретился с ними в условленном месте. Мы спустились в подземный переход, что рядом с гостиницей «Европейская», где я вкратце (поскольку детали мы тщательно уже обсуждали во время нескольких наших с Лайлой предыдущих встреч в Ленинграде) объяснил: завтра встречаемся в 6.00 на этом же самом месте, одеты они должны быть под грибников, то есть в спортивные костюмы подревнее и похуже фасоном (те согласно закивали: да-да, конечно, привезли!), все документы, предметы и т.д., указывающие на их зарубежное происхождение, с собой не брать, в дороге, пока мы будем ехать в электричке до Рошино (быв. Райвола), а затем в автобусе до перекрестка, где остановка «Холодный ручей» (Пуннус), рта не раскрывать, держаться спокойно и без суеты, то есть ни в коем случае не привлекать к себе внимания; если к нам кто-нибудь будет подходить и что-либо спрашивать, говорить за всех буду я, – и так далее.

Таким образом, на следующее утро я явился на место встречи, основательно нагруженный походным скарбом: в руке я держал за ручку-лямку упаковку с 10-килограммовой польской двухместной палаткой «Варта» (в которой, впрочем, вполне можно было разместиться троим (ехать-то наметили с ночлегом, причем ночевать в поле, подальше от глаз людских), за спиной – рюкзак «Ермак» с провизией и необходимой в дороге мелочью, а на плече – большой серый матерчатый мешок, в который я закинул три спальника – чтобы спалось с комфортом!). Добравшись на метро до станции Удельная, мы сели на электричку и через час доехали до станции Рошино, откуда через полчаса должен был отойти автобус на Красноозерное (быв. Пуннус). Расписание движения местного транспорта я разузнал еще за месяц до этого выхода, специально проехав по всему намеченному маршруту нашего следования на велосипеде. Краем глаза я видел, что Лайла и Мартти тоже, как и я, несколько взволнованы: для меня в случае задержания это путешествие могло означать крест на дальнейшей работе гидом-переводчиком в «Интуристе», а для них – лишение возможности в дальнейшем приезжать в СССР.

Но так или иначе в автобус мы все же сели, хотя народу на остановке в Рошино было много и кое-кто даже не сумел влезть в двери. Многие стояли в проходе. Нам же повезло: все трое заняли сидячие места в задней части салона, причем очень удобно: я сидел с краю, и, таким образом, никто из находившихся в автобусе не мог приблизиться к моим попутчикам и заговорить с ними, минуя меня.

На перекрестке в Первомайском (быв. Кивеннапа) автобус остановился, и вошел пожилой мужчина – контролер, который проверял билеты. Пройдя по салону, он подошел и к нам. Я протянул ему, улыбаясь, наши билеты, он посмотрел их и направился к выходу.

Во время проверки билетов Лайла с Мартти сидели, уткнувшись носами в окна (Мартти сидел у окна рядом с тшедушного вида старичком, а посему я был спокоен: в крайнем случае он мог прикинуться, как мы заранее договорились, глухонемым). Поскольку в Первомайском значительная часть пассажиров сошла, а затем на каждой последующей остановке народу в автобусе становилось все меньше и меньше, мы понемногу стали перебрасываться негромкими репликами по-фински, которые из-за шума мотора (это был автобус типа «ЛАЗ») никто из посторонних слышать не мог. Мартти шепотом сказал, что они с Лайлой очень перепугались, когда вошел контролер, и решили, что это – по нашу душу, а посему отвернулись к окнам: будь что будет.

Автобус уже дошел до пустынного перекрестка, где когда-то находилась деревня Суденоя (Развоз), и повернул направо. Лайла с Мартти показывали друг другу глазами и жестами то направо, то налево: по всему было видно, что эти места им хорошо знакомы.

Если участок Выборгского шоссе от поселка Первомайское до Суденоя (после войны там находился небольшой поселок Среднегорье) относился к международной трассе, то дорога дальше уже считалась закрытой для иностранцев. Итак, мы проехали поселок Климово (быв. Ала-Куусаа), и через какое-то время автобус остановился у нужного нам перекрестка.

В салоне оставалось всего человек пять, из них на нашей остановке вышли только мы трое. Когда автобус, урча, скрылся за поворотом, я огляделся: вокруг только лес – и ни души. Внутри стало спокойнее: слежки за нами не было.

Распределив груз (я продолжал нести рюкзак «Ермак», в руках – палатка «Варта», а Мартти взял на плечо упаковку со спальными мешками – поклажа эта была для него, в общем-то, нетяжелая), мы свернули с асфальтового шоссе влево, на лесную дорогу, которая шла по старой железнодорожной насыпи.

Погода была хорошая, светило солнце. Озираясь по сторонам, мои спутники шли, то и дело переговариваясь: вроде и места-то родные, а все-таки уже не те. Нет ощущения привычности, есть только чувство неуверенности от того, что все так меняется. Но вот, наконец-то, и они попали туда, куда мечтали попасть все эти долгие 40 лет!

- Да-а, леса в Карелии большие, – благоговейно вращая глазами, заумчиво произнес Мартти. Вокруг шумели высокие сосны, дорога была ровная и почти прямая. Лайла шла молча, все время о чем-то думая.

Где-то через полчаса мы подошли к речке, которая когда-то называлась Салменкайта. Моста не было. Посередине речки стояла сложенная из серых гранитных блоков опора, верхняя часть которой была довольно неровная и поросшая какими-то зелеными кустами и небольшими деревцами. Рядом с насыпью у речки я увидел небольшой домик и лодку у берега – очевидно, это как-то относилось к базе охотников и рыболовов «Холодный ручей»; неподалеку я заметил пожилого мужчину – по всей видимости, он был смотрителем этого хозяйства.

- Можно лодку взять? – спросил я. – Мы только переправимся, и я вам ее тут же пригоню обратно ...

- Да-да, пожалуйста, – добродушно, не отрываясь от какого-то своего занятия, бросил он, безразлично окинув взглядом нашу компанию.

Лайла была очень этим обрадована: снимать одежду и переходить речку вброд было не надо! Нам же с Мартти было все равно – вброд или на лодке, мы же как-никак мужчины.

Через пару минут мы были уже на другой стороне. Отогнав назад и привязав лодку там, где брал, а вплавь вернулся к своим грузьям, и мы поднялись на насыпь.

- Ну вот мы и в Эюряпяя! – с нескрываемой радостью в голосе объявила Лайла. – Теперь отсюда до Пёлляккяля километров восемь.

Я предложил сделать остановку и немного подкрепиться: ведь из гостиницы они вышли, не позавтракав. Мы расположились на травке, я достал из рюкзака какую-то провизию, несколько конфет, печенье. Подзакусив, мы двинулись дальше.

По дороге нам попались два старых разрушенных дота, стоящих по обе стороны насыпи. Я показал на них своим спутникам, те в ответ кивнули головами. По всему было видно, что говорить что-либо об этих дотах им не хотелось, ибо столько довелось пережить: ведь война отняла у них дом, отняла право жить там, где они родились.

Справа забрезжил в деревьях просвет – показался залив Суурсааренлахти [ныне – залив Лесопильный]. Мы уже подходили к Пёлляккяля.

- А вот там, – Мартти показал рукой, и я увидел среди деревьев какие-то кирпичные стены – то были два остова невысоких кирпичных зда-

ний, без крыш, – были склады, которыми ведали военные. А там, чуть по-
дальше, в паре сотен метров от них, у нас, в Пёлляккяля, был стадион.

Впоследствии, когда Мартти приезжал в Ленинград один и мы ходи-
ли еще в несколько таких «турпоходов» на Карельский перешеек, в том
числе и в Пёлляккяля [ныне Барышево], мы побывали и на этом бывшем
стадионе. Так, вроде бы ничего особенного: ровная, поросшая травой
небольшая площадка, окруженная лесом. Но это для меня, а для них
это место было дорогим воспоминанием детства.

И вот впереди уже показались крайние дома поселка. Лайла остано-
вилась, вид у нее был несколько растерянный, какой-то подавленный.

– Давайте сначала сходим к лесопильне «Альстрем», – наконец не-
громко произнесла она, и мы пошли от «железной дороги» направо.

Вскоре мы уже обходили большие бетонированные площадки с ост-
атками кирпичных стен. Прошли мимо какого-то большого подвала, внизу
я различил какие-то толстые трубы. На краю большого фундамента (оче-
видно, на этом месте стоял главный корпус завода) я заметил одиноко
стоявший электромотор. Подошел, крутнул рукой шкив – он потом
долго вращался по инерции. «Надо же, столько уже стоит под откры-
тым небом – и даже не заржавел», – подумал я.

– Да-а, вот здесь, помнится, мы часто играли, – глядя на широкую гавь
залива, задумчиво сказала Лайла. – Да и Мартти тоже бегал здесь, по
бревнам, с мальчишками. А как-то, было это году в 43-м или 44-м,
когда мы здесь играли, вдруг появились советские самолеты, которые
с высоты начали стрелять из пулеметов! Пули защелкали по бревнам,
а мы соскочили вниз и спрятались за штабелем. Знаешь, как это страш-
но, когда в тебя стреляют с неба.

Я при этом покраснел и ничего не ответил. А что я мог ей ответить?

– Здесь, по берегу, проходила ветка, по которой к «Альстрему» по-
гоняли грузовые платформы, – поясняла она, когда мы уже шли по бере-
гу, приближаясь к центру поселка Барышево. Когда слева показался проход
между двумя горками, она сделала нам с Мартти знак, и мы остановились.

– Ну что ж, посмотрим наш дом, в котором мы когда-то жили, – ска-
зала она и направилась по склону вверх. Я поспешил обогнать их: надо
было убедиться, что впереди никого нет, чтобы избежать каких-либо нео-
жиданностей.

– Ой, что это?! – она даже остановилась. Дома, который ей так хоте-
лось увидеть и который я еще несколько месяцев назад видел целым и
невредимым, уже не было. На его месте стоял только высокий бетонный
фундамент, внутри которого лежала зола и куски обгорелых бревен. Види-

мо, пожар случился недавно, потому что из золы кое-где еще струились белесые дымки.

«Надо же, – с досадой подумал я, – хоть в чем-то да обязательно должно не повезти!»

Убедившись, что поблизости никого нет (да и вообще за все время нам пока что попало навстречу всего человек пять), я дал знак: можно пойдти.

Лайла и Мартти подошли вплотную, потрогали фундамент руками, заглянули внутрь. – Да, как я помню, – произнесла Лайла, – вон та темная куча – это, наверное, тот порошок, который хранился в подвале, им травили мышей. – И она показала на довольно странного, какого-то коричневатого оттенка горку рыхлой массы.

– И что же могло здесь произойти? – это уже был вопрос ко мне.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Мог кто-то из жильцов закоротить проводку или же, напившись пьяным, случайно подпалить ...

Рядом стоял старый, финской постройки деревянный дом. Выяснилось, что Мартти в детстве жил в нем, на втором этаже. Я сказал им, что когда я был здесь впервые, году этак в 79-м, целыми были оба дома.

– Вот так и вся наша жизнь, – добавил Мартти, вздохнув. – Сегодня так, а завтра этак ...

Времени у нас было еще много, поэтому мы походили по поселку, благо никто из жителей никакого внимания на нас не обратил: мало ли туристов или просто отдыхающих приезжает на Вуоксу, тем более что недалеко находилась лодочная станция, где можно было взять лодку напрокат. Кстати, Лайла именно это и предложила, однако я, не зная, к кому и куда с такой просьбой обратиться и не желая привлекать к нашей троице чьего-либо внимания, предложил просто прогуляться по поселку и вдоль берега.

– А вот там была станция Пёлляккяля, – Мартти показал рукой в сторону, – была там еще и почта. Когда мы вернулись сюда в 1942 году, после эвакуации, у меня уже была скоплена некоторая сумма своих денег, и я положил их в банк при этом отделении связи. У меня дома даже есть та старая сберкнижка, которой я когда-то здесь пользовался. В ней есть почтовые штампы, на которых значится: «Пёлляккяля».

Мне было очень неловко и как-то грустно: вот так, политики не договорились, началась война, и вся жизнь у людей – вверх тормашками. А теперь вот приехали сюда тайком, как воры, и боятся, как бы не задержали и не было неприятностей. Как будто нельзя приехать открыто!

Но, наверное, те, кто накладывал эти запреты, знали свое дело: нельзя потому, что на фоне дворцов и архитектурных ансамблей Ленинграда и Петродворца жизнь в глубинке в СССР была далека от идеала, и иностранцам незачем было видеть обшарпанные и подгнивающие дома, огромные лужи и ухабы на проселочных дорогах, убогий ассортимент товаров в местных магазинах – такое «представление о советской действительности» людям из-за рубежа ни к чему! А ведь чуть более 40 лет назад, до войны, все то, что Лайла и Мартти увидели сейчас, выглядело совсем по-другому ...

Дело уже шло к вечеру. Поскольку проситься на ночлег к кому-нибудь из местных было нельзя (поэтому я и взял палатку!), мы пошли по дороге дальше, мимо места, где когда-то находилась т.н. «старая лесопилка» – лесопильный завод «Хакмань», и вскоре оказались за пределами поселка.

– Я думаю, палатку мы поставим во-он там, – показал я рукой в сторону противоположного края широкого зеленого поля, раскинувшегося на несколько сот метров между дорогой и берегом Вуоксы, – там же и костер разведем, сварим суп. – И я вопросительно посмотрел на своих спутников. Они согласно кивнули головами.

Илл. 149. Обложка и один из разворотов сберегательной книжки Мартти Ювонена с отметками о вкладах, сделанных в Пёляккяля.

Илл. 150. На станции Пёлляккяля. Снимок 1935 года.

Когда мы подошли к облюбованному мной месту, я увидел, что оно довольно удачное: площадка ровная, к тому же вокруг есть немного сухого валежника для костра.

Вскоре был сварен суп, открыты банки с консервами. Поужинав (времени уже было около семи, но солнце стояло еще довольно высоко), мы обсудили, куда еще стоит сходить.

– Давайте сходим к церкви, а заодно посмотрим гряды Эюряпяянхярью, – предложил Мартти.

Лайла отрицательно покачала головой. – Я очень устала, – вяло произнесла она. – Место, где был наш дом, мы уже видели, поэтому я лучше лягу отдыхать. – И она на четвереньках полезла в палатку.

– Но я все-таки пойду, – не унимался Мартти. – Как так можно: через столько лет, приехать в такую даль ... Когда еще сюда попадем!

Но Лайла так и не пошла. Забравшись в спальный мешок, она сказала лишь: «Я лучше потом вас послушаю».

– Ладно, тогда мы пошли, – махнул Мартти рукой. – Как ты помнишь, это недалеко, вернемся, наверное, минут через сорок. Но если придет какой-нибудь тип и будет орать, кричать «... твою мать!» или что-нибудь такое, немедленно зови нас, мы его тут же утихомирим, – глаза его блеснули решительностью.

Илл. 151. Когда-то здесь была станция Пёлляккяля. Снимок 1982 года.

Но я видел, что необходимости в этих наставлениях, в общем-то, не было: кругом ни души, до поселка больше километра, да и вряд ли оттуда кто попрется сюда под вечер: для рыбалки, к примеру, место это совсем неподходящее.

Итак, минут через 15 мы с Мартти подошли к небольшой возвышенности у берега, на которой я увидел обвалившиеся остатки какого-то сооружения.

– Здесь стояла церковь Эюряпяя! – с горечью в голосе, но все же с некоторым чувством гордости громко произнес Мартти. Мы молча стояли у развалин. Я нагнулся, увидев под ногами кирпич. На нем латинскими буквами было выдвлено клеймо. «Савикко», – прочитал я вслух.

– Да, эти кирпичи везли сюда по железной дороге, из Перкьярви. Разгружали во-он там, – он показал рукой в сторону, где когда-то вдоль Вуоксы шла железная дорога. – Там была станция Эюряпяя, а оттуда уже доставляли сюда.

Так я впервые узнал о том, где стояла церковь прихода Эюряпяя, построенная в 1933 году.

Потом мы походили по высокой береговой гряде. Она вся была изрыта окопами и ходами сообщения.

Когда мы вернулись к палатке, Лайла уже спала. Мы тоже забрались в свои спальники: завтра предстояло встать в половине шестого утра, на-

скоро позавтракать и затем – в поселок, откуда в 7 часов отходил автобус на Выборг.

Однако вскоре возникла довольно забавная ситуация, заставившая нас, впрочем, довольно сильно поволноваться.

Мои спутники уже сладко похрапывали, да и я тоже уже начал проваливаться в дремоту, когда услышал какой-то странный звук: «Уфф-уфф-уфф-уфф». Звук этот все усиливался и, как мне показалось, постепенно приближался к нам. Он напоминал волну, плещущую о берег, поэтому первой мелькнула мысль: «Наверное, что-нибудь на Вуоксе! А вдруг это вода поднялась и мы сейчас поплывем?!» Сон тут же пропал, и я, резко рванув застежку-молнию на входе палатки, раскрыл его и высунул голову наружу. И вовремя! Поднявшейся воды, правда, не было, однако к палатке все ближе и ближе полукольцом подходило ... огромное стадо коров. За ними, матерясь и спотыкаясь на кочках, бежал пастух, размахивая глинящим кнотом. Несколько коров были уже метрах в десяти от нашей палатки и продолжали приближаться, поедая траву под ногами (этот звук я и принял за плеск волны).

– Коровы идут! – повернув голову внутрь палатки, резким полупшепотом выдохнул я.

Перепуганные Лайла и Мартти, встав на четвереньки, высунулись из палатки, глаза их спросонья были какими-то ошалелыми. Со стороны это выглядело, конечно же, довольно комично, но надо было действовать. Выбравшись из палатки и вскочив в полный рост, я побежал к ближайшим коровам, размахивая руками и грозно крича. Перепугавшись, они стали перескакивать на другую сторону проходящей рядом канавы, и вскоре опасность миновала: стадо, подгоняемое нерадивым пастухом, стало удаляться. А ведь нетрудно представить, что стало бы с нашими вещами, разложенными на траве, да и с самой палаткой, в которой мы находились, не услышь я вовремя этот странный звук!

Утром без каких-либо приключений сели мы в автобус, который часа через полтора доставил нас в Выборг, откуда на электричке мы добрались до Ленинграда. В дороге соблюдали те же самые меры предосторожности, о чем договаривались накануне: вести себя спокойно и естественно, при пассажирах не разговаривать (Лайла и Мартти могли говорить только по-фински) – иностранцам ездить на местных рейсовых автобусах и на электричках не полагалось!

Недоброжелатель из числа каких-нибудь там ура-патриотов, наверное, ехидно усмехнется, прочитав это, и подумает: сколько же тебе, иуда,

отвалили проклятые буржуины за торговлю Рогиной оптом и в розницу? Вынужден его огорчить: брать какие-то деньги я постеснялся, хотя по приезде в Ленинград мои спутники, оставшиеся довольными хорошо организованной поездкой и удачным ее завершением, стали все же предлагать, мне оставалось только назвать сумму. Однако это путешествие было интересным не только для них, но и для меня, прежде всего в силу его необычности. Ну и, конечно же, я приобрел новых хороших друзей, что, как читатель, наверное, согласится, само по себе очень немаловажно.

Итак, мы снова вернулись туда, откуда накануне выехали на Карельский перешеек: приехав в Ленинград примерно в 12 часов дня, мы расстались на станции метро «Невский проспект». Как я потом узнал, мои друзья даже успели к обеду, заказанному для их группы в ресторане гостиницы «Европейская», после чего вместе с другими туристами в сопровождении работавшего с ними местного гида «Интуриста» они ездили, насколько помню, в Петергоф. Но, конечно же, никакие Петергофы, Эрмитажи и Исаакиевские соборы не были для Лайлы и Мартти такими прекрасными, как их родная, пусть даже и сильно изменившаяся после войны Пёллякяля!

«Была б я белой лебедицей ...»

*Раз как-то человек один
Спросил меня: «Скажи, поведай,
Не из Карелии ли ты?
Быть может, ты из Пюхьярви,
Иль в Саккола ты родилась?» -
«Ты прав, я из земель карельских,
Я с берегов Вуоксы бурной,
Из Пёллякяля я, бедняжка», -
Сказала я. И человек тот,
Внимавший мне, вдруг удивился
И молвил, радостью сияя:
«Так, значит, певчая ты лебедь,
С Эюрпяняньярви птица!»
Была б я белой лебедицей,
Свободной, резвой, длиннокрылой,
Я б поднялась высоко в небо
И полетела бы к Вуоксе.
Там на воду бы опустилась -
И снова в поднебесье взмыла,
Туда, где жаворонков стаи,*

*И с высоты небес лазурных
На землю милую взглянула,
И опустилась бы на остров
Хиеккасаари, и на бревнах
У лесопильни Суурсаари
Уселась бы, раскинув крылья.
Поплавала бы я в Вуоксе
И в озере Эюряпяя.
Но нет на мне лебяжьих перьев,
Нет у меня двух сильных крыльев,
И озеро то льдом покрылось,
И вот уж курицей я стала.
Здесь, вдалеке, всегда я помню
Тебя, Карелия родная!*

Лайла Ювонен, 1980 г.

(Переложение на русский язык: Д. Орехов)

ЭПИЛОГ

Весной 1989 года автору довелось сопровождать двух кинематографистов из Латвии, которые готовили документальный фильм о Зимней войне и о судьбе Карельского перешейка и с этой целью хотели провести съемки на разрушенных укреплениях «линии Маннергейма», а также запечатлеть жилые и хозяйственные постройки, сохранившиеся с довоенных времен. Выехав из Ленинграда (который стал Санкт-Петербургом только в конце 1991 года) часов в 12 дня, мы уже часа через полтора были на южном участке бывшей главной полосы финской обороны, недалеко от Финского залива. Осмотрев два разрушенных укрепления и проведя киносъемку, мы затем поехали в поселок Барышево (Пёлмяккяля). Приехали к фундаменту дома, где когда-то в детстве жили мои знакомые, Лайла и Мартти. Латыши, выбрав ракурс для съемки, установили на треноге большую киносъемочную видеокамеру и приступили к работе. Я стоял рядом и делал пояснения: вот в этом доме жили такие-то люди, вот там находилось лесопильное предприятие, вот там, по Вуоксе, гнали водой лесоматериал, вот там находилась церковь ...

– А что это вы тут делаете и кто вам разрешил снимать?! – внезапно услышал я за спиной грозный женский голос с начальственным оттенком. Я оглянулся и увидел женщину лет сорока, которая, недовольно и решительно вперив взгляд в одного из кинематографистов, ожидала ответа на

свой вопрос. Рядом с ней стояли мужчина и еще одна женщина. По всему было видно, что им не очень нравится то, чем мы занимаемся.

– Да вот ..., – растерянно, несколько ошарашенный таким тоном, пожал я плечами. – Это люди из Латвии, они снимают документальный фильм ...

– А чего тут снимать?! – продолжила наступать дама. – Зачем вам эти пепелища? У нас вот там новый клуб выстроен, есть несколько новых домов. Почему они туда не поехали? Почему они ищут у нас то, что похуже и позобразнее? – По ее напористой, администраторской манере я понял, что перед нами представительница местного сельсовета.

Латыши, переглянувшись, показали свои служебные удостоверения. Женщина внимательно их изучила, но тем не менее недовольство не исчезло с ее лица. Ее сопровождающие выжидательно смотрели то на нее, то на нас. Услышав от меня, что люди снимают рабочий материал о финской культуре на Карельском перешейке, они изобразили на лицах еще большее недовольство: какая такая финская культура, что это вы, господа-товарищи, несете!

Я тут же понял, что надо побыстрее уезжать, а то неровен час еще вызовут милицию и влипнем в какую-нибудь историю. Шепнул на ухо одному из спутников: давайте сворачиваться, съездим лучше к церкви, там, по крайней мере, любопытствующих вокруг не будет.

После съемки развалин церкви Эюряпяя я предложил съездить к бывшему кирпичному заводу «Савикко» в Перкъярви [ныне пос. Кирпичное]. Но когда мы туда приехали, снова поднялся крик: какая-то красноногая, лет под пятьдесят женщина, размахивая руками, бурно выражала свое недоумение: зачем это приехали, да еще снимают кирпичные развалины с обветшалой заводской трубой?! Тут же подошел мужик, из местных. Но латыши, зная, что ничего противозаконного не совершают, тут же взяли инициативу в свои руки. Почувствовав, что попадут в кадр и, быть может, еще будут показаны по телевизору, собеседники успокоились и охотно стали отвечать на задаваемые вопросы: давно ли здесь живете, откуда родом, как чувствуете себя на земле, которая когда-то принадлежала Финляндии? От мужика мы узнали, что это исконно русская земля, хотя одно время здесь жили финны, которые, отделившись от России после революции, вступили в союз с немцами и напали на нас в 39-м году, и что Сталин правильно сделал, вернув эти земли Советскому Союзу. Камера бесстрастно запечатлевала его искаженное возбуждением гневное лицо, звукозапись фиксировала излагаемые им «исторические факты».

– Скажите, а в этих местах есть кто-нибудь из тех, кто жил здесь до 39-го года, – задал очередной вопрос звукооператор.

– Есть, – с какой-то теплотой, чуть понизив голос, произнесла женщина.

На несколько секунд воцарило молчание. Я от удивления широко раскрыл глаза, от волнения перехватило дыхание: неужели?!

– Где они живут, можно ли с ними встретиться? – осторожно поинтересовался один из моих спутников.

– А это вам нужно проехать к станции, – женщина показала рукой в сторону железной дороги, – а там через переезд налево, увидите небольшой двухэтажный кирпичный дом. Квартира на первом этаже.

Дом мы нашли быстро. Поднявшись на площадку, я нажал кнопку звонка.

За дверью послышалось шарканье шагов. Щелкнул замок, и в раскрывшемся проеме показалась пожилая женщина, которая вопросительно уставилась на нас настороженными глазами.

– Здрааустуйтте, здесс живветт ...? – начал было излагать свой вопрос один из латышей, однако женщина, услышав нерусский акцент, не дала ему договорить. Всплеснув руками, она громко заголосила:

– О-ой, опять вы пришли! Что вам тут надо?! Уходите, уходите! У нас из-за вас одни только неприятности! Зачем вы к нам ездите?!

Мы растерялись, не зная, что сказать, однако латыш тут же скороговоркой поспешил вставить, что они с товарищем приехали из Латвии, что они кинодокументалисты, хотели бы взять интервью.

Услышав слово «Латвия», женщина как-то несколько успокоилась, стала извиняться и пригласила зайти в квартиру.

Когда мы уселись на предложенные нам стулья, отворилась дверь в соседнюю комнату, и к нам вышел тщедушного вида белесоватый пожилой человек со слезящимися глазами. Он то ли улыбался, то ли строил какую-то гримасу – понять было трудно. Увидев его, женщина как-то резко взвинулась и замахала руками.

– Вот, опять к тебе приехали! Ну, чего уставился, садись уж. И чего тебе в своей комнате не сидится! – голос ее был суетливый и недовольный. – Вы уж на него не обижайтесь, – повернувшись к нам, добавила она, – совсем жизнь мужика доконала. Раньше таким молодцом был, а теперь-то вконец спился, никаких денег не напасится. Сиди уж лучше да помалкивай, я за тебя говорить буду, не срамысь перед людьми-то! – недовольно бросила она ему.

Пожилой человек при этом сидел на стуле, как-то виновато понурился, ничего не говоря, однако его глаза излучали оживленный блеск, и чувствовалось, что он рад визитерам.

Женщина же, все время жестикулируя руками, перешла к рассказу о нем, своем муже, когда узнала, почему мы приехали именно к ним.

Итак, человек этот родился на Карельском перешейке, недалеко от

станции Перкьярви в 1926 году. В 39-м ему было, таким образом, 13 лет. Почему он не ушел с основной массой беженцев, женщина как-то обошла вниманием. Но фактом было то, что он оказался в тылу Красной Армии. Новые власти отправили его далеко от родных мест. В конце 40-х годов ему было разрешено, если он того пожелает, поселиться в Карело-Финской ССР, под Петрозаводском. Там он и познакомился со своей будущей женой.

Когда к власти пришел Хрущев и наступила «оттепель», он решил вернуться в родные места и вместе с семьей приехал в Кирилловское. Здесь выяснилось, что дом, в котором он до войны жил с родителями, сохранился, однако в нем живут другие люди. Попытки на месте решить вопрос о возврате родного очага ни к чему не привели: новые жильцы заняли дом «на законном основании». Началась переписка с высокими инстанциями в Ленинграде и Москве. «Ну что ж, раз уж так получилось, сделать ничего нельзя» – такие ответы мы получили, – грустно улыбнулась женщина. – Предложили вот квартиру в этом доме – благо рядом со станцией. Супруг мой, – она недовольно покосилась на мужа, – поначалу где-то работал, а потом как-то совсем сдал: начал пить, сразу в семье стало не хватать денег, а ему все дай. Да и сейчас свою пенсию пропивает, а потом у меня денег требует. Да, и прочем, с чего не пить-то: такую тяжелую жизнь прожил. Везде его гоняли, понукали, да и сейчас притесняют.

– Это кто же его сейчас-то притесняет? – удивились гости.

– Милиция, кто же еще! – почти выкрикнула она. – В Финляндии-то у него родственники, приезжают вот, не забывают старика. Уговаривали уехать отсюда. Да куда ему сейчас-то уезжать, коль всю жизнь здесь с ним прожили. Ну вот, значит, приедут, навезут подарков – кофе там, одёжа разная. А потом приходит участковый, еще какие-то люди: вы, мол, спекуляцией занимаетесь, а может, еще и шпионажем, смотрите, мол, доиграетесь со своими посетителями. Несколько раз налагали штраф. А мы и так-то не шибко богато живем. Вот и вас мы приняли за его родственников, вы уж извините.

Старик, слыша этот разговор, несколько повеселел: значит, интересен он здесь еще кому-то, раз приехали порасспросить о житье-бытье. Затем, как-то хитро подмигнув и подняв вверх указательный палец, многозначительно изрек: «Латвия – молодцы, скоро у вас будет независимость!» Хотел еще что-то добавить, но жена тут же осадила его, цыкнув: «Молчи уж, старый, совсем язык-то распустил!» При этом с каким-то испугом посмотрела на нас: так ведь и до беды недалеко, неровен час опять придут из милиции или еще откуда!

Беседа наша подходила к концу. Звукозапись была уже почти готова, и гости предложили хозяину сказать несколько слов перед камерой,

которую они тут же установили во дворе перед домом. Хозяйка вынесла стул, старик стал рассказывать, однако на вопросы отвечал односложно и в общем-то не добавил ничего нового к тому, о чем уже рассказала хозяйка. Та же стояла на крыльце и наблюдала, взгляд ее как бы говорил: смотри, не болтай лишнего!

Гости остались довольны поездкой: хоть что-то да удалось все же заснять. Далее, как они говорили, им предстояли еще встречи, работа в архивах. Уже темнело, белая «девятка» мчала нас обратно в Ленинград.

Эта встреча с человеком, выходящем из другого государства, мне почему-то запала в душу особенно сильно. Я пытался представить себе: как же все это было с ним в действительности, почему он доживает свой век в такой забитости и убожестве? Сам остался, из пролетарской солидарности? Может, в семье что случилось, в результате чего дороги с ней разошлись? Оказались в окружении? Конечно, причины могли быть самые разные, многого не рассказали они незнакомым людям, пусть даже и кинодокументалистам – и так их достаточно проверяли и запугивали «компетентные товарищи». Доволен ли он был своей жизнью теперь, на закате своих лет? Вряд ли.

Ленинград встретил нас сверканием уличного освещения, бесконечными потоками автомашин, множеством людей, куда-то спешащих, просто прогуливающих... И мне почему-то подумалось, что всем этим проходим и проезжим в их суеде не было совершенно никакого дела до спивающегося на Карельском перешейке старика, порушенной церкви, некогда возвышавшейся на берегу Вуоксы во всем своем великолепии, каких-то чудом сохранившихся на поросших травой и мхом могильных плитах надписей на чужом языке и до всего того, что было когда-то там, всего в нескольких десятках километров, «не нашего», «несоветского», «нерусского».

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Отечественные и зарубежные издания на русском языке:

1. Административно-территориальное деление Ленинградской области. Справочник. Л., «Лениздат», 1989 г.
2. Балашов Е.А. Метаморфозы топонимики Карельского перешейка. Краткое исследование по этимологии географических названий. Санкт-Петербург, 2003.
3. Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. I – II. М., 1941.
4. Бородкин М. История Финляндии. Время Петра Великого. С.-Петербург, 1910.
5. Вейбуль Й. Краткая история Швеции. Стокгольм, 1994.
6. Воскресенская З. И. Под псевдонимом «Ирина». М., «Современник», 1997.
7. Головин В. В. Русские старожилы Финляндии. // «Живая старина», № 1 (13), 1997.
8. Громов В. И., Шаскольский И. П. Приозерск. Л., «Лениздат», 1976.
9. Грэнхаген К. Б. Спутник по Финляндии. СПб., 1908.
10. Дусаев Р. Н. Уголовное уложение Великого княжества Финляндского. История создания, основные институты. Л., изд-во Ленинградского университета, 1988.
11. Зимняя война. Политическая история. Кн. 1. Отв. ред. О. А. Ржешевский и О. Вехвиляйнен. М., «Наука», 1998.
12. Иппо Б. Б., Турчанинов Н. Н., Штин А. Н. Карельский перешеек. Л., «Лениздат», 1962.
13. «Схема туристских походов» (карта-схема с общим отображением гор и озер Карельского перешейка от Белоострова до озерной линии Вуокса – Суходольское, выпускавшаяся в СССР в 1950-х годах, без выходных данных).
14. Коллонтай А. М. Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники. М., «Советская Россия», 1974.
15. Ленинградская область. Атлас. Масштаб 1:200000. 1996.
16. Лютеранская церковь в Финляндии. Л., 1984. Издание Политуправления Ленинградского военного округа.
17. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1976.
18. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., «Наука», 1987.

Зарубежные издания на финском языке:

1. Arimo R. Suomen linnoittamisen historia 1918–1944. «Otava», Helsinki, 1981.
2. Halsti W. Talvisota 1939–1940. Suomen sota 1939–1945 (Ensimmäinen osa). «Otava», Helsinki, 1955.
3. Huurre M. 9000 vuotta Suomen esihistoriaa. Helsinki, 1979.
4. Kansallinen elämäkerrasto. 1. osa. «WSOY», 1927.
5. Karste-Liikkanen G. Pietari-suuntaus kannakselaisessa elämäkentässä. Helsinki, 1968.
6. Karjala – muistojen maa. Toimittanut Olavi Paavolainen. «WSOY», 1940.

7. Karjala – muistojen maa. Toimittanut Olavi Paavolainen. «WSOY», 1949.
8. Kaukinen Antti. Paakkola. Kadonnut kylä. Hämeenlinna, 2002.
9. Kivelä M. Matka Karjalaan. Pieksämäki, 1983.
10. Kotka ja tuhat joutsenta. Äyräpään lintuparatiisi. Keuruu, 2003.
11. Kähkönen E. Vanha Äyräpää. I-II. Helsinki, 1959–1985.
12. Laisi L. Äyräpääläinen, muistat sie viel. Pakinoita Äyräpään kunnan vaiheilta. Lappeenranta, 1972.
13. Lehtipuu M. Karjala. Suomalainen matkaopas. «Suomalainen Matkaopas Finnish Guidebooks OY», Helsinki, 2002.
14. Mannerheim G. Muistelmat. I – II. «Otava», Helsinki, 1951–1952.
15. Muolaa ja Äyräpää. Toimittajat: Jaakko Sarkanen, Kaino Repo. Helsinki, 1952.
16. Mälkönen A. Kuuluisa Äyräpäänjärvi. // «Karjala», No 45, 1982 (11. 11. 1982).
17. Perkjärvi. Kannaksen kuvastin seitsemän savuin sinisin. Toimittanut Maija Heino-Vesihäisi. Hämeenlinna, 1988.
18. Rapeli T. Punaiselta torilta Zagorskin luostariin. Jyväskylä, 1977.
19. Rimala E. Sotamiehen taskukirja. Hämeenlinna, 1930.
20. Sakkolan historiaa. Toim. Väinö Kaasalainen. «Sakkolan historiatoimikunta», 1951. Toijalan Seutu OY:n kirjapaino, 1987.
21. Sihvonen J., Launis M. Kivikauden karjalaiset. // «Suomen Kuvalehti», No 45, 2000 (10.11.2000).
22. Suomen Sotaväen albumi. Sanoja ja kuvia Suomen asevelvollisen armeijan muistoksi. Mikkeli, 1902.
23. Talvisodan historia. I – IV. Porvoo-Helsinki-Juva, 1976–1979.
24. Tietosanakirja. Toimituskunta: J. Castrén, J. Forsman, K. Grotenfelt, L. Hendell, E. Hjelt, U. Saxén, E. Setälä, I. Välikangas, Y. Wichmann. Osat 1 – 10. «Tietosanakirja – osakeyhtiö», Helsinki, 1909–1918.
25. Vaienneet temppelit. Suomen Neuvostoliitolle luovuttaman alueen kirkot sanoin ja kuvin. Toinen painos. Jyväskylä, 1953.
26. Valkjärvi. Pitäjä kohtaloitten Kannaksella. «Valkjärven historiatoimikunta». Lahti, 1953.
27. Viipurin puhelintuettelo 1939. «Karjalan kirjapaino OY», Viipuri, 1938.
28. Viisi sodan vuotta. Kirjoittanut ja toimittanut Arvi Korhonen. Kolmas painos. «WSOY», 1963.
29. Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. «WSOY», Porvoo-Helsinki-Juva, 1979.
30. Vuorinen A., Sarhimaa L. Lappeenranta kautta aikojen. II. painos. Lappeenranta, 1978.

Архивные источники:

1. ЦГА СПб., Ф. 7179, оп. 19, г. 17, л. 126, 164,
Ф. 7179, оп. 33, г. 551, л. 81 – 83.
Ф. 7179, оп. 44, г. 159.
Ф. 7179, оп. 53, г. 148, л. 60.

2. ЛОГАВ Ленинградский областной государственный архив Выборга,
Ф. 1 сч., оп. 5, гг. 814, 838, 1031, 1060.
Ф. Р-718, оп. 1.
Ф. Р-720, оп. 1.
Ф. Р-1344, оп. 1.
Ф. Р-3000, оп. 1.

Издания, вышедшие в свет при участии членов ИКО «Карелия»

Карты:

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК

Схема исторических и культурных памятников «Laktio Star corp.» 1991.

Масштаб 1:200 000. Двухязычная (рус., фин.). Наряду с современными географическими названиями приведена прежняя исторически сложившаяся топонимика. На карту нанесены все исторические границы, укрепления, храмы и места исторических сражений с датировками. Историко-топонимическая схема составлена Балашовым Е.А.

KARJALAN KANNAS: HISTORIA JA NYKYAIKA 1938—1993.

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 1938—2001.

(выпуск первый, второй)

ЗАО «Карта». 1994, 2001

Масштаб 1:200 000. Современные и старые географические названия (латиница). Границы прежних волостей, застройка населенных пунктов. Подробная дорожная сеть.

Книги:

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК — ЗЕМЛЯ НЕИЗВЕДАННАЯ

часть 1 — 1996 г., части 2, 3 — 1998 г., часть 4 — 2000 г.

Первая часть содержит историю деревень, входивших в состав бывших волостей Кивеннапа и Терийоки. В настоящее время эти населенные пункты отчасти относятся к Курортному району Санкт-Петербурга и к Первомайской волости Выборгского района Ленинградской области. Автор-составитель Балашов Е.А.

Вторая часть содержит историю деревень, входивших в состав бывшей волости Уусикиркко. В настоящее время эти населенные пункты отчасти относятся к Курортному району Санкт-Петербурга и к Полянской волости Выборгского района Ленинградской области. Автор-составитель Балашов Е.А.

Третья часть содержит историю деревень, входивших в состав бывших волостей Каннельярви и Куолемаярви. В настоящее время эти населенные пункты относятся к Победовской и Краснодолинской волостям Выборгского района Ленинградской области. Автор-составитель Балашов Е.А.

Четвертая часть содержит историю деревень, входивших в состав бывших волостей Рауту и Саккола. В настоящее время эти населенные пункты относятся к Сосновской и Громовской волостям Приозерского района Ленинградской области. Автор-составитель Шитов Д.И.

Пятая часть содержит историю деревень, входивших в состав бывшей волости Койвисто. В настоящее время эти населенные пункты относятся к Приморской волости Выборгского района Ленинградской области. Автор-составитель Балашов Е.А.

Шестая часть содержит историю деревень, входивших в состав бывшей волости Йоханнес. В настоящее время эти населенные пункты относятся к Советской волости Выборгского района Ленинградской области. Автор-составитель Балашов Е.А.

ПРИНИМАЙ НАС, СУОМИ-КРАСАВИЦА!

"Освободительный" поход в Финляндию 1939—1940 гг.

Издательство «Цитадель»; 1 и 2 том. Под редакцией Балашова Е.А.

Первая книга является сборником документов, представленных в хронологическом порядке в виде дневника войны. Советские и финские документы образуют параллельный ряд, что облегчает их сравнительный анализ. Книга лишена комментариев, так как документы говорят сами за себя.

Во второй книге собраны статьи по отдельным малоизученным темам, воспоминания участников войны, пропагандистские материалы. Обе книги содержат большое количество иллюстраций.

ЛИНИЯ МАННЕРГЕЙМА И СИСТЕМА ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ФОРТИФИКАЦИИ ФИНЛЯНДИИ 1919—1940 гг.

Балашов Е.А., Кишкурно Я.А.

СПб.: Издательство «Остров», 2002 — 76 с., с илл.

В книге изложена история создания системы укреплений на Карельском перешейке, приведены данные о техническом состоянии большинства объектов, чертежи, карты, фотографии.

ТАНКОВЫЕ ВОЙСКА ФИНЛЯНДИИ 1919—1945 и участие советской и финской бронетехники в боях в Карелии и на Карельском перешейке в годы войны.

Кишкурно Я.А., Зубкин А.Ю.

СПб.: «ИП Комплекс», 2001 — 52 с., с илл.

В книге рассказывается об истории развития финских бронетанковых сил, об их техническом оснащении и о малоизвестных эпизодах боевых действий в Карелии и на Карельском перешейке в 1941—1944 гг.

В «НОВЫХ РАЙОНАХ»

Из истории освоения Карельского перешейка 1940—1941, 1944—1950 гг.

Степаков В.Н., Балашов Е.А.

СПб.: Норммедиздат, 2001 — 144 с., с илл.

В книге рассказывается о первых этапах освоения Карельского перешейка советскими переселенцами, приводятся документы, фотографии и воспоминания о первых послевоенных годах в Койвисто.

МЕТАМОРФОЗЫ ТОПОНИМИКИ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА
Краткое исследование по этимологии географических названий

Балашов Е.А.

СПб.: ИПК «Нива», 2003 — 124 с.

Краткое исследование по топонимике Карельского перешейка охватывает территории Выборгского и Приозерского районов Ленинградской области, а также частично Курортного района Санкт-Петербурга.

КЕЛЛОМЯКИ — КОМАРОВО

Балашов Е.А., Исаченко Г.А., Снеговая И.А., Калесник Е.В., Мельников В.А.,
Моженко Э.С.

СПб.: Издательство «МКС», 2003 — 46 с., с илл.

Исторический очерк, охватывающий период от появления дачного поселка до наших дней. Издание иллюстрировано картами.

ПУТЬ ИЗ ФИНЛЯНДИИ В СИБИРЬ

Тойво Куриikka. Под редакцией Балашова Е.А.

СПб.: ИПК «Нива», 2003 — 156 с.

В книге публикуется письмо «сибирского финна» Тойво Куриikka, родившегося на Карельском перешейке под Выборгом в деревне Аласяйниэ (возле нынешнего Верхне-Черкасово). Десятилетним мальчиком вместе со своей матерью он попал в зону советской оккупации и вскоре оказался в Сибири как «спешпереселенец». Семье Куриikka чудом удалось выжить в страшных условиях сибирского поселения благодаря удивительному стечению обстоятельств. Судьбы «овец» и «волков» странно переплетаются в этом документальном повествовании.

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ КНИГИ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПОСТУПАЮТ В ПРОДАЖУ В МАГАЗИНЫ: «АКАДЕМКНИГА», «ПАГАНЕЛЬ» И «ЛЕТНИЙ САД».

В ВЫБОРГЕ КНИГИ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В МУЗЕЕ «ВЫБОРГСКИЙ ЗАМОК» В МУЗЕЙНОМ МАГАЗИНЧИКЕ.

Право на печать предоставлено Издательско-полиграфическим комплексом «Нива»
191119, Санкт-Петербург, Лиговский пр., 108-Б, тел. 164-6979.
Лицензия сер. ЛП № 000061 от 15.01.99
Подписано в печать 03.03.2004

Тираж первого завода 700 экз.
Отпечатано в типографии «TOURUSSELL»,
Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 1, тел./факс: 117-5474.
Заказ⁹

